

ноябрь – декабрь
6 (86) 2018 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

- 10 ШТОМПЕЛЬ Л. А.**
ДЕЛОКАЛИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВ
СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
- 17 АНТОНОВА Л. Ю.**
ВЛИЯНИЕ КРЕАТИВНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ
НА ГОРОДСКУЮ КУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
- 27 СОКОВИКОВ С. С., СКЛЯРОВА В. С.**
ВИРТУАЛИЗАЦИЯ И РЕАЛЬНОЕ ЗРЕЛИЩЕ
В СОВРЕМЕННОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
- 35 ЛИСЕНКОВА А. А.**
ВИРТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИСКУССТВЕ
– НОВЫЙ ФАКТОР ИНКУЛЬТУРАЦИИ
И СОЦИАЛИЗАЦИИ
- 43 ТЕСЛЕВ А. А.**
ДИАЛЕКТИКА ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
«МЫСЛЯЩАЯ МАШИНА» МЕЖДУ ИДОЛОМ
И ИДЕАЛОМ

**ФИЛОСОФСКОЕ
ЭССЕ**

50 КАЗАКОВ Е. Ф.

ОПЫТ МЕТАФИЗИКИ ДЕТСТВА

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

60 МИРОНОВ А. С.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В БЫЛИНОВЕДЕНИИ:
ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОГО ЭПОСА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

78 БОНДАРЕВ А. В., ЛЕОНОВ И. В.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДВОРЦОВО-ПАРКОВОГО
АНСАМБЛЯ ЦАРСКОГО СЕЛА). СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

88 ЗОРИЛОВА Л. С.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
Н. К. МЕТНЕРА В КОНТЕКСТЕ
ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

96 ДВИНИНА-МИРОШНИЧЕНКО Н. Е.

ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОГО «РИМЕЙКА»
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

106 ИВЛИЕВА И. А., ПОЛАГУТИНА Л. В.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ
М. А. АРИАРСКОГО В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «КУЛЬТУРА»

**115 ШАМСУТДИНОВА Д. В., ТУРХАНОВА Р. И.,
ИВАНОВА А. В.**

ФОРМИРОВАНИЕ ДОСУГОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
ПРАКТИКИ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

123 СЕМАК Т. Ю.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ ЛИЧНОСТНО
ОРИЕНТИРОВАННОГО ЭСТЕТИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ ПОДРОСТКОВ

131 ПИВТОРАК А. Н., КУТЬКИНА О. П.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛЮДЕЙ
С НАРУШЕНИЯМИ ФУНКЦИЙ ОПОРНО-
ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА СРЕДСТВАМИ
БАЛЬНОЙ ХОРЕОГРАФИИ

**ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ**

138 САДОВСКАЯ В. С., РЕМИЗОВ В. А.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕХОДА ОТ МОДЕЛИ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ К МОДЕЛИ НЕПРЕРЫВНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ

146 АХМАДИЕВА Р. Ш., ХУСАИНОВ Б. Р.

ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ ОТКРЫТЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ГРАНИЦ

151 ГЕНОВА Н. М.

УСЛОВИЯ АКТИВИЗАЦИИ ЛИДЕРСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА БУДУЩИХ АКТЁРОВ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

**БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

158 НЕРЕТИН О. П.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
КАК ИНСТРУМЕНТ ЦИФРОВИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ:
К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ
ЗНАНИЙ И ТРАДИЦИОННЫХ ВЫРАЖЕНИЙ
КУЛЬТУРЫ

164 КУЗНЕЦОВА Т. Я.

ЧТЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ
ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

171 ДРОЗДОВА О. В.

ЧТЕНИЕ ТРУДНЫХ ПОДРОСТКОВ
КАК МЕТОД ИНКУЛЬТУРАЦИИ: ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

November – December
6 (86) 2018
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

THE THEORY OF CULTURE

10 SHTOMPEL L. A.

DELOCALIZATION OF PUBLIC SPACES
OF MODERN CITY: CULTUROLOGICAL ANALYSIS

17 ANTONOVA L. YU.

THE IMPACT OF CREATIVE COMPONENTS
IN THE URBAN CULTURAL MILIEU:
A REGIONAL PERSPECTIVE

27 SOKOVIKOV S. S., SKLYAROVA V. S.

THE VIRTUALIZATION AND THE REALITY SHOW
IN THE MODERN VISUAL CULTURE

35 LISENKOVA A. A.

VIRTUAL TECHNOLOGIES IN ART – A NEW
FACTORENCULTURATION AND SOCIALIZATION

43 TESLEV A. A.

THE DIALECTICS OF ELECTRONIC CIVILIZATION:
“TNINKING MACHINE” BETWEEN IDOL AND IDEAL

**PHILOSOPHICAL
ESSAY**

50 KAZAKOV E. F.

HUMANITY OR CHILDHOOD FOREVER

**ART CULTURE:
HISTORY
AND MODERNITY**

60 MIRONOV A. S.

AXIOLOGICAL APPROACH IN EPIC STUDIES:
VALUE ANALYSIS OF THE RUSSIAN EPIC
IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

78 BONDAREV A. V., LEONOV I. V.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES
TO THE STUDY OF MONUMENTS OF CULTURAL
HERITAGE (ON THE EXAMPLE OF THE PALACE
AND PARK ENSEMBLE OF TSARSKOE SELO).
PART ONE

88 ZORILOVA L. S.

THE CREATIVE LEGACY OF N. K. MEDTNER
IN THE CONTEXT OF THE SPIRITUAL CULTURE
OF THE SILVER AGE

96 DVININA-MIROSHNICHENKO N. E.

THE PHENOMENON OF ATIONAL "REMAKE"
IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY ORTHODOX
MUSIC CULTURE

**SOCIAL AND CULTURAL
ACTIVITY**

106 IVLIEVA I. A., POLAGUTINA L. V.

PEDAGOGICAL CULTURE STUDIES OF
M. A. ARIARSKY IN THE CONTEXT
OF IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL
PROJECT "CULTURE"

**115 SHAMSUTDINOVA D. V., TURKHANOVA R. I.,
IVANOVA A. V.**

THE FORMATION OF INDIVIDUAL'S LEISURE
COMPETENCIES IN THE CONDITIONS
OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION'S
SOCIAL AND CULTURAL PRACTICE

123 SEMAK T. YU.

SOCIAL AND CULTURAL CONDITIONS
OF THE PERSONALITY ORIENTED AESTHETIC
EDUCATION OF TEENAGERS

131 PIVTORAK A. N., KUTKINA O. P.

THE SOCIAL AND CULTURAL REHABILITATION
OF THE PEOPLE WITH FUNCTION BREACHES
OF THE SUPPORTING AND MOTOR ORGANS
BY MEANS OF THE BALLROOM CHOREOGRAPHY

**EDUCATION
IN THE FIELD
OF CULTURE**

138 SADOVSKAYA V. S., REMIZOV V. A.

CONCEPTUALIZATION OF THE TRANSITION
FROM A MODEL OF CONTINUING EDUCATION
TO A MODEL OF LIFELONG EDUCATION

146 AKHMADIEVA R. SH., KHUSAINOV B. R.

DISTANCE TECHNOLOGIES IN THE FORMATION
OF OPEN SOCIAL AND CULTURAL BOUNDARIES

151 GENOVA N. M.

THE CONDITIONS OF ACTIVATING LEADERSHIP
POTENTIAL OF FUTURE ACTORS
IN THEIR LEARNING PROCESS

**LIBRARY AND
INFORMATION
ACTIVITY**

158 NERETIN O. P.

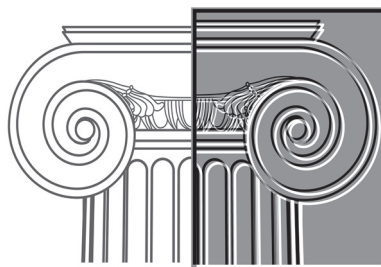
INTELLECTUAL PROPERTY AS A TOOL
OF DIGITALIZATION OF CULTURE:
TO PRESERVE TRADITIONAL KNOWLEDGE
AND TRADITIONAL CULTURAL EXPRESSIONS

164 KUZNETSOVA T. YA.

READING AS A TOOL OF SOCIALIZATION
PERSONALITY OF THE DIGITAL AGE

171 DROZDOVA O. V.

READING DIFFICULT ADOLESCENTS
AS A METHOD OF ENCULTURATION:
PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL
EXPERIMENT

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ДЕЛОКАЛИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00841 по теме «Развитие аудиовизуальной среды современного российского города в контексте сохранения и трансляции этических ценностей российской культуры»)

УДК 130.2:316.334.56

Л. А. Штомпель

Южный федеральный университет

На основе выделения отличия современных крупных городов от городов начала XX века в статье рассмотрено соотношение между общественным и публичным пространствами. Показано, что в ряде случаев они совпадают, однако между ними есть существенное различие: общественное пространство связано с общенародным, общественным, общим, а публичное – с тем, что на виду и при этом глубоко и лично значимо. Прослеживается изменение функций публичных пространств, обусловленное способностью электронных медиа кардинально менять отношения между общественной и частной жизнью. Благодаря новым цифровым технологиям пространственно-временные параметры человеческого восприятия и опыта раздвинулись: индивид может воспринимать информацию и действовать дистанционно, поэтому само *место* физического нахождения человека делокализовалось. В статье представлены новые черты, характерные для пространств современного города.

Ключевые слова: город, общественное пространство, публичное пространство, площадь, электронные медиа.

L. A. Shtompel

Southern Federal University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Bolshaya Sadovaya str., 105/42, 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation

DELOCALIZATION OF PUBLIC SPACES OF MODERN CITY: CULTUROLOGICAL ANALYSIS

On the basis of allocation of difference of the modern large cities and the cities of the beginning of the XX century in article describes the ratio between public spaces and common spaces is considered. It is shown that in some cases they coincide, however between them there is an essential distinction:

ШТОМПЕЛЬ ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета

SHTOMPPEL LYUDMILA ALEKSANDROVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics, the Institute of Philosophy and Social and Political Studies, the Southern Federal University

e-mail: lashtompel@gmail.com

© Штомпель Л. А., 2018

the common space is connected with common, the general, and collective, while public space is connected with what be in the public eye and at the same time is deep and personally significant. Change of functions of public spaces, the caused ability of electronic media to overturn the relation between public and private life is traced. Thanks to new digital technologies, the space-time parameters of human perception and experience have expanded: an individual can perceive information and act remotely, therefore the very place of a person's physical location has delocalized. The new characteristics of spaces of the modern city are presented in article.

Keywords: city, public space, common space, square, electronic media.

Для цитирования: Штомпель Л. А. Делокализация публичных пространств современного города: культурологический анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 10–16.

Город – это сложное, многоуровневое образование: это не только архитектурные и инженерные сооружения и транспортные потоки, но ещё и пространство, в котором существуют люди, являющиеся носителями разных культурных ориентаций, наделённые несовпадающими интересами, целями, желаниями, эмоциями и вынужденные реализовывать свои потребности в достаточно плотном городском пространстве. Поэтому город выступает объектом интереса для всего социогуманитарного знания, в том числе и культурологического. Развёртывание городской культуры, образ города, типология городских жителей и само формирование горожанина как типа – всё это темы разнообразных культурологических исследований, объединённых решением интересной проблемы: в чём состоит смысл жизни в городе, в чём смысл самого города.

Этот смысл определяет для себя каждый отдельный горожанин, избирая тактику выживания в городе. Этот смысл ищет и профессионал-культуролог, выражая своё понимание сущности города. Но города за последние 120 лет существенно трансформировались: они увеличились не только численно (по количеству населения), но изменились качественно. Метропольные ареалы, соединённые коридорами коммуникаций (от воздушных трасс до информационных сетей), – это не те города, о которых

писали классики урбанизма в начале XX века. Да, классическое определение города Л. Вирта: город – это «относительно крупное, плотное и постоянное поселение социально гетерогенных индивидов» [2, с. 99], продолжает эффективно «работать» в культурологических и урбан-антропологических исследованиях. Однако всё чаще раздаются голоса о необходимости осмыслить город по-новому.

Главное предметно-пространственное отличие современного города от города конца XX века – увеличение размеров сооружений, скорости строительства, интенсификация мобильности и какая-то «стерильная» предсказуемость перемещений внутри него. Людские потоки движутся в предсказанных, рассчитанных проектировщиками направлениях, но сами люди при этом обезличены. Как обезличены и здания: они стали одинаковыми. Р. Колхас в своём эссе «Гигантизм, или Проблема Большого» выделяет эту тенденцию в развитии современных крупных городов, заключающуюся в потере ими оригинального облика, в утрате идентичности, в упразднении «классического архитектурного репертуара»: «Вопросы композиции, масштаба, пропорций, детализации становятся неактуальными. “Искусство” архитектуры в контексте Гигантизма оказывается бесполезным» [4, с. 7]. Попытки воспроизвести человеческую дистанцию

между людьми путём оживления жизни на тротуарах (пешеходные улицы, кафе с открытыми террасами, выставки на открытых площадках, фотосъёмка, селфи и т.п.), сохранения и реанимации исторических центров наталкиваются на стандартные решения, в основе которых – лишь экономическая выгода девелоперов.

Тем не менее город составляют люди. Город – это живой организм не столько потому, что он прирастает новыми зданиями и сооружениями, раздвигаясь ввысь, вширь и даже внутрь земли, но и потому, что осуществляющиеся в нём практики изменяют назначение, функции, облик его пространств. Человек своим присутствием одушевляет город, придавая новые смыслы и значения давно известным площадям, улицам и внутренним пространствам общественных зданий по мере их освоения, разворачивания своей деятельной активности, реализации привычных и новых культурных практик. Поэтому «значение пространства никогда не статично, но появляется, варьируется в зависимости от времени, людей и контекста» [11, с. 172]. Населяющие города индивиды постоянно вступают друг с другом в разнообразные контакты – как непосредственные (внутри домов и зданий, на площадях и улицах), так и опосредованные (с помощью различных технических устройств: телефона, телеграфа, Интернета, спутникового телевидения и т.п.).

На протяжении всего существования города (вплоть до XXI века) наиболее интенсивно эти контакты проходили на площадях. Так, рыночная площадь – агора – в Древней Греции являлась центром городской общественной жизни и первоначально выступала местом проведения народных собраний. Сердцем древнеримских городов был форум – тоже рыночная площадь,

где проводились народные собрания, вершилось правосудие, здесь же располагался главный храм и происходил обмен информацией между горожанами. Площадь выступает как один из видов общественного пространства, то есть открытого и незастроенного городского пространства, одинаково доступного для всех жителей и гостей города. Общественное пространство является общим благом, оно принадлежит всем, и все могут им пользоваться (лишь угроза терроризма вносит в это свои неприятные особенности).

Но главное назначение общественного пространства, как мы видим на примере древнегреческих и древнеримских площадей, – быть местом реализации гражданской активности людей.

Конечно, помимо площадей, были и другие места, где происходило наиболее интенсивное общение: цирки (здесь проводились конные состязания, заключались пари, образовывались партии болельщиков), театры, амфитеатры (где проводились гладиаторские бои). Но главное – площади, на которых сообща принимались решения, совершались совместные дела, реализовывалась возможность участия в выборах. Г. С. Кнабе, ссылаясь на Марциала, пишет, что площади, улицы, храмы, портики, лавки Древнего Рима были заполнены множеством людей, которые стремились посмотреть на других и себя показать, «встретиться с приятелем или деловым партнёром, сделать покупки» [3, с. 365], что приводило к невероятной тесноте и такой типичной черте городского образа жизни, как публичность. Г. С. Кнабе рассматривает публичность как «содержательную характеристику римской гражданской общины, внутренне связанную с особенностями её истории, общественной психологии и культуры» [3, с. 367]. Здесь мы и подходим

к вопросу: общественное и публичное пространство – это одно и то же или нет?

В российском языке термины «общественное» и «публичное» употребляются сегодня как синонимы. Однако такое отождествление присутствует не во всех языках: *common / public* (англ.) и *commun / public* (франц.). Такое отождествление терминов в русском языке возникло в результате развития общества в России в XX–XXI веках, что было скрупулёзно прослежено в сборнике статей «От общественного к публичному» [7]. Если в XVIII–XIX веках общество было сферой действия, то сегодня оно – агент действия, оно объединяет людей, живущих в нашей стране, выступая для них внешней реальностью. Некоторые феномены общественной жизни воспринимаются как общие, а не как общественные. «Термин же “общий” имеет значение не только “совместный, разделяемый с кем-либо другим”, как в выражении “общая квартира”, но и “неконкретный” – как в “общие слова» [10, с. 490]. Если в XIX веке лексема «общество» в качестве центрального значения имела значение «группа лиц, объединённых общностью какого-то признака», то для современных носителей языка это прежде всего «вся совокупность жителей данной страны» [9, с. 62]. В результате идея «общего» становится неактуальной, такое общее не объединяет, а «общественное» превращается в оболочку, не предполагающую каких-то конкретных действий. В противоположность этому публичная жизнь рассматривается авторами как росток гражданской активности.

М. Фасмер указывает на то, что прилагательное «публичный» появляется уже у Ф. Прокоповича и Петра I (1704) [8, с. 399], и в их документах оно противопоставлялось частному, приватному. Сам термин «публика» отсылает прежде всего к сфере зрелищ

и театра, а слово «публичный» было связано в XVIII веке с терминами государственной жизни: «публичные места», «публичные наказания», а затем – с новой сферой книготорговли, печатания газет, кофеен, клубов, где обсуждалось новое печатное издание [10, с. 516–517]. Сегодня «публично» – значит «принародно, полным голосом, прямым текстом» обсуждать действительно важное, затрагивающее интересы многих людей. Где же возможно такое обсуждение? Можно предположить, что везде, однако действительно общие интересы невозможно обсуждать с большим количеством людей одновременно. Следовательно, значение общественного пространства (и площади как его частного случая) в современных городских условиях – в условиях большого города – меняется. Площадь может выступать как сцена для больших городских праздников, как место для парада, для демонстраций и митингов, но не как место общения и обсуждения. Личностное общение перемещается в закрытые пространства, хотя и открытые пространства «не хотят» потерять своей важнейшей функции – влиять на сознание людей и быть местом реализации гражданской активности. При этом открытые общественные пространства всё больше начинают отличаться от пространств публичных, где происходит обсуждение и обмен информацией на личностном уровне, «лицом к лицу». Другими словами, отличие общественного пространства от публичного состоит в том, что общественное пространство связано с общенародным, общественным, общим, а публичное – с тем, что на виду и при этом глубоко и лично значимо. Хотя по инерции мы до сих пор отождествляем эти словосочетания.

Сегодня функции публичных пространств изменились. Если раньше публичность предполагала личное присутствие

(самого человека или его творения в виде текста) и обсуждение на глазах у всех, то благодаря новым цифровым технологиям пространственно-временные параметры человеческого восприятия и опыта раздвинулись: мы можем воспринимать информацию и действовать дистанционно. Нахождение человека в определённом физическом месте теперь не является решающим условием для его действий. Другими словами, «соединение» и «смещение» людей, идей, вещей – благодаря новым информационным технологиям – становится всё более дистанцированным. Фиксация данного обстоятельства заставила Э. Амина и Н. Трифта поставить под сомнение «общепринятые представления о месте». Формирование «смешанных пространственностей» на основе разнообразных видов мобильностей – «от потоков людей до потоков товаров и информации», делает необходимым «транснациональный урбанизм», преодолевающий модернистский урбанизм с его противопоставлением глобального и локального [1, с. 12]. «Транснациональный урбанизм» рассматривает города как «узлы транснациональных соединений», логика жизни в которых предопределяется существованием разнообразных сетей. Если прибавить к этому эффект виртуализации социальных, в том числе и городских процессов, то придётся согласиться с Э. Амином и Н. Трифтом в том, что мы нуждаемся сегодня в особых способах обнаружения пространства и места. Какие же новые черты приобретают пространства современного города?

Прежде всего, отметим тенденцию к деиерархизации. Город доиндустриальной эпохи воспроизводил своей структурой иерархию социально-политических и экономических отношений. В условиях анонимности индустриального города, наплыва большого количества незнакомцев, «чу-

жих» прежняя социальная иерархия стала разрушаться. Р. Колхас даже пишет о «полной эвакуации из него (города-генерика. – Л. Ш.) общественной жизни» [5, с. 23]. Однако в тех странах, где социально-экономическое неравенство нарастает, видимое и кажущееся исчезновение общественной активности прерывается её взрывами в первую очередь в общественных и публичных пространствах.

Следующей характеристикой современного города выступает его децентрализация. Доиндустриальные города имели чётко выраженный центр. В противоположность этому, как отмечает Ф. Ферраротти, «мы движемся к континууму город-деревня ... В этой ситуации город лишается своего естественного центра притяжения, ядра» [12, с. 463]. Действительно, привычная для нас с советских времён дихотомия «деревня – город» сегодня уже не работает не только в проекции образа жизни и социальной инфраструктуры, но и в плане континуальности современных человеческих поселений: «сплошной урбанистический ковёр» земли начинает захватывать всё большую территорию, и он является полицентричным.

С 1980-х годов общественные пространства городов приобрели новый элемент – большие телеэкраны. С. Маккуайр проследивает влияние этой важнейшей трансформации городского пространства на общество. Первым следствием явилось то, что электронные медиа стали брать на себя всё больше функций общественных пространств. Внедрение электронных медиа в городской пейзаж принципиально отличается от появления телевидения в квартирах. Если в 1990-е годы исследователи рассматривали «медийное событие» как приватизацию общественной сферы, «поскольку события, когда-то переживавшиеся коллективно на общественном пространстве,

теперь всё больше потреблялись зрителями, наблюдавшими за ними из собственного дома» [6, с. 203], то появление телеэкранов на открытом общественном пространстве выявляет новые роли «электронных медиа в качестве «поворотного механизма» между общественной и частной жизнью» [6, с. 204–205]. Первоначально современные медийные технологии интегрировались в городскую жизнь в качестве инструментов зрелища и слежки (благодаря повсеместному распространению аппаратуры наблюдения). Сегодня же они могут использоваться для формирования других форм пространственной активности человека. С одной стороны, можно предположить, что в условиях обезличивания городских ландшафтов, социальных связей и «технологизации» основных видов человеческой жизнедеятельности (от перемещения по улице до секса) ценность «подлинности» межлических контактов возрастёт. С другой стороны, мы наблюдаем усиление вуайеризма как основного источника информации и наслаждения для значительной части населения. Политические деятели, актёры, художники и музыканты, адвокаты, врачи и повара – все вдруг превратились в медийные персонажи, жизнь которых оказалась более значима и интересна, чем собственная судьба. Эта отстранённость от собственной личности толкает человека в толпу. Не зря фанзоны во время Чемпионата мира были полны

восторженными людьми, переживавшими экстаз от побед команд, совершенно им до этого безразличных. Заворожено глядя на экраны, толпа скандировала лозунги поддержки и крики радости и тем являла пример виртуального участия в коллективной социальной жизни.

Большой медиаэкран позволяет не только установить прямой контакт с более общими социальными реалиями и ценностями (это можно было делать и с помощью радиоприёмника, телевизора, модных журналов), но и коллективно переживать это приобщение.

С. Маккуайр, ссылаясь на У. Дж. Митчелла, указывает на ещё одну новую характеристику современной городской среды: «распространение электронных медиа диаметрально изменило традиционный баланс между скрытым и открытым в городе» [6, с. 227].

Итак, благодаря новым технологиям публичные пространства города (в отличие от общественных) оказались вне привязки к конкретному физическому месту, то есть делокализовались. Это позволяет, с одной стороны, более свободно передавать и интерпретировать информацию, «заражаться» эмоциональным настроением толпы, но, с другой стороны, в результате всё более совершенствующимся технологиям слежки, затрудняет развитие гражданской активности.

Примечания

1. Амин Э., Трифт Н. Города: переосмысляя городское / пер. с англ. В. Николаева. Нижний Новгород : Красная ласточка, 2017. 224 с.
2. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Избранные работы по социологии : сборник переводов : [пер. с англ.]. Москва : ИНИОН РАН, 2005. С. 93–118.
3. Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. Москва : Индрик, 1994. 528 с.
4. Колхас Р. Гигантизм, или Проблема Большого // Гигантизм, или Проблема Большого. Город-генерик. Мусорное пространство. Москва : Арт Гид, 2015. С. 5–16.
5. Колхас Р. Город-генерик // Гигантизм, или Проблема Большого. Город-генерик. Мусорное пространство. Москва : Арт Гид, 2015. С. 17–50.

6. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. Москва : Strelka Press, 2014. 392 с.
7. От общественного к публичному : [коллективная монография] / [Гладарев Б. С. и др. ; науч. ред. О. В. Хархордин]. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та, 2011. 530 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стер. Москва : Издательский центр «Терра», 1996. Том 3 : Муза–Сят. Санкт-Петербург : Азбука : Терра, 1996. 832 с. : ил.
9. Фёдорова К. С. Общество: между всем и ничем // От общественного к публичному : [коллективная монография] / [Гладарев Б. С. и др. ; науч. ред. О. В. Хархордин] ; Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та, 2011. С. 13–68.
10. Хархордин О. В. Заключение. От засилья общественности к силе публичного действия? // От общественного к публичному : [коллективная монография] / [Гладарев Б. С. и др. ; науч. ред. О. В. Хархордин]. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та, 2011. С. 487–529.
11. Dodge M., Kitchin R. (2005) Code and the transduction of space. *Annals of the Association of American Geographers*. Blackwell Publishing. Vol. 95, no. 1, pp. 162–180.
12. Ferrarotti F. (1995). Civil society as a polyarchic form: The city. In: Kasinitz P. (ed.) *Metropolis: Centre and symbol of our times*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

References

1. Amin E., Trift N. [Amin Ash, Thrift Nigel] *Goroda: pereosmyslyaya gorodskoe [Cities: Reimagining the Urban]*. Nizhniy Novgorod, Publishing house “Krasnaya lastochka”, 2017. 224 p.
2. Virt L. [Wirth Louis] *Urbanizm kak obraz zhizni [Urbanism as a way of life]. Izbrannye raboty po sotsiologii. Sbornik perevodov [Chosen works on sociology. A collection of translations]*. Moscow, Publishing house of the Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) RAS, 2005. Pp. 93–118.
3. Knabe G. S. *Materialy k lektsiyam po obshchey teorii kul'tury i kul'ture antichnogo Rima [Materials for lectures on the general theory of culture and the culture of ancient Rome]*. Moscow. Publishing house “Indrik”, 1994. 528 p.
4. Kolkhas R. [Koolhaas Remment] *Gigantizm, ili Problema Bol'shogo [Gigantism, or the Big Problem]. Gigantizm, ili Problema Bol'shogo. Gorod-generik. Musornoe prostranstvo [Gigantism, or the Big Problem. Generic City. Garbage Space]*. Moscow, “Artguide Editions” Publishing House, 2015. Pp. 5–16.
5. Kolkhas R. [Koolhaas Remment] *Gorod-generik [Generic City]. Gigantizm, ili Problema Bol'shogo. Gorod-generik. Musornoe prostranstvo [Gigantism, or the Big Problem. Generic City. Garbage Space]*. Moscow, “Artguide Editions” Publishing House, 2015. Pp. 17–50.
6. Makkuayr S. [McQuire Scott] *Mediynnyy gorod: media, arkhitektura i gorodskoe prostranstvo [The media city: media, architecture and urban space]*. Moscow, Strelka Press, 2014. 392 p.
7. Kharkhordin O. V., ed. *Ot obshchestvennogo k publichnomu [From common to public]*. St. Petersburg, Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2011. 530 p.
8. Fasmer M. [Vasme Max Julius Friedrich] *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka, v 4 tomakh. Tom 3 [Etymological dictionary of the Russian language, in 4 vol. Vol. 3]. 3rd edition*. St. Petersburg, “Azbooka” Publishing house, “Terra” Publishing house, 1996. 832 p.
9. Fedorova K. S. *Obshchestvo: mezhdru vsem i nichem [Society: between all and nothing]*. In: Kharkhordin O. V., ed. *Ot obshchestvennogo k publichnomu [From common to public]*. St. Petersburg, Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2011. Pp. 13–68.
10. Kharkhordin O. V. *Zaklyuchenie. Ot zasil'ya obshchestvennosti k sile publichnogo dejstviya? [Conclusion. From the domination of the public to the power of public action?]*. In: Kharkhordin O. V., ed. *Ot obshchestvennogo k publichnomu [From common to public]*. St. Petersburg, Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2011. Pp. 457–529.
11. Dodge M., Kitchin R. (2005) Code and the transduction of space. *Annals of the Association of American Geographers*. Blackwell Publishing. Vol. 95, no. 1, pp. 162–180.
12. Ferrarotti F. (1995). Civil society as a polyarchic form: The city. In: Kasinitz P. (ed.) *Metropolis: Centre and symbol of our times*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

*

ВЛИЯНИЕ КРЕАТИВНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ НА ГОРОДСКУЮ КУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

УДК 008:316.334.56

Л. Ю. Антонова

Тюменский государственный институт культуры

В статье рассматривается воздействие креативного пространства на развитие региональной городской культурной среды в современных условиях. От формирования городской культурной среды в регионах зависит развитие культурных индустрий и связанных с ними отраслей: туристического, гостиничного, ресторанного и других видов бизнеса. Обозначены основные проблемные аспекты удовлетворения потребностей населения в досуговом пространстве, обоснована необходимость создания и популяризации новейших форм в сфере культурных услуг. В настоящее время становится популярной новая отрасль производства – промышленность впечатлений, в рамках которой стремительно развивается такой вид культурных услуг, как креативные пространства: арт-пространства, креативные кластеры, арт-кафе, различные лофт-проекты, тайм-кафе, коворкинг-зоны. Впервые была сделана попытка выявить и определить креативное пространство как новую модель культурных институций, а также раскрыть особенности формирования креативного пространства в условиях городской культурной среды на примере Тюмени. Сделан вывод о том, что роль креативного пространства в жизни города будет определяться распространением его влияния и связями с окружающим социумом.

Ключевые слова: городская среда, креативное пространство, культурная среда.

L. Yu. Antonova

Tyumen State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury), Respubliki str., 19, 625003, Tyumen, Tyumen Region, Russian Federation

THE IMPACT OF CREATIVE COMPONENTS IN THE URBAN CULTURAL MILIEU: A REGIONAL PERSPECTIVE

In article impact of creative space on development of regional urban cultural environment in modern conditions is considered. Development of the cultural industries and the related branches depends on formation of urban cultural environment in regions: tourist, hotel, restaurant and other types of business. The main problem aspects of meeting the needs of the population in the leisure space are

АНТОНОВА ЛЮДМИЛА ЮРЬЕВНА – кандидат культурологии, доцент кафедры социально-культурной деятельности, культурологии и социологии факультета социально-культурных технологий Тюменского государственного института культуры

ANTONOVA LYUDMILA YURYEVNA – Ph.D. (Cultural Studies), Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activity, Cultural Studies and Sociology, the Faculty of Social and Cultural Technologies, Tyumen State Institute of Culture

e-mail: luda-ckd@mail.ru
© Антонова Л. Ю., 2018

identified, the necessity of creating and popularizing the newest and most advanced forms in the field of cultural services is substantiated. Nowadays, a new branch of production is becoming popular – the industry of impressions, within which such kind of cultural services as creative spaces are rapidly developing: art spaces, creative clusters, art cafes, various loft projects, time cafes, co-working zones. Attempt to reveal and define creative space as new model of cultural institutions, and also to open features of formation of creative space in the conditions of urban cultural environment on the example of Tyumen was for the first time made. The conclusion that the role of creative space in life of the city will be defined by distribution of its influence and communications with surrounding society is drawn.

Keywords: urban environment, creative space, cultural environment, environment.

Для цитирования: Антонова Л. Ю. Влияние креативных составляющих на городскую культурную среду: региональный аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 17–26.

В современном обществе происходят глобальные изменения в социальной и культурной среде. Местом сосредоточения социокультурных модификаций и выразителем этого процесса является город как специальное объединение пространства, как особый социум, связывающий различные субкультуры и сообщества. Культурное пространство со своими традициями, ритмами жизни, символами, образцами поведения, коммуникациями существует в каждом городе, независимо от того, мегаполис это или провинциальный городок. Для архитекторов и градостроителей сегодня стали естественными представления о «городской среде», «сельской среде», «пространственной среде поселения», в то же время в различных научных интерпретациях можно встретить словосочетания «городская культура», «креативное пространство», «культурная среда».

Таким образом, можно отметить, что понятия «городская культурная среда» и «культурное пространство» на данный момент тесно переплетены.

Городская среда составляет основу городской культуры, вершину её существования, являясь одновременно и продуктом городской культуры. Но более глубоко понять значение этого термина можно лишь при изучении эмпирического материала,

связанного с процессами развития культуры города, который поможет разобраться с общими закономерностями её развития и рассмотреть суть личных (необычных и отдельных) их проявлений.

Культурную среду изучают с различных пространственных позиций, наполняя данное понятие предметным содержанием. Одни полагают, что среда – это то, что только освоено и используется человеком. Другие видят в ней окружение, совокупность природных условий, в том числе и культурные объекты, в которых осуществляется деятельность человеческого общества.

Различны и пространственные мнения о среде. Чаще всего представление о среде разбирается, исходя из территориального признака. Существуют суждения, о том, что среда – это ограниченное пространство, выделенное по отдельным функциональным признакам. В то же время среда – это и пространство, окружающее людей, и способы взаимодействия между ними. В социально-антропологическом смысле можно говорить об окружении жизнедеятельности как культурной среде. Само же взаимодействие людей в социуме является неотъемлемым компонентом среды.

Многозначны мнения и о структуре среды. Одни авторы видят структуру с точки зрения жителя – как населённый пункт.

Остальным же ближе структура функционального зонирования города с точки зрения градостроителей, архитекторов, проектировщиков, то есть кварталов, больших зон города, микрорайонов, районов и т.п.

Исходя из ценностей культуры в современном мире формируется необходимость создания среды, где в общении друг с другом люди будут ощущать себя легко, комфортно и независимо. «Современному большому городу сложно обрести семиотическую целостность, но это одно из условий положительной идентичности горожан и важный показатель состояния городского сообщества. Эта проблема не только не теряет своей значимости для семиотики города, но и актуализирует новые направления исследовательской и практической деятельности» [1, с. 12].

Уточним, что понятие «городская культурная среда» исследовалось в работах Л. Б. Когана, Э. А. Орловой и других. Так, под «культурной средой» Э. А. Орлова понимает образцы деятельности и поведения, идеи, отношения, вещи, взаимодействия в качестве совокупности культурных объектов, которые употребляются людьми в повседневной жизни и профессиональной сфере [5].

В научно-исследовательской литературе изучаются многообразные составляющие городской культурной среды. Определённым потенциалом формирования обладает любая окружающая среда. «Семиотический анализ знаково-символических ресурсов города важен как в целях повышения эффективности коммуникационных процессов в рамках городского сообщества, так и в целях внешнего брендинга города. При этом задачи как внутреннего, так и внешнего потребления городской среды взаимосвязаны. Эти ресурсы влияют на качество городской среды, определяя её ценность.

Семиотика и аксиология города в этом смысле пересекаются» [1].

Американский учёный К. Линч выделил пять важных типов, составляющих городскую среду, в которые он включил стратегические пункты города (узлы или ядра), а именно – дороги, границы, или края, по которым связываются районы, а также здания, башни, которые служат ориентирами и находящиеся внутри города [2]. Анализируя предложенные типы элементов, можно увидеть только внешние составляющие городской культуры, обезличенной, схематичной. Естественно архитектура – это необходимое пространство культуры, её история, но в то же время нужно учитывать, что на формирование личности активно влияют физиологические, психологические, эстетические качества архитектуры, и в некоторых моментах даже активнее, чем другие виды искусства.

Архитектурная среда может воздействовать на человека посредством стимулов. Это могут быть стимулы информационные (формы и признаки, позволяющие узнавать, ассоциировать объекты культурных ценностей), а также стимулы функциональные (вещи, способствующие человеческой жизнедеятельности). Эти стимулы могут быть активными и пассивными, нейтральными, выражающими обычность, однообразие элементов, и успокаивающими, демонстрирующими гармоничное сочетание форм. Более того, качество «пространства архитектуры» постоянно влияет на подсознание человека, а с другой стороны, развивает его зрительные образы, выражает общественную сущность. Это так называемый принцип «гений места».

Архитектура – это компромисс, который сберегает былое, память, образует настоящее, остро реагируя на взгляд жителей, и продвигает общество к наилуч-

шему будущему, реализуя новые технологии. Но архитектура – это только первая часть в определении городской культурной среды. Вторая часть характеризуется содержательностью учреждений города: культурных, образовательных, рабочих пространств.

Таким образом, с учётом имеющихся определений, культурную среду города можно анализировать в узком и широком смысле. В первом варианте внимание сосредоточивается на области деятельности отдельных людей, государственных и социальных институтов, что включает процесс создания и потребления продуктов креативности, куда можно отнести музыкальное и театральное творчество, кинематограф, литературу, изобразительное искусство, во всей их исторической и эстетической конкретности. В широком смысле в общественную культуру города можно включить культуру быта, общения, культуру предметного окружения людей, в том числе и архитектурный дизайн города, где каждый житель может материализовать себя как общественный субъект [3].

Культурную среду разумно охарактеризовать как многоуровневую и цельную систему, содержащую события социально-культурной жизни, объекты культурного наследия, а также субъекты культурных процессов. Социально-культурная среда связана с политическими, социально-экономическими, социально-психологическими, художественными, духовно-нравственными, культурно-историческими областями жизнедеятельности людей. В то же время социокультурная среда включает разнообразные феномены, которые можно отнести к социальной (в виде узких, базисных социальных объектов) и культурной (в виде совокупности норм, идей, традиций, ценностей, смыслов) среде.

Креативное пространство стран и регионов выступает важным показателем уровня их развития и составляет потенциал их дальнейшего совершенствования. В рамках креативного пространства городской среды происходит разработка национального и регионального интеллектуального продукта, здесь формируется перспективный имидж, направленный на восстановление и развитие регионов и пространств. Во многих странах развитие креативного пространства означает рост конкурентоспособности региона. В этом видят путь выхода из экономического кризиса и способ реструктуризации экономики страны. Наряду с экономическими задачами, развитие творческого пространства выполняет символическую задачу, запуская имиджевый механизм, формирующий творческую среду поселения, что можно видеть на примере таких российских городов, как Санкт-Петербург, Казань и других [9].

Творческие (креативные) пространства не являются производителями обычного продукта массового потребления. Здесь перед нами иные конфигурации и методы работы с посетителями, с использованием новейших технологий и творческого подхода. Продукт, предоставляемый креативным пространством, полностью оправдывает своё существование, а во многих регионах является необходимым для развития культуры и искусства, воздействуя на модификацию рынка и экономики региона в целом, а также влияя на отдельно взятую личность. «Продукт» общественного (креативного) пространства выбирается потребителем, исходя из востребованности каждого из благ и доступности ценовой политики, и, соответственно, имеет потребительскую ценность [3].

Проблема развития городов непосредственным образом связана с проблемой

социокультурной трансформации региона, именно об этом идёт речь в монографии Л. Г. Скульмовской, посвящённой противоречиям разнонаправленного развития культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в постсоветский период [7]. «Уровень культурного развития территориального образования, как сложноструктурированный феномен, предполагает наличие нескольких уровней культуры населения, проживающего в данном районе:

- регионального управления сферой культуры;
- насыщенности культурной жизни;
- развития инфраструктуры сферы культуры и материальной базы сферы культуры;
- привлечения населения в культурно-творческую деятельность;
- насыщенности домов предметами культурно-бытового назначения;
- активности со стороны власти и населения по сохранению культурного и природного наследия» [7, с. 184].

Город и выступает в истории культуры как аккумулятор многообразия (функций, общения, деятельности, ценностных систем). Действительно, основная социопропространственная роль города – быть центром притяжения для жителей всего региона. Вначале догородские общины включали в себя центр и являлись самодостаточными фокусами. Возникла объективная культурная необходимость в создании новых центров тяготения по мере усложнения социальной, культурной, общественной жизни. Город стал концентрировать разнообразие доступностью, открытостью городских центров, тем самым становясь новым инструментом в пространстве культуры.

Креативное пространство иногда ассоциируют с медиапространством, так как в мегаполисах, крупных и даже провинциаль-

ных городах сходные площадки являются центром сосредоточения социально-культурной жизни населения, несмотря на то, что в научных трудах нет чёткого определения понятия «креативное пространство». В то же время творческое общественное пространство – это общедоступная территория, предназначенная для свободного самовыражения и взаимодействия людей. Выделение креативных составляющих в городской культурной среде реализует системно-пространственный подход к историческим, архитектурным, туристским, а также к обезличенным отдалённым районам.

Креативные пространства города – это всегда доступные территории, где люди могут свободно демонстрировать плоды своего творчества, проявлять инициативу в творческих процессах, обмениваться опытом, мнениями с другими актёрами. При этом креативное пространство города – это не только возможность демонстрации и самовыражения, но в то же время вероятность найти партнёров, потребителей созданных товаров или предлагаемых услуг. Так, для Тюмени креативное (творческое) пространство – это явление достаточно инновационное. Тюмень по заботе о чистоте, социальной инфраструктуре, уровню социальной политики является развитым городом, а в некоторых случаях лидером среди других городов. Но это достижение последних лет, в особенности – последнего десятилетия. Ранее в умах россиян Тюмень была некоронованной «столицей деревень», самым грязным и разбитым городом России.

Тюмень – современный город. На развитие культуры региона значительное влияние оказали административные реформы, которые неоднократно изменяли территорию нынешней Тюменской области. Главная достопримечательность Тюмени – это набережная реки Туры, которая представ-

ляет собой главную зону отдыха в центре города. Берега реки высокие, и это позволило сделать набережную четырехуровневой. Пешеходный Мост Влюблённых отлично вписывается в ансамбль набережной и вместе с ней является визитной карточкой Тюмени. Прямо от набережной берёт начало улица Республики – главная артерия города, совсем недалеко находятся памятник основателям, областной музей, архитектурно-строительный университет – ещё один символ Тюмени, и Свято-Троицкий мужской монастырь. Летом работают фонтаны, а многочисленные лавочки редко пустуют. Также здесь проводятся различные флэш-мобы и городские мероприятия.

Это место достаточно перспективно для развития креативного пространства региона, если в привлекательно обустроенном городском пространстве создать не только зону отдыха, но и место знакомства со знаковыми персонажами и событиями истории региона, способствовать созданию творческого пространства, или арт-пространства, места для самовыражения, креативной деятельности горожан и гостей города. Например, этому поможет проведение различных мастер-классов, презентаций, организация образовательных площадок, реализация лофт-проектов и т.д.

В Тюмени в 2017 году командой регионального проекта «Моя территория» было проведено исследование с целью определения состояния, проблем, перспектив креативных индустрий в городе¹.

По мнению большинства принявших участие в опросе, в Тюмени существует довольно много переговорных площадок, конференц-залов, но в то же время мало специализированных помещений для выставок,

¹ См.: <https://moi-portal.ru/novosti/172133-tyumen-perspektivnyy-gorod-dlya-razvitiya-kreativnykh-soobshchestv/>

репетиционных залов, не хватает мастерских, современных образовательных площадок, коворкингов и практически отсутствуют территории для взаимодействия и обмена опытом (или об их существовании нет достаточной информации). Также в городе нет достаточного количества мест, где бы единомышленники, мастера могли общаться, делиться опытом, а также воплощать свои идеи.

В этом исследовании принимали участие более 150 представителей креативной индустрии Тюмени, включая медианаправление, визуальное искусство и сферу PR. Результаты опроса показали, что инфраструктура нашего города содействует выработке общественной креативной экономики, однако это направление в городе нужно развивать и приумножать. Отметим, что в формировании культурного пространства региона заинтересованы власти Тюменской области и города.

В конце 2017 года было проведено заседание, где принимали участие бизнесмены Тюмени, директора сообществ и организаторы городских мероприятий. Например, поступило предложение о создании креативной библиотеки, куда вошли бы службы «Консультант по чтению», Creative Book Bazar, клуб «Прочитал – перескажи», медленное чтение на английском. Также было предложено организовать мастер-классы по вышивке и крашению тканей, ткачеству, а также предоставить помещения фотографам. Помимо этого, предлагалось использовать площадку под проведение научно-популярных лекций или интеллектуальных викторин «Что? Где? Когда?», либо для мастерской керамистов, мастер-классов для детей, школы искусств для взрослых, вечеров юмора в стиле Stand Up.

На заседании было высказано много интересных идей, требующих для реа-

лизации специально оборудованного пространства. В результате было принято решение о поддержке идеи создания креативного пространства нового мультицентра вместо Конторы пароходства и склада купца Колмакова.

Авторы проекта проанализировали состояние ныне действующих креативных площадок в Тюмени, обсудили идеи по использованию нового пространства, где необходимо организовать площадку, способную не просто трансформироваться и не дублирующую уже имеющиеся пространства, но и учитывающую интересы и потребности жителей. Открытие нового креативного пространства для молодёжи предполагается в 2019 году. В формировании этого креативного пространства активное участие принимает городская администрация.

Команда мультицентра «Моя территория» планирует доработать предложенные концепции и на конкурсной основе определить победителей, чьи проекты впоследствии будут реализованы.

С учётом индивидуальных увлечений и способностей людей творческое пространство создаёт потенциал для формирования городской культуры и даёт возможности для креативной самореализации личности. Необходимость использования площадей под творческие кластеры, проектирование на основе территориально-средового подхода позволяют расширить радиус проектной деятельности за счёт единого подхода субъектов (носителей) к выявленной в ходе исследования проблеме и структурным элементам социокультурной системы: учреждениям культуры, спорта, образования и воспитания, здравоохранения, общественным организациям и объединениям, органам государственной власти, органам местного самоуправления, средствам массовой информации и т.д.

Применительно к Тюмени данная проблема является одной из особо актуальных: в городе достаточно много пустующих торгово-офисных пространств, нефункционирующих особняков и заводов, сооружённых в дореволюционный и советский периоды. Потенциально их можно приспособить под креативные объекты. Такие творческие составляющие города способствуют развитию разнообразных социальных групп населения, их жизнедеятельность становится более содержательно наполненной. Креативное пространство в данном случае определяется как инфраструктура, где есть возможность реализации проектов, проведения и посещения мероприятий, поиска сторонников, партнёров для осуществления современных важных социально-культурных проектов [8].

Такая инфраструктура учреждений культуры и искусства, развитие и появление новых центров может вносить свой вклад не только в общую духовно-просветительскую деятельность региона, государства, но и всецело решать конкретные задачи организации существования города: разгружать историческую (центральную) часть города, формировать новые центры культуры и досуга.

И здесь международный опыт по организации современного культурного пространства является наглядным и положительным примером использования потенциала гармоничного сочетания культурных реалий различных исторических периодов. В то же время он показывает, что необходим грамотный, продуманный подход к размещению новых культурных объектов в городе. Основательный вклад в обустройство городского пространства может внести организация современных учреждений социокультурного профиля в пределах города, перераспределяя нагрузку на историче-

ский центр и территориально односторонние участки города.

Обсуждая направления развития культурного городского регионального пространства будущего, важно учитывать необходимость компетентного сочетания исторических культурных памятников прошлого, сохраняя их для будущих поколений, а также деятельно поддерживать и способствовать формированию современного искусства, учитывая также пространственно-организационные возможности города.

Необходимо отметить, что креативное пространство можно рассматривать и как часть туристской отрасли. Для большинства туристов главная цель – культурно-познавательная, включающая знакомство с традиционными достопримечательностями города. Но также необходимо предлагать туристам и нестандартные маршруты, включая и креативные пространства. Вовлекая туристов в креативное пространство города, мы показываем творческое лицо города, тем самым расширяя возможности демонстрации городской культурной среды с иной точки зрения.

В настоящее время успешное развитие города напрямую зависит от экономических составляющих, что связано с экономическими показателями города. Сформированное креативное пространство является хорошей возможностью для инвестиций. Современный инвестор, наряду с функцией коммерческого совершенствования, выполняет социальную функцию, в том числе и по развитию территорий. Для бизнеса является важной окупаемость проекта, получение финансовой отдачи, а также признание и узнаваемость на рынке. Участие в проекте и есть взаимовыгодное сочетание культуры и бизнеса в креативном пространстве. Также следует отметить, что креативные пространства – это новый тренд в организации

мероприятий, по этому вопросу уже идут широкие обсуждения на различных научных конференциях.

Итак, в современных условиях общественные, творческие (креативные) пространства набирают популярность, так как эти площадки располагают преимуществом проведения мероприятий, использования творческого, оригинального подхода в соотношении с традиционными местами проведения деловых мероприятий. Естественно, есть и проблемы использования креативных пространств, которые в основном связаны с оснащением пространства соответствующей техникой, атрибутикой, мебелью. Решение этих проблем видится в привлечении партнёров в лице ивент-компаний, заинтересованных в проведении деловых мероприятий. Мероприятие, созданное в креативном пространстве, является запоминающимся, создаёт благоприятное впечатление у зрителей и участников.

Подводя итог, отметим, что через развитие и поддержку проектов арт-пространства и других творческих проектов, входящих в креативное пространство Тюмени, происходит развитие творческой молодёжной среды города, идёт процесс экспериментирования, самообразования и реализации их собственного творческого видения мира, региона, города. Это важно и для развития социальной инфраструктуры культурно-досуговых учреждений, умножения туристической привлекательности Тюмени.

В число других задач, поставленных перед творческой площадкой города Тюмени, входит:

- разработка новейших передовых форм создания культурной услуги на постоянной основе;
- разработка и трансляция тематических художественных выставок и фотовыставок;

- организация тематических вечеров (музыкальных, литературных, клубов общения) в целях повышения культурного уровня населения;

- оказание отдельных креативных видов услуг (индивидуальные фотосесии и пр.).

Тюмень является крупным областным центром, в котором преобладает молодое население, особенностью города является его этноконфессиональность. При этом Тюмень – это мультикультурный центр с богатым социальным капиталом, хорошо развитой социальной политикой.

При анализе направлений развития культурного городского пространства будущего важно учитывать организационно-пространственные возможности каждого города и при этом энергично помогать развитию всей системы культурной жизни, включая современное искусство. Важно сохранить для будущего поколения культурное наследие прошлого через грамотное

сочетание историческо-культурных сфер с современными инновационными технологиями. Креативные составляющие в городской среде дадут возможность для создания комфортных условий представителям творческих профессий, помогут производить конкурентоспособный продукт. Важной составляющей здесь оказывается создание соответствующей инфраструктуры и среды для привлечения молодёжи, которая является главным социальным субъектом, способным к инициативе и обратному воздействию на общество. Именно в городе с развитой инфраструктурой культурных учреждений в современных условиях в обязательном порядке появляются новые формы культурных институций. Создание современных, инновационных центров культуры и искусства с креативными площадками позволяет перераспределить нагрузку с центра города (исторических мест) на территориально ограниченные, отдалённые районы, что актуально для российских городов.

Примечания

1. Барышников С. В., Барышникова А. Г. Культурная среда современного города: семиотический аспект // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук : сборник статей. Вып. 1 (5) / Министерство образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет инженерных технологий» ; [С. Т. Антипов, Г. А. Быковская, Л. И. Перлова (отв. редакторы) и др.]. Воронеж : Научная книга, 2015. С. 9–14.
2. Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева ; сост. А. В. Иконников ; под редакцией А. В. Иконникова. Москва : Стройиздат, 2010. 328 с.
3. Назарова М. П. Архитектурное пространство как социокультурный феномен : [монография] / Министерство образования и науки Российской Федерации, Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет. Волгоград : ВолгГАСУ, 2010. 134 с.
4. Новаторов В. Е. Социально-культурный маркетинг : история, теория, технология : учебное пособие. Санкт-Петербург [и др.] : Планета музыки : Лань, 2015. 382 с.
5. Орлова Э. А. Социология культуры : учебное пособие для вузов. Москва : Академический Проект, 2012. 575 с.
6. Скульмовская Л. Г. Город в пространстве культуры региона: общее и особенное : [монография] / Нижневартковский государственный педагогический институт, Санкт-Петербургский институт бизнеса и права, Нижневартковский филиал. Санкт-Петербург : Инфо-Да, 2004. 160 с.
7. Скульмовская Л. Г. Регион как субъект функционирования и развития культуры : монография. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2005. 299 с.
8. Суховская Д. Н. Реализация творческого потенциала населения через креативные пространства города: лофты, зоны коворкинга, арт-территории // Молодой ученый. 2013. № 10. С. 650–652. URL: <https://moluch.ru/archive/57/7762/>

9. Чистова М. В., Концевич Г. Е. Перспективное территориальное планирование – залог успешного социально-экономического развития курортной территории // Гуманизация образования. 2014. № 3. С. 56–62.

References

1. Baryshnikov S. V., Baryshnikova A. G. Kul'turnaya sreda sovremennogo goroda: semioticheskiy aspekt [Cultural environment of the modern city: semiotic aspect]. In: Antipov S. T., Bykovskaya G. A., Pervova L. I., eds. *Sovremennyye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. Vypusk 1 (5)* [Modern problems of the humanities and social sciences. Issue 1 (5)]. Voronezh, Publishing house "Nauchaya kniga", 2015. Pp. 9–14.
2. Lynch Kevin *The image of the city*. Cambridge, Mass.; London (In Rus. edition: Linch K. *Obraz goroda* [The image of the city]. Ed. by A. V. Ikonnikova. Moscow, Publishing house "Stroyizdat", 2010. 328 p.)
3. Nazarova M. P. *Arkhitekturnoe prostranstvo kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Architectural space as a social and cultural phenomenon]. Volgograd, Publishing house of the Institute of Architecture and Civil Engineering of Volgograd State Technical University, 2010. 134 p.
4. Novatorov V. E. *Sotsial'no-kul'turnyy marketing: istoriya, teoriya, tekhnologiya* [Social and cultural marketing: history, theory, technology]. St. Petersburg, etc., Publishing house "Lan", Publishing house "Music Planet", 2015. 382 p.
5. Orlova E. A. *Sotsiologiya kul'tury* [Sociology of culture]. Moscow, Publishing house "Academic Project", 2012. 575 p.
6. Skulmovskaya L. G. *Gorod v prostranstve kul'tury regiona: obshchee i osobnoe* [City in the space of culture of the region: the general and the special]. St. Petersburg, Publishing house "Info-Da", 2004. 160 p.
7. Skulmovskaya L. G. *Region kak sub'yekt funktsionirovaniya i razvitiya kul'tury* [Region as a subject of the functioning and development of culture]. Ekaterinburg, Publishing house of the Ural State University, 2005. 299 p.
8. Sukhovskaya D. N. Realizatsiya tvorcheskogo potentsiala naseleniya cherez kreativnyye prostranstva goroda: lofty, zony kovorkinga, art-territorii [Realization of the creative potential of the population through the creative spaces of the city: lofts, coworking zones, art territories]. *Young Scientist*. 2013, no. 10, pp. 650–652. Available at: <https://moluch.ru/archive/57/7762/>
9. Chistova M. V., Kontsevich G. E. Advance spatial planning – the key to the successful social and economic development of the resort area. *Humanization of Education*. 2014, no. 3, pp. 56–62. (In Russian)

*

В ИРТУАЛИЗАЦИЯ И РЕАЛЬНОЕ ЗРЕЛИЩЕ В СОВРЕМЕННОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

УДК 130.2:008

С. С. Соковиков, В. С. Склярова

Челябинский государственный институт культуры

Статья посвящена вопросу изменения статуса визуальных феноменов в современной культуре. Авторы отмечают превращение инструментов визуализации в самостоятельные средства коммуникации. Основой изменения статуса визуального в научном дискурсе становится визуальный (иконический) поворот. Ранее основой рефлексии собственного опыта выступал процесс документирования, современные же визуальные технологии позволяют осуществить логирование собственной жизни и сохранение её в цифровой форме. Однако в современной культуре сохраняется локус, где реальность во всей своей полноте по-прежнему остаётся в приоритете – это реальное зрелище. Тенденции виртуализации визуальности парадоксальным образом обостряют актуальность живых, чувственно-подлинных, достоверно-событийных зрелищных форм.

Ключевые слова: зрелище, зрелищная культура, визуальная культура, визуальный поворот, иконический поворот, виртуальная реальность, дополненная реальность, визуальная коммуникация.

S. S. Sokovikov, V. S. Sklyarova

Chelyabinsk State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Ordzhonikidze str., 36A, 454091, Chelyabinsk, Russian Federation

THE VIRTUALIZATION AND THE REALITY SHOW IN THE MODERN VISUAL CULTURE

The article is devoted to the status of visual phenomena in the space of contemporary culture. The authors note the transformation of visualization tools into independent means of communication. The basis for changing the status of the visual in scientific discourse is the so-called visual (iconic) turn. Before the reflection of one's own experience in the previous system of communications was the process of documenting, while modern visual technologies make it possible to carry out the logging of one's own

СОКОВИКОВ СЕРГЕЙ СТЕПАНОВИЧ – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры культурологии и социологии Челябинского государственного института культуры

SOKOVIKOV SERGEY STEPANOVICH – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Sociology, the Chelyabinsk State Institute of Culture

СКЛЯРОВА ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА – старший преподаватель, аспирантка Челябинского государственного института культуры

SKLYAROVA VARVARA SERGEYEVNA – senior teacher, graduate student, the Chelyabinsk State Institute of Culture

e-mail: varenka_sklyarova@mail.ru

© Соковиков С. С., Склярова В. С., 2018

life, keeping it in digital form. However, a locus is preserved in the contemporary culture, where reality in all its completeness still retains a priority – this is a real spectacle. Tendencies of virtualization of visibility, paradoxically exacerbate the relevance of living, organic, authentic-event spectacular forms.

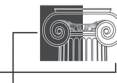
Keywords: show, spectacular culture, visual culture, visual turn, iconic turn, virtual reality, augmented reality, visual communication.

Для цитирования: Соковилов С. С., Склярлова В. С. Виртуализация и реальное зрелище в современной визуальной культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 27–34.

Сегодня в современном научном дискурсе формируется новое понимание визуального. Визуальные образы, воплощаемые в различных формах – знаках, символах, натуроподобных изображениях и т.д., стали вполне самостоятельным средством коммуникации. В этом смысле симптоматичен ответ В. Набокова в интервью “New York Times” на вопрос о том, как он оценивает своё место в современной литературе: «Я часто думаю, что должен существовать специальный типографский символ, обозначающий улыбку, которым я бы ответил на ваш вопрос» [12]. Современные исследования показали, что история *эмотиконов*, то есть комбинации типографских символов для символически упрощённого изображения человеческих эмоций, начинается ещё раньше. Первым обнаруженным эмотиконом на сегодняшний день считаются 4 комбинации, опубликованные в американском сатирическом журнале “Puck” в марте 1881 года [11]. Конечно, этот случай представляет собой ситуативный курьёз (хотя исследователи находят примеры эмотиконов и в более ранних текстах, например, в записях президента США А. Линкольна). Однако массово эмотиконы начинают применяться с 1990 года в связи с распространением текстовой интернет-коммуникации. Сравнительная бедность интонационных возможностей письменной речи, малое значение, которое пользователи придавали соблюдению норм классической пунктуации, позволяющих

интонировать написанную фразу, привели к распространению комбинаций, передающих всё более тонкие и яркие оттенки эмоциональных значений. В XXI веке на смену эмотиконам, представляющим пусть и ясные для пользователей, но всё же схематичные комбинации типографских символов, приходят полноценные визуальные образы – эмодзи (emoji). Появляется даже специализированная социальная сеть, общение в которой возможно только при помощи сочетания картинок (emoji) – Emojli.li [10]. Развитие этого способа коммуникации ещё не получило сколько-нибудь полного освещения исследователями. Сегодня всё больший процент интонационных и даже смысловых оттенков сообщений и целые сообщения создаются при помощи анимированных изображений или коротких видеороликов, представленных в двух основных форматах – GIF и COUB (воспроизведение их закольцовано и повторяется, пока пользователь не закроет сообщение). На смену эмодзи приходят так называемые стикеры, которые представляют собой технически более совершенное изображение большего размера. Наконец, в социальных сетях получают распространение и полноценные форматы видеосообщений стримы, или трансляции, а также «истории» (короткие видеоролики, публикуемые в “Instagram”).

По мнению А. А. Фокина, «постепенно изображения в разных формах вытесняют тексты из сетевого пространства. Восприя-

тие визуальных изображений дано человеку от природы, в то время как чтению текстов необходимо учиться и прикладывать гораздо больше усилий» [9, с. 84].

Анализируя визуальный поворот в научных исследованиях, В. В. Колодий приходит к выводу о том, что этот феномен определяется «растущей ролью визуальности в формировании социальных и культурных оснований современного социального опыта, социального порядка. Развивается также идея, что благодаря этому обстоятельству происходит изменение общества (визуальность рождает иную социальность)» [4, с. 90]. Это можно рассматривать как осознание иного аспекта социального статуса визуального. Визуальное рождает *новый социальный опыт*, который не тождественен предшествующему и неповторим вне средств современных визуальных технологий.

Р. Ю. Порозов отмечает, что современную культуру отличает не только умение, но и необходимость и неосознаваемая потребность изображать всё и вся: не только людей или объекты, но и результаты сложных исследований, теоретических концептов, в наглядной визуализированной форме [7].

Стоит оговориться, что и ранее «неграмотное» Средневековье создавало «библию в камне», как называют иногда христианские храмы, от самой своей ориентации в пространстве и архитектурной формы до скульптурного декора и внутренней росписи представляющие собой символически визуализированное христианское вероучение. Однако для сложных богословских трактатов был предназначен иной способ – метод схоластического рассуждения, которое развёртывалось в виде линейного текста, записанного в кодексе при помощи алфавитного письма. На дисциплинированность, упорядоченность, предзаданность

такой формы обращает внимание М. Маклюэн в работе «Галактика Гутенберга» [5]. Современное же общество всё более и более визуализирует сложные лингвистические концепты и понятия, «большие данные» (big data), сложные логические построения и пр. Например, В. В. Колодий отмечает, что даже политические концепты, такие как «капитализм», «демократия», «неоколониализм» или «американизация», сегодня конструируются визуально [4, с. 90]. На смену документированию собственной жизни – сохранению отдельных моментов в форматах дневников, писем, фотографий, видеозаписей, по нашему мнению, приходит так называемое логирование, то есть создание развёрнутой визуальной хроники собственной жизни, сохранение её конструируемого образа в максимальных подробностях. На это направлен процесс заполнения пользователем своих аккаунтов в социальных сетях. Например, «Facebook» и находящийся в собственности этой же компании «Instagram» предлагают пользователю не просто поделиться своими мыслями или комментариями об актуальных событиях, не просто разместить в Сети фотографию, но привязать её к определённому месту, дополнить датой и данными геопозиционирования, набором поисковых маркеров. Система социальных экспектаций, одобряющих определённую модель поведения, побуждает пользователя к логированию в максимальных подробностях – размещение сообщений о еде, увиденном на прогулке, настроении на работе, просмотренных фильмах и т.д. При этом основой логирования во втором десятилетии XXI века выступает уже не столько текст, сколько глобальное гипермедиасообщение, в котором посты отдельных пользователей связываются гиперссылками и хэштегами, а основой выступает именно визуальный компонент.

Любопытно, что этот феномен был в какой-то мере предсказан задолго до появления массового широкополосного доступа в Интернет и мобильных компьютерных устройств А. А. Зиновьевым в работе «Глобальный человек» [3].

В силу всего этого меняется и отношение к визуальности. Например, такие современные исследователи феноменов визуальной культуры, как Е. В. Гиниятова и Г. Ю. Тихонова, считают, что визуальность, «под которой принято понимать фото, кино- и медиаобразы [что, конечно же, представляет собой далеко не полный перечень. – С. С., В. С.], являет собой не просто стереотипную часть повседневности, а предстаёт как полноценная категория современного философского дискурса, претендующая на формирование собственного методологического каркаса для препарирования реальности» [1].

Существенным аспектом изменения статуса визуального в современной культуре является трансформация самой архитектуры реальности при помощи виртуальных технологий. Это связано в том числе с развитием компьютерных игр. Процесс принял всё более ускоряющиеся темпы в связи с появлением 3D-игр, симулирующих на плоском экране монитора объёмное пространство. Но подлинным прорывом стали два изобретения, получившие массовое распространение во второй половине 2010-х годов.

Во-первых, это «полноценная визуальная виртуальная реальность» (также уже существуют попытки дополнить визуальное тактильными, обонятельными и другими видами ощущений при помощи специальных устройств).

По состоянию на февраль 2017 года число проданных экземпляров шлема виртуальной реальности “Sony PlayStation VR”

приближалось к миллиону [13]. Это ничтожная цифра в масштабах численности населения земли, но следует учитывать перспективность пионерского опыта компании “Sony” в этой отрасли. Он показывает, что время, когда «тотальная» виртуальная реальность получит повсеместное применение в играх и иных видах развлечений, обучении, медицине, военном и гражданском деле и пр., уже наступает.

Во-вторых, это так называемая дополненная, или расширенная, реальность (augmented reality), то есть смешение виртуального и реального в одном визуальном локусе. Изменение самого характера воспринимаемой реальности, стирание границ между объективно существующим физическим миром и специально конструируемым виртуальным не могут не отразиться на человеческом обществе и переживаемом человеком опыте. Так, в течение первой недели после выпуска мобильная игра “Pokemon Go” была загружена более 100 млн. раз [15], а общий заработок компании “Nintendo” на этом тайтле приблизился к полумиллиарду долларов [14]. Игра спровоцировала некоторое количество правонарушений или аварийных случаев, связанных с включением в эту игру, однако критики отмечают: гораздо более важно то, что игра, использующая технологию дополненной реальности, парадоксальным образом частично отвлекла подростков и молодёжь от своих девайсов, побудив их к большей физической активности. Хотя сегодня период массового ажиотажа вокруг этого приложения прошел, мы, несомненно, в ближайшие годы столкнёмся со всё большим вторжением технологий дополненной реальности в нашу жизнь. Виртуальные технологии, базирующиеся на визуальности, теперь стремятся всё более полно «эксплуатировать» человеческую сенсорику.

Но эти процессы происходят отнюдь не безболезненно. Как отметил С. Жижек, «виртуализация нашей повседневной жизни, впечатление, что мы всё больше и больше живём в искусственно сконструированной вселенной, вызывает непреодолимую потребность “вернуться к Реальному”, заново обрести устойчивую основу в некоей “реальной действительности”» [2]. Тенденция виртуализации визуального неустранима, но столь же объективно действие компенсаторных механизмов культуры, позволяющих несколько уравновешивать гипертрофированную виртуализацию визуальных явлений. Одним из таких случаев выступает феномен реального зрелища, понимаемого как целенаправленно конструируемый артефакт, действительно разворачивающийся в культурно маркируемом локусе безусловно реального пространства.

На наш взгляд, специфичная эффективность реального зрелища становится более ясной при обращении к работе П. А. Сорокина «Система социологии». К сожалению, так и не переведённое на английский язык, это исследование после высылки учёного из Советского Союза в сентябре 1922 года было практически забыто. Поэтому роль визуального в культурной коммуникации открывает для международного научного сообщества Маршалл Маклюэн в таких работах, как «Галактика Гутенберга: Становление человека печатной культуры» [5] и «Понимание Медиа: внешние расширения человека» [6]. Однако в начале XXI века труд П. А. Сорокина вновь привлёк внимание учёных. Сегодня нужно сказать, что его научный анализ важности визуальных «проводников» в общей системе человеческой коммуникации, имеющий исторический приоритет в сравнении с работами М. Маклюэна, обладает весьма актуальным значением для современных исследований.

П. А. Сорокин даёт очень подробную типологию проводников взаимодействия, выделяя две крупные категории (физические и психические) и 8 групп: звуковые, световые, механические (тактильные), тепловые, двигательные, химические (вкус и обоняние), электрические, вещественно-предметные [8, с. 131, 137–152]. В рамках этих групп он также выделяет типологические виды и конкретные проводники. Эта типология, предварительный характер которой отмечал сам автор, всё же более основательна, чем предлагаемая М. Маклюэном несколько бессистемная картина различных медиа, поскольку позволяет комплексно оценить сложность человеческого взаимодействия и средств, которые для этого используются.

Зрелище в представленном выше понимании синтезирует все эти виды «проводников взаимодействия» в целостной и действенной форме, что и делает зрелище в социокультурном смысле наиболее аутентичным. Считаем необходимым отметить, что ни современное, ни традиционное зрелище никогда не сводилось только к визуальной составляющей, используя для конструирования зрелищного пространства *широкий спектр выразительных средств*, в том числе – аудиальных, тактильных и других. Любой культурный опыт несводим только к визуальным переживаниям, чем шире спектр задействованных выразительных средств, тем богаче опыт и привлекательнее зрелище, сильнее его социокультурная эффективность. Неслучайно кинематограф экспериментирует с технологиями частичной передачи тактильных ощущений и запахов.

В ситуации экспансии виртуальной визуальности парадоксальным образом проявляется отмеченное С. Жижekom органическое стремление к обретению подлинной реальности, к участию в культурных прак-

тиках, не фальсифицированных электронными симулякрами, к переживанию чувств, порождённых непосредственной спонтанностью реального, в полном смысле «живого» зрелища. Показательными в этом смысле являются спектакулярные формы социальной активности: театрализованные митинги, зрелищные манифестации и акции протеста, рассчитанные в том числе и на привлечение медиа. Как выражение этой тенденции приобретает популярность движение исторической реконструкции, в которой каждый участник является и создателем, и наблюдателем действительно-событийного зрелища. Симптоматичным является движение «ролевиков», оживляющих ситуации и героев любимых произведений в реальной зрелищной форме. Быстрое развитие получила такая форма массового действия, как флешмоб – групповая форма спонтанной активности, несомненно, зрелищного характера. На сегодняшний день, в условиях стремительной динамики современной действительности, флешмоб завоевывает всё большее внимание в контексте театрализованных зрелищных форм благодаря мобильности, простоте и массовому вовлечению аудитории.

Таким образом, в современной культуре очевидно превращение инструментов визуализации в самостоятельные средства коммуникации. Основой изменения статуса

визуального в научном дискурсе становится так называемый визуальный, или иконический, поворот.

Визуальное формирует новый специфический опыт и выстраивает особую систему отношений людей с реальностью. Основой рефлексии собственного опыта в предшествующей системе коммуникаций выступал процесс документирования, в то время как современные визуальные технологии позволяют осуществить логирование собственной жизни, сохранение её в цифровой форме в максимальной полноте. Триумфом цифровых визуальных технологий выступает стремительно растущее распространение устройств виртуальной реальности и успех игр, основанных на технологии «дополненной реальности».

Однако, несмотря на галолирующую виртуализацию, в современной культуре сохраняется локус, где реальность во всей своей сенсорной полноте по-прежнему сохраняет приоритет. Это реальное зрелище, которое синтезирует различные медиа, или проводники (по терминологии П. А. Сорокина), в уникальную органичность получаемого культурного опыта.

Итак, тенденции виртуализации визуальности, свойственные современной культуре, парадоксальным образом обостряют актуальность живых, органичных, достоверно-событийных зрелищных форм.

Примечания

1. Гиниятова Е. В., Тихонова Г. Ю. Онтологизация визуальности: ретроспективный аспект [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6608>
2. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / пер. с англ. Артема Смирного. Москва : Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160.
3. Зиновьев А. А. Глобальный человек [Электронный ресурс]. URL: <http://politconservatism.ru/upload/iblock/2ba/2ba0523d98a2a1a579673a53a1ec519f.pdf>
4. Колодий В. В. Визуальность и её влияние на социальное познание: философско-методологическое основание // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2 (14). С. 90–96.

5. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. Москва : Академический Проект : Фонд «Мир», 2005. 496 с.
6. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева, закл. ст. М. Вавилова. 3-е изд. Москва : Кучково поле, 2011. 464 с.
7. Порозов Р. Ю. Визуальное как доминанта современной культуры // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 219–221.
8. Сорокин П. А. Система социологии. Москва : АСТ : Астрель, 2008. 1008 с.
9. Фокин А. А. Эпоха интернет-визуальности: Youtube, Instagram, GIF, Coub // Челябинский гуманитарий. 2013. № 2. С. 80–86.
10. *Emoji.li*. Available at: <http://emoji.li/>
11. *Explore*. Available at: <http://explore.brainpickings.org/post/38732179273/the-birth-of-emoticons-one-of-100-diagrams-that>
12. Nabokov's interview. *The New York Times*, [1969]. Available at: <http://www.kulichki.com/moshkow/NABOKOW/Inter11.txt>
13. *PLAYSTATION® VR SELLS THROUGH 915,000 UNITS WORLD WIDE*. Available at: <http://www.sie.com/en/corporate/release/2017/170227.html>
14. *Pokémon GO Has Grossed More than \$440 Million, Out-Earning Some of 2016's Biggest Films*. Available at: <https://sensortower.com/blog/pokemon-go-month-two>
15. *Pokémon Go' is already almost as big as Snapchat and GoogleMaps*. Available at: <http://uk.businessinsider.com/pokemon-go-nearly-as-many-daily-users-snapchat-google-maps-more-than-twitter-surveymonkey-2016-7>

References

1. Giniyatova E. V., Tikhonova G. Yu. Ontologization of visual space: retrospective aspect. *Digital scientific magazine "Modern problems of science and education"*. 2012, no. 4. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6608> (In Russian)
2. Žizek Slavoj *Welcome to the desert of the Real! Five essays on September 11 and related dates*. (In Russian ed.: Zhizhek S. *Dobro pozhalovat' v pustynyu Real'nogo. Perevod s angliyskogo Artema Smirnogo [Welcome to the desert of Real. Translated from English by Artyom Smirny]*. Moscow, Published by Fond "Pragmatics of culture", 2012. 160 p.).
3. Zinovyev A. A. *Global'nyy cheloveynik*. Available at: <http://politconservatism.ru/upload/iblock/2ba/2ba0523d98a2a1a579673a53a1ec519f.pdf>
4. Kolodiy V. V. Vizual'nost' i ee vliyanie na sotsial'noe poznanie: filosofsko-metodologicheskoe osnovanie [Visuality and its influence on social cognition: philosophical and methodological basis]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2011, no. 2 (14), pp. 90–96.
5. Marshall McLuhan *The Gutenberg Galaxy*. University of Toronto Press, 1962 (In Rus. ed.: Maklyuen M. *Galaktika Gutenberga: Stanovleniye cheloveka pechatayushchego. Perevod I. O. Tyurinoy [Galaxy Gutenberg: The Becoming of a Man Printingr. Translated by I. O. Tyurina]*. Moscow, Publishing house "Academic Project", Fond "Mir", 2005. 496 p.)
6. McLuhan Marshall *Understanding media: the extensions of man* (In Rus. ed.: Maklyuen M. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka. Perevod s angliyskogo V. Nikolayeva [Media Understanding: External Human Extensions. Translated from English by V. Nikolaev]*. 3rd edition. Moscow, Publishing house "Kuchkovo field", 2011. 464 p.)
7. Porozov R. Y. Visual as the dominant of modern culture. *Political Linguistics Journal*. 2011, no. 2, pp. 219–221. (In Russian)
8. Sorokin P. A. *Sistema sotsiologii [System of sociology]*. Moscow, AST Press Publishing House, 2008. 1008 p.
9. Fokin A. A. Epokha internet-vizual'nosti: Youtube, Instagram, GIF, Coub [The era of Internet visuality: Youtube, Instagram, GIF, Coub]. *Chelyabinsky gumanitary [Chelyabinsk Humanitarian]*. 2013, no. 2, pp. 80–86.
10. *Emoji.li*. Available at: <http://emoji.li/>

11. *Explore*. Available at: <http://explore.brainpickings.org/post/38732179273/the-birth-of-emoticons-one-of-100-diagrams-that>
12. Nabokov's interview. *The New York Times*, [1969]. Available at: <http://www.kulichki.com/moshkow/NABOKOW/Inter11.txt>
13. *PLAYSTATION® VR SELLS THROUGH 915,000 UNITS WORLD WIDE*. Available at: <http://www.sie.com/en/corporate/release/2017/170227.html>
14. *Pokémon GO Has Grossed More than \$440 Million, Out-Earning Some of 2016's Biggest Films*. Available at: <https://sensortower.com/blog/pokemon-go-month-two>
15. *Pokémon Go' is already almost as big as Snapchat and GoogleMaps*. Available at: <http://uk.businessinsider.com/pokemon-go-nearly-as-many-daily-users-snapchat-google-maps-more-than-twitter-surveymonkey-2016-7>

*

В

ВИРТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИСКУССТВЕ – НОВЫЙ ФАКТОР ИНКУЛЬТУРАЦИИ И СОЦИАЛИЗАЦИИ

УДК 008:004.946:7

А. А. Лисенкова

Пермский государственный институт культуры

В данной статье рассматривается опосредованность трансляции и восприятия культурного опыта цифровыми устройствами, определяющими новый технологический формат инкультурации личности. Данные изменения оказывают влияние на все сферы жизни общества, стирая пространственно-временные границы и вовлекая человека в интерактивный процесс творчества. Особенно ярко данные тенденции проявляются в молодёжной среде, формируя особенности мышления, восприятия и взаимодействия, трансформируя способы репрезентации и коммуникации. Выделены особенности социализации и инкультурации, обусловленные формированием новых форматов восприятия искусства: мобильность, краткость, заинтересованность и удивление, игра и интерактивность, творчество, постоянная включённость. Искусство наиболее динамично реагирует и отражает все изменения в обществе, а современные учреждения культуры вынуждены учитывать данные тенденции и на этой основе формировать стратегии развития и взаимодействия с различными заинтересованными группами на основе применения технологий виртуальной (VR), дополненной (AR) и смешанной реальности (MR).

Ключевые слова: виртуальная реальность, дополненная реальность, инкультурация, социализация, молодёжь, культура, искусство, мобильные приложения, мобильные устройства.

A. A. Lisenkova

Perm State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Gazety "Pravda" str., 18, 614000, Perm, Russian Federation

VIRTUAL TECHNOLOGIES IN ART – A NEW FACTORENCULTURATION AND SOCIALIZATION

This article discusses the mediation of translation and perception cultural experiences of the digital devices that define the new technological format of the inculturation of the individual. These changes have an impact on all spheres of society, erasing the space-time boundaries and involving people in the interactive process of creativity. These trends are particularly evident in the youth environment, forming features of thinking, perception and interaction, mediated by the figure, transforming the ways of representation and communication. The features of socialization and inculturation, due to the formation of new formats of perception of art: mobility, brevity, interest and surprise, game and

ЛИСЕНКОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА – кандидат культурологии, доцент, проректор по научной и международной деятельности Пермского государственного института культуры

LISENKOVA ANASTASIYA ALEKSEYEVNA – Ph.D. (Cultural Studies), Associate Professor, Vice rector for research and international activities, the Perm State Institute of Culture

e-mail: Oskar46@mail.ru
© Лисенкова А. А., 2018

interactivity, creativity, constant involvement. Art reacts most dynamically and reflects all changes in society, and modern cultural institutions are forced to take into account these trends and on this basis to form strategies for development and interaction with various interested groups through the use of virtual (VR), augmented (AR) and mixed reality (MR) technologies.

Keywords: virtual reality, augmented reality, inculturation, socialization, youth, culture, art, mobile applications, mobile devices.

Для цитирования: Лисенкова А. А. Виртуальные технологии в искусстве – новый фактор инкультурации и социализации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 35–42.

С непрерывным лавинообразным ростом цифровых технологий, изменением представлений о пространственно-временных границах, ускорением жизненного ритма трансформируются и многие процессы жизни современного человека. Цифровизация, виртуализация, технологии дополненной и смешанной реальности, а также развитие искусственного интеллекта кардинально изменяют социально-культурное пространство современности, способы социализации, инкультурации, идентификации и репрезентации.

Резкий рост данных изменений заставляет менять прежнее соотношение механизмов передачи культурного опыта от старшего поколения к младшему, а постоянная включённость молодёжи в цифровой мир способствует развитию новых форматов и технологий освоения мира культуры.

В связи с этим всё в большей степени происходит размывание границ между виртуальным и реальным, появляются новые институты и механизмы социализации и инкультурации, напрямую связанные с новой цифровой средой. Например, для современного человека, выросшего в эпоху «цифры», весь мир интерактивен и гипервизуален, а мобильность как модус ценности свободы занимает главенствующее место. Для поколения digital native цифровой способ передачи и получения информации стал естественным и единственно возмож-

ным образом жизни. А всё более возрастающие требования к индивидуальной креативности и постоянной включённости порождают новые способы взаимодействия во всех сферах жизни современного социума. В данном отношении в искусстве и культуре, как более образном проявлении осмысления действительности через художественные образы, наиболее полно проявилась зависимость от средств технической визуальной презентации.

На этом фоне цифровые технологии виртуальной и дополненной реальности позволяют моделировать, создавать новые и воссоздавать утерянные образцы культуры, формируя тот самый интерактивный и гипервизуальный фрейм для принятия и усвоения культуры через яркую нарративную визуальность понятных и близких образов.

Благодаря виртуализации и новым технологическим возможностям в значительной мере размывается уникальность и единственность произведения, его локальная привязка к имени создателя, месту и ресурсу хранения, многие люди получают равноправный доступ и возможность соавторства в процессе интерактивного сетевого творчества. И, как следствие, повышается технологическая характеристика виртуального уровня культуры. По мнению Т. Е. Шехтер, происходит выведение искусства «далеко за пределы, обозначенные реальным спосо-

бом его существования. Именно на виртуальном уровне художественное творчество обретает неизвестные в условиях реальной действительности функции, легко превращается в знак, текстовый элемент сайта или интернет-среды в целом» [5], создавая пространство гипертекстуального и гипервизуального присутствия, безграничное поле для творчества. Таким образом, «в виртуальной транскрипции произведение искусства теряет самостоятельность и неприкосновенность, заданные ему в условиях материального существования, и приобретает свойства текста, где все элементы равноправны и служат общему смыслу, на который “работает” интерактивное лоно – так называемый гипертекст» [5, с. 58–59].

Современное интерактивное виртуальное пространство, где исчезают различия между далёким и близким, внешним и внутренним, биологическим и автоматическим, порождает новые возможности зрелищности и включённости, стимулируя взаимопроникновение традиционных видов изобразительных искусств и новых цифровых технологий. Поэтому сегодня в искусстве мы видим изменения на онтологическом уровне, где симуляция и репрезентация выходят на первый план, виртуальное вытесняет реальное, время превалирует над пространством, а изображение главенствует над объектом, изменяя привычные закономерности. Таким образом, виртуализация искусства формирует особый образ трансляции, восприятия и мышления, изменяя модели поведения современного человека через усвоение новых интерактивных практик гипервизуализированной зрелищности виртуальной и дополненной реальности в киберпространстве Глобальной Сети, а электронное виртуальное пространство образует множество виртуальных реальностей (виртуальных сред), где данные

практики создаются, воспроизводятся и тиражируются. Например, музеи, используя виртуальные гиды и приложения дополненной реальности, формируют новое многослойное пространство для существующих экспонатов и выставочных коллекций. Сегодня виртуальность, являющаяся свойством человеческого сознания, благодаря информационным технологиям, становится новой формой культурного выражения, и эта форма всё более востребована в современном мире.

Так, данные аналитических прогнозов свидетельствуют о том, что в условиях бурного развития цифровых технологий и мобильных устройств доступность технологий VR (виртуальной реальности) и AR (дополненной реальности) на мобильных устройствах к 2021 году составит 100%¹. При этом следует отметить, что основной аудиторией, использующей цифровые технологии, является молодёжь – поколение, которое выросло в эпоху «цифры», те кто, не представляет свою жизнь вне технологий, так называемое поколение Z / нетокусов / центениалов / цифровых аборигенов.

Уже сегодня становятся очевидными специфические черты восприятия информации молодёжью, отмечаемые исследователями (в том числе подробно представленные в аналитическом отчёте по итогам масштабного исследования, проведённого ПАО «Сбербанк»²). Данные тенденции находят отражение и в других исследованиях. Например, опрос на основании экспертных оценок и проведённый Высшей школой

¹ 10 фактов сентября. Исследования интернет-проникновения в России. URL: http://rtamoscow.com/pdf/RTA_10_facts_September_672.pdf

² 30 фактов о современной молодёжи. Исследование ПАО «Сбербанк». URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf

экономики анализ молодёжной аудитории в отношении IT-трендов показали превалирование запроса на развитие VR- и AR-технологий в культуре (показатель ожидания развития VR и AR составил более 40% ¹). Эти тенденции связаны с трансформациями, происходящими в современном обществе: большие потоки информации, визуальных форм коммуникации, развитость сети контактов на онлайн-платформах, перенасыщение событийного ряда и ускорение ритма жизни современных молодых людей. Эти факторы необходимо учитывать, так как они оказывают влияние на современное молодое поколение, на процессы социализации и инкультурации, восприятия и мышления, взаимодействия и общения.

К наиболее существенным факторам можно отнести следующие:

1. *Мобильность*, так как в современном мире гаджетов мы всю информацию получаем и обрабатываем на лету, а скорость реакций и плотность коммуникаций возрастает. Сегодня ни для кого уже не являются удивительными навыки одновременно читать, слушать и общаться в Сети, что ранее считалось уникальными способностями, которыми обладали единицы. Сейчас любой подросток легко делает несколько дел одновременно, будучи постоянно включённым в информационно-коммуникационное пространство, но при этом его действия носят достаточно поверхностный характер.

2. *Краткость*. В среднем современный человек, находящийся в плотном информационном поле, способен концентрироваться

на одном объекте в течение 8 секунд. В связи с этим длинные тексты и долгие описания плохо воспринимаются, их не слушают, переключаясь на другой более интересный сюжет менее крупного формата.

3. *Заинтересованность и удивление*. В современном мире существуют практически безграничные возможности выбора, поэтому зритель / слушатель / пользователь / читатель и т.д. имеет возможность найти то, что ему интересно, то, что будет вызывать положительные эмоции и дарить новые впечатления.

4. *Игра и интерактивность*. Сетевые многопользовательские игры, социальные сети, мессенджеры и блоги оказали колоссальное влияние на трансформацию всех форм коммуникации. Интерактивность и гипертекстуальность стали неотъемлемыми чертами современности, а социальные связи и контакты протекают в большей степени опосредованно, с использованием новых средств коммуникации, изменяющих форматы социализации, идентификации и репрезентации персонального опыта каждого участника, включая его в единое пространство связанных сетевых интеракций.

5. *Визуальность и разнообразие*. Вследствие преобладания визуальной, экранной культуры, постоянно сменяемых ярких образов всё, что не вписывается в этот карнавал яркий ряд, остаётся не замеченным и за гранью доминирующей культуры. Наглядность, упрощение смыслов, замена языковых практик изобразительными (смайлики, иконки, гифки и т.п.) приводят к трансформации форматов производства и потребления информации, изменению поддачи материала, смене способов взаимодействия между автором и зрителем, выстраивая форматы взаимодействия во фрейме визуальной нарративности.

¹ Результаты опроса мнения экспертного сообщества, проведённого Кафедрой информационных технологий в культуре НИУ ВШЭ (сентябрь 2018 года). URL: https://pushkinmuseum.art/education/it-center/9249_romanova_it-trends.pdf

6. *Творец, педагог, исследователь не является сегодня человеком «сакрального знания».* Он навигатор, способствующий построению индивидуальных творческих и образовательных траекторий, определяющий маршрут и задающий вектор движения в среде творчества и гуманитарного знания, а информацию любого формата можно получить «здесь и сейчас» в любом месте, в любое время, обращаясь к поисковым системам. Например, одна из наиболее востребованных профессий в ближайшей перспективе обозначена в «Атласе новых профессий» Агентства стратегических инициатив как тьютор по эстетическому развитию, создающий индивидуальную траекторию взаимодействия с предметами искусства [1].

7. *Постоянная включённость.* Быть всегда на связи, доступным в любое время – основная тенденция последних лет. Если вас нет в Сети, вас не существует: «если вас не находит “Google” – вас нет». Присутствием в цифровом мире определяется успешность; количество подписчиков и репостов говорят о приверженности и лояльности.

Таковы основные характеристики, определяющие вектор развития в цифровом мире на ближайшее время, а технологии перехода от аналоговой к цифровой реальности определяют фрейм данных изменений. В связи с этим процессы инкультурации и социализации также протекают в цифровом формате, и учреждения культуры сегодня активно встраиваются в данный процесс, используя различные форматы взаимодействия со своей аудиторией. Наиболее ярко эти тенденции проявляются в применении технологий виртуальной (VR), дополненной (AR) и смешанной реальности (MR).

Сфера культуры последние несколько лет активно реагирует на данные изменения: разрабатываются программы и «до-

рожные карты» развития цифровой среды учреждений культуры, внедряются новые форматы в учреждениях. К наиболее популярным форматам взаимодействия с аудиторией, используемым сегодня в сфере культуры и искусства, относятся:

1. *Официальные порталы культурных институций с элементами виртуальности,* так называемое виртуальное представительство учреждения в Сети.

2. *Глобальные интерактивные интернет-порталы, посвящённые искусству,* не являясь институциональными структурами, предоставляют контент о различных направлениях в искусстве / культуре, художниках, поэтах, историко-культурных событиях и т.п.

3. *Создание виртуальных цифровых каталогов,* в том числе оцифровка произведений искусства, создание цифровых копий, мобильных каталогов и рубрикаторов.

4. *Виртуальные музеи, театры, филармонии и библиотеки,* предоставляющие удалённый доступ к фондам хранения с подробным описанием экспонатов, виртуальными экскурсиями и полноценным виртуальным посещением музея, библиотеки в любое время.

5. *Создание групп и сообществ,* профессиональных и непрофессиональных, посвящённых искусству и культуре, отдельным институциям, деятелям культуры и т.д.

6. *Мобильные гиды и приложения с элементами дополненной и виртуальной реальности,* способствующие реализации функций гипервизуализации в мобильных устройствах, созданию дополнительных интерактивных программ с целью презентации фондов, включения в процесс активного сотворчества зрителей/слушателей, создания игрового и обучающего контента.

7. *Онлайн-трансляции, виртуальные концертные залы,* позволяющие слушать

лучших исполнителей в любой точке мира, где есть доступ к Интернету, создающие беспрецедентные условия для реализации задач инклюзии.

8. *Появление новых форматов цифрового творчества*, в том числе создание произведений искусства с использованием VR- и AR-технологий, развитие нейросетевого программирования для совместного творчества на цифровых платформах, появление новых видов искусства на стыке технологий и традиционного искусства (Science&Arts), что позволяет вовлекать в данный процесс различные профессиональные сообщества из других областей знания, ранее никак не связанных с искусством и культурой, создавая единое поле совместного творчества. Как отмечают Д. О. Шавлыгин и А. М. Обморокова: «Именно благодаря разумному видоизменению традиционного искусства цифровое искусство станет органичным витком развития художественной истории» [2] и будет способствовать формированию нового стиля в искусстве, стиля Digital-Art. Наиболее известные проекты Science&Arts – это Laboratoria Art&Science Foundation¹ и международный проект в области искусства и науки «Новое состояние живого»², Проект “Heliotropika”.

Таким образом, появление и развитие различных форматов цифровых технологий явилось стимулом для изменения способов взаимодействия учреждений культуры и искусства, в том числе с молодёжью, выдвинув на первый план задачу развития онлайн-сервисов, включая новые форматы сетевого творчества и образовательного контента, что позволило им более глубоко интегрироваться в процесс социализации

¹ См.: <http://newlaboratoria.ru>

² См.: <https://permm.ru/#/shortevent/novoe-sostoyanie-zhivogo-mezhdunarodnyj-proekt-v-oblasti-iskusstva-i-nauki/>

и инкультурации подрастающего поколения в рамках знакомой и близкой им среды. В связи с этим необходимо развивать образовательные ресурсы, посвящённые культуре и искусству (в том числе с использованием дистанционных образовательных программ, игровых интерактивных образовательных курсов, лекториев в учреждениях культуры с встроенным интерактивным контентом и созданием тематических образовательных сообществ). Значимым видится то, что технологические инновации в сфере образовательных технологий в культуре не только позволяют развивать профессиональные навыки, но и стимулируют освоение метапредметных областей знания и создают новые компетенции в области softskills, востребованные современным обществом.

Так, сегодня социализация отчасти проходит в виртуальной среде, где поиск «своих» приобретает глобальные масштабы, так как перестаёт зависеть от расстояния. Существенным элементом объединения «своих» становится совместное творчество, опосредованное «цифрой», ставшее возможным независимо от состояния здоровья, места проживания, социального положения, благодаря различным мобильным приложениям и сервисам, оказывающим существенное влияние на инклюзивность процесса сотворчества. Включённость в процесс сотворчества в виртуальном пространстве позволяет людям с различными возможностями здоровья ощущать себя полноценными членами группы, развивать творческие способности, познавать новое и видеть лучшие образцы искусства.

Тем не менее, несмотря на вышеизложенные факторы, оказывающие положительное влияние на процесс вхождения в культуру, освоение норм и правил общества, опосредованных технологическим раз-

вителием, существует ряд вызовов, порождаемых цифровизацией. Данные тенденции носят ярко выраженный социокультурный характер. Так, постоянная включённость, интерактивность, визуализация и геймификация вытесняют реальные объекты, заменяя их глянцевыми игровыми образами в формате Голливуда, а гибридность и нелинейность виртуального и реального миров порождают их бесконечную множественность, способствуя развитию неосинкретизма как особого типа иррациональности и более плоскому восприятию искусства, подменяя глубину его символического значения простыми игровыми образами.

Существенными видятся угрозы, возникающие в результате изменения способов коммуникации, образовательных технологий, развития систем искусственного интеллекта и совместного сетевого творчества, что требует от современного человека освоения новых компетенций, приобретения дополнительных навыков. Данные тенденции обостряются в связи с глобальностью рынка и технологическим разрывом между различными регионами и странами, порождая всё большее цифровое неравенство, а межпоколенческие разломы, в связи с опытом освоения информационных технологий, стимулируют новые формы сегрегации в современном обществе. Таким образом, современные условия развития цифровой среды служат стимулом для трансформации всех сфер жизни человека, и, конечно, социально-культурная сфера и сфера искусства, будучи наиболее тонко реагирующими на любые трансформации сферами, связанными с индивидуальным опытом человека, не могут не реагировать на данные изменения.

Происходит очевидное смещение форм коммуникации в глобальном мультикультурном пространстве, влекущее за собой

не только изменение языковых практик, но и взаимопроникновение различных культур, глобализацию всех процессов и изменение способов инкультурации, опосредованной различными цифровыми носителями и программными продуктами. В результате расширяются возможности для синтеза различных видов искусства и мультиинтеграции их с другими сферами на основе нелинейного восприятия, гипервизуализации и гипертекста, с постоянной включённостью человека в процесс сотворчества. В этом отношении интересны наблюдения С. В. Ерохина, который отмечает тенденции, характерные для развития искусства под влиянием цифровизации: «открытость художественного произведения, предоставляющая возможность реципиенту завершить процесс его создания и даже выступить в качестве его полноценного соавтора; использование динамических образов; совместное использование художественных приёмов, характерных для различных локальных стилей» [2, с. 88]. Таким образом, развитие медиатехнологий, цифрового контента, различных образовательных платформ и приложений с эффектом присутствия и создания новой интерактивной дополненной реальности внепространственно-временных границ позволит быть включённым в данный процесс любому жителю планеты, создавая беспрецедентное поле для творчества и рождения новых видов искусства. Сегодня благодаря синтезу цифры и традиционных видов искусства активно развиваются такие направления, как фрактальная графика, типографика, цифровая живопись и фотография, 3D-моделирование [3], гипертекстовая литература, гейм-арт, интерактивные инсталляции, сетевое искусство (нет-арт), хактивизм, пиксель-арт, ANSI art, Chiptune, ASCII art и другие. Как видим, освоение различных культурных практик

цифрового творчества стимулирует появление новых произведений искусства.

На фоне развития цифровых технологий деятельность в сфере культуры также обретает новые возможности развития, такие как создание «умных» городских культурных пространств, «умных» музеев с элементами виртуальной и дополненной реальности, а простота использования и доступность новой культурной среды стимулируют развитие любительского творчества и креативности в различных сферах.

Все эти тенденции, в том числе повышенная визуализация, интерактивность, доступ к информации, изменение форматов получения знаний, трансформация способов коммуникации, социализации и инкультурации, не могут не приводить к изменению повседневной жизни человека, общественных отношений и в итоге к изменению ценностно-смыслового содержания культуры, порождая новые возможности и создавая новые угрозы в глобальном мультикультурном трансграничном цифровом мире.

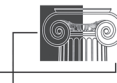
Примечания

1. Атлас новых профессий / Агентство стратегических инициатив, Московская школа управления «Сколково». Москва, 2014. 288 с. URL: <http://atlas100.ru/catalog/kultura-i-iskusstvo/lichnyy-tyutor-po-esteticheskomu-razvitiyu/>
2. Ерохин С. В. Цифровые технологии как основа формирования искусства постмодернизма и трансдисциплинарной области научного искусства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2012. № 10. Ч. 1. С. 85–88.
3. Каримов А. Ф. Цифровое искусство и сферы его применения // Научный альманах. 2018. № 4-2 (42) С. 257–260. DOI: 10.17117/na.2018.04.02.257
4. Шавлыгин Д. О., Обморокова А. М. Интеграция цифрового искусства в традиционную художественную среду // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Том 15, № 4. С. 100–107. DOI: 10.14529/hum150414
5. Шехтер Т. Е. Художественное воображение и логика фрактала // Виртуальное пространство культуры : материалы научной конференции (11–13 апреля 2000 г.). Серия “Symposium”. Выпуск 3. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 58–62.

References

1. *Atlas novykh professiy [Atlas of new professions]*. By Agency for Strategic Initiatives (ASI), Moscow School of Management “SKOLKOVO”. Moscow, 2014. 288 p. Available at: <http://atlas100.ru/catalog/kultura-i-iskusstvo/lichnyy-tyutor-po-esteticheskomu-razvitiyu/>
2. Erokhin S. V. Digital technologies as basis for formation of postpostmodernism art and transdisciplinary sphere of scientific art. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2012, no. 10, part 1, pp. 85–88. (In Russian)
3. Karimov A. F. Digital art and its using. *Science Almanac*. 2018, no. 4-2 (42), pp. 257–260. DOI: 10.17117/na.2018.04.02.257
4. Shavlygin D. O., Obmorokova A. M. IntegratIon of dIgitAl art into traditional art environment. *Bulletin of the South Ural State University. Series “Social Sciences and the Humanities”*. 2015, vol. 15, no. 4, pp. 100–107.
5. Shekhter T. E. Khudozhestvennoe voobrazhenie i logika fraktala [Art imagination and fractal logic]. *Virtual’noe prostranstvo kul’tury. Materialy nauchnoy konferentsii (11–13 aprelya 2000 g.). Seriya “Symposium”. Vypusk 3 [Virtual space of culture: materials of a scientific conference (April 11–13, 2000). Series “Symposium”. Issue 3]*. St. Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society Publishing House, 2000. С. 58–62.

*

ДИАЛЕКТИКА ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: «МЫСЛЯЩАЯ МАШИНА» МЕЖДУ ИДОЛОМ И ИДЕАЛОМ

УДК 130.2:008

А. А. Теслев

Тихвинский медицинский колледж

В исследовании рассматриваются особенности существования человека в культуре «новых медиа». Автор применяет диалектический подход к осмыслению взаимоотношений человека и «Мыслящей Машины» в рамках цифровой цивилизации, основываясь на работах советского философа Э. В. Ильенкова, который указывал на двойственность в отношении «Мыслящей Машины» и человека: с одной стороны, «Мыслящая Машина» – идол, которому человек вынужден подчиняться, существовать и действовать по её правилам; с другой – она является воплощением человеческого разума, инструментом реализации его целей, потребностей и интересов, то есть неким идеалом. Опираясь на положения, предложенные Э. В. Ильенковым, автор разрабатывает синтетическую модель работы самосознания в культуре «новых медиа», согласно которой разрешением противоречия идола и идеала в отношении человека и «Мыслящей Машины» является идея свободы как возможность реализации созидательной активности человека в практической деятельности. С точки зрения автора, этот принцип применим к осмыслению специфики существования человека и его самосознания в культуре «новых медиа».

Ключевые слова: электронная цивилизация, диалектика, человек, «Мыслящая Машина», идол, идеал, Э. В. Ильенков.

A. A. Teslev

Tikhvin Medical College, Healthcare Committee of the Leningrad Region, Borisova str., 2a,
187553, Tikhvin, Leningrad Region, Russian Federation

THE DIALECTICS OF ELECTRONIC CIVILIZATION: “THINKING MACHINE” BETWEEN IDOL AND IDEAL

In the research the specific of human being into culture of “new-media” analyzed. The author applies the dialectical method to understanding the relationship of human and “Thinking Machine” into digital civilization based on the works of the Soviet philosopher E. V. Ilyenkov. Ilyenkov finds some duality on that relationship: on the one hand, the “Thinking Machine” is an idol, to which a human obeys and acts according to his rules. From other side, the Machine is the result of the human mind and a tool for the realization of its goals, needs and interests. That is, the Machine is an ideal. Based on Ilyenkov’s thesis, the author develops a synthetic model of self-consciousness in the culture of new media. According

ТЕСЛЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ – магистр философии, преподаватель философии,
Тихвинский медицинский колледж

TESLEV ALEKSANDR ALEKSANDROVICH – master of Philosophy, teacher of Philosophy, the Tikhvin
Medicine College

e-mail: alexteslev@mail.ru
© Теслев А. А., 2018

to this model, the resolution of the contradiction between the idol and the ideal in relation to human and the “Thinking Machine” is the idea of freedom as an opportunity to realize his creative activity in practice. From the author’s point of view, this principle is applicable to understanding the specifics of human existence and his self-consciousness in the culture of “new media”.

Keywords: electronic civilization, dialectics, human, “Thinking Machine”, idol, ideal, E. V. Pilyenkov.

Для цитирования: Теслев А. А. Диалектика электронной цивилизации: «Мыслящая Машина» между идиолом и идеалом // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 43–48.

Цифровые технологии преобразуют многие традиционные формы нашего общения, включая и медиа. Речь идёт о формировании особой медиакультуры, при этом смысл термина «медиа» двоятся. С одной стороны, это новые технические средства коммуникации «электронной цивилизации», которые позволяют нам общаться ежечасно и повсеместно, а с другой – новые технологии самого человеческого общения. Современное медиапространство не является обособленным, а культура «новых медиа» не представляет собой отдельной реальности – технологической, социальной, тем более, антропологической. Однако термин «культура новых медиа» указывает на сращённость современной культуры с информационно-коммуникационными технологиями и ресурсами. Но в какой мере расширение технических возможностей совершенствует или деформирует коммуникацию в её исходном смысле общения людей? Эпоха «новых медиа» обостряет вопрос о соотношении технического (машинного) и собственно духовного (человеческого) в наших взаимоотношениях.

Понятием «культура новых медиа» обозначаются границы современного состояния культуры и специфика актуальных культурных и социальных практик, и в то же время оно позволяет понять, что свойством «новомедийности» современная культура никоим образом не исчерпывается. Иными словами, человек в актуальной исторической фазе создаёт, использует, со-

вершенствует новые технологии и ресурсы в своём глобальном взаимодействии с природой. «Электронная цивилизация» – очередной этап в преобразовании человеком мира на основе совершенствования орудий и технологий. «Новомедийностью» наша эпоха не исчерпывается, но именно культура «новых медиа» является тем особым явлением, которое демонстрирует двойственность взаимоотношений человека и его орудия, человека и машины. «Новые медиа» здесь указывают на наиболее специфичную сторону той культурной реальности, которая возвысила человека над другими существами, превратила антропологическое в социальное, когда общение между людьми уже невозможно без технических средств, но эти средства способны редуцировать идеальное содержание нашего культурного общения. И это даёт право утверждать, что культура «новых медиа» обнажает существенные признаки «электронной цивилизации» как таковой.

Что представляет собой человек, живущий и действующий в условиях «электронной цивилизации» и «новых медиа»? Каково самосознание субъекта, для которого, по утверждению многих исследователей, «новые медиа» стали заменителем традиционной религии?

Религия невозможна без поклонения. Мы не будем разбираться в том, идиолом или идеалом оказывается Бог в христианстве и других мировых религиях. Оппозиция идола и идеала интересует нас там, где

речь идёт о взаимоотношениях человека и того, что именуют «Мыслящей Машиной». Могут ли новые электронные технологии подчинить себе человека? Могут ли они навязывать нам свои алгоритмы поведения? В чём здесь причина и где выход?

В данном случае важна адекватная постановка вопроса, в поисках которой мы обратимся к работе Э. В. Ильенкова «Об идолах и идеалах» (1968) и к его статье в соавторстве с А. С. Арсеньевым и В. В. Давыдовым «Машина и человек, кибернетика и философия» (1966), где как раз и обсуждается специфика отношения «Человек – Мыслящая Машина».

Эти работы были написаны в период эйфории по поводу успехов создателей ЭВМ, возможности которых несопоставимы с техническими возможностями «новых медиа». Но наши теперешние иллюзии имеют тот же источник, на который указывает Ильенков со своими единомышленниками.

Мышление не может быть функцией технического устройства, доказывали советские философы ещё в 1960-х годах, поскольку и у человека оно является функцией не отдельного мозга, а всего человека, а вернее, социальным способом его жизнедеятельности. «Но функции, выполняемые мозгом, – читаем мы в статье 1966 года, – определяются всей совокупностью исторически развивающихся условий деятельности человека со всеми драматически-противоречивыми коллизиями внутри этих условий. Поэтому и искусственный мозг должен обладать способностью радикально изменять любую из схем своей прежней деятельности, а стало быть, и обеспечивающую её “структурную схему”» [1, с. 269]. Речь идёт о том, что мышлением, сознанием и самосознанием может обладать такая материальная структура, которая способна к универсальной деятельности по преобразованию

внешнего мира, природы во всем её многообразии. Способна ли на это машина? Способна – в руках творческого человека. «Короче говоря, эта “структура” должна быть способной к полной перестройке всех своих схем, иными словами, абсолютно пластичной, то есть универсальной, “формой (всех возможных) форм”. Таков именно реальный человек и его мозг» [1, с. 269].

Таким образом, мы подходим к вопросу о возможности целеполагания применительно к технической системе, поскольку только человек может действовать согласно «целевой», а не одной лишь «причинной» детерминации. Без человека, пишут авторы статьи, ЭВМ, подобно другой технике, является просто телом природы, подверженным действию физико-химических закономерностей.

Именно при обсуждении вопроса о цели и средствах деятельности человека мы оказываемся в поле решения проблемы – идолом или идеалом оказывается «Мыслящая Машина» для человека в современной культуре. Даже через полвека не теряет принципиальной новизны и актуальности анализ этой проблемы Э. В. Ильенковым, который писал о социальных причинах технократической мифологии, когда человек обожествляет своё орудие, превращает его в субъекта и наделяет самосознанием. И сам согласен подчиняться ему как высшему разуму. Подчиняясь своим же техническим изобретениям, доказывал Э. В. Ильенков, человек на деле оказывается в подчинении другому человеку, а технологии оказываются только посредником в их общении. Вывод авторов статьи таков: «Западная техническая интеллигенция, в том числе и кибернетически-математическая, потому и запуталась в проблеме “человек – машина”, что не умеет поставить её правильно, то есть как *социальную* проблему,

как проблему отношений человека к человеку, опосредованных через материальное тело цивилизации, в том числе и через машинную современную технику современно-го производства» [1, с. 279].

В книге Э. В. Ильенкова «Об идолах и идеалах», которая была опубликована через два года после выхода указанной статьи, он ставит проблему ещё острее, подчёркивая, что «вовсе не Машина сама по себе превращает одного Человека в Раба, воспитанного в голодной дисциплине, а другого – в Жадного Хама, продавшего своё человеческое достоинство за радости комфорта и мещанства; что Раба эксплуатирует вовсе не Машина, а именно Жадный Хам с помощью машин, что виной всему – не бездушная и бесчеловечная Машина, а бездушие и бесчеловечность отношений Человека к Человеку, внутри которых Машина и в самом деле выступает как орудие выжимания пота и крови из живого человека» [3, с. 33].

Всё это не просто яркие художественные образы или «игра словами». Под Жадным Хамом здесь имеются в виду в том числе и государственно-бюрократические структуры, которые уже в наши дни используют технологические возможности наукометрии для подчинения себе творческого труда учёных и преподавателей. И наукометрические показатели в такой системе координат превращаются в идола, поклонение которому выгодно страте чиновников. Достаточно развёрнуто рассмотрены в современной литературе интерактивные возможности «новых медиа», которые позволяют манипулировать избирателями, потребителями и другими субъектами современного информационного общества, склонными принимать волю другого человека за истину высшего искусственного Разума [4].

Как мы видим, кибернетическая мифология прошлого века перекликается с ми-

фологией «новых медиа» сегодня. Отчуждение своих способностей в пользу машины – факт нашей жизни. Но как заменить проблему поклонения машине как идолу проблемой развития человека, его творческих способностей, что и являлось идеалом классической культуры?

На наш взгляд, именно культура «новых медиа» не только обнажает противоречия «электронной цивилизации», но и способна подготовить почву для решения данной проблемы. Но здесь нам нужно подробнее разобраться в диалектике взаимоотношений Человека и Машины, представленной в работах Э. В. Ильенкова.

***

Вернёмся к тому, что за «Мыслящей Машиной», по убеждению Э. В. Ильенкова, всегда стоит создавший её «по своему образу и подобию» и управляющий ею человек. «Человек, имея дело с машиной, в действительности имеет дело с другим человеком, с её создателем и хозяином, и Машина – только посредник между людьми» [3, с. 31–32]. Через противостояние Человека и Машины, согласно Э. В. Ильенкову, проявляет себя противостояние Человека Человеку в условиях социальных антагонизмов. В личном социальном бытии тезис противостояния антитезису, но исторический процесс способен совершить диалектическое снятие данного противоречия, что, на наш взгляд, и происходит при развитии культуры «новых медиа».

Обратим внимание на специфику взаимодействия в системе отношений «Человек – Машина», чтобы установить, является ли «Мыслящая Машина» идиолом, подчиняющим себе человека и определяющим специфику его самосознания и деятельности вне зависимости от его воли, или же «Машина» – рациональное и целесообразное воплощение в реальности некоего идеала самим че-

ловеком, представляющая собой факт (или акт) опредмечивания человеческого самосознания через деятельность. Но является ли такая постановка вопроса корректной? Сам этот вопрос есть некая провокация в том смысле, что намеренно вводит мысль в мнимый парадокс («или/или»). Этот парадокс выглядит как риторический оборот и, таким образом, содержит в себе готовый ответ: «Машина» может быть воспринята (понята) и как идол, и как идеал. Но такого рода парадоксам соответствует и сама социальная реальность на антагонистической ступени её развития.

Как же установить границу между проявлением «Машины» в качестве «Идола» и в качестве «Идеала»? Здесь нужно напомнить слова Э. В. Ильенкова о том, что «любое гениальное открытие, любое изобретение и техническое новшество могут быть одинаково успешно использованы и на благо человеку, и во вред ему» [3, с. 30]. Таким образом, разрешение указанного выше противоречия оказывается связано с тем, насколько сам человек способен выстраивать «тактику» общественных отношений. Но какова эта тактика и каковы возможные подходы к её описанию?

Говоря о «тактике», мы понимаем последнюю как метафору, за которой скрывается та или иная модель (способ) работы сознания и самосознания человека в культуре «новых медиа». В современных исследованиях по теории медиа, теории информационного (постиндустриального) общества, в визуальной антропологии обнаруживают себя три модели, в рамках которых самосознание «работает» относительно электронных средств коммуникации. Так называемая «пассивная модель», берущая начало в теории медиа Маршалла Маклюэна, указывает на то, что медиатехнологии и ресурсы уменьшают способность человека действо-

вать. «Активная модель», предпосылки которой мы усматриваем в работах Мануэля Кастельса и Эриха Фромма, раскрывает потенциальную расположенность культуры «новых медиа» к усилению способности человека действовать согласно своему разумению, во имя своих потребностей, интересов и целей. Но возможна, на наш взгляд, некая «нейтральная», а точнее, «синтетическая модель», позволяющая найти способ снятия противоположности между пассивностью и активностью, а значит, между Идолом и Идеалом применительно к «новым медиа».

В этой логике активная и пассивная модели работы нашего сознания и самосознания – два различных момента одного процесса (различённое тождество) как процесса саморазвития культуры посредством деятельности человека. И в то же время самой историей эти изначально связанные моменты деятельности человека оказываются противопоставлены друг другу. Здесь мы можем сослаться на анализ Г. В. Ф. Гегелем в «Феноменологии духа» диалектики раба и господина. Антагонизм «Идола» и «Идеала», в «новых медиа» в том числе, приводит это сознание в «разорванное», «страдающее» состояние.

В статье 1966 года мы читаем: «Либо технику (кибернетическую или некибернетическую) рассматривают только как средство, только как орудие выполнения человеческих целей, либо она превращается в самоцель, а человек – в средство, в сырьё» [1, с. 270]. Таким образом, противостояние Человека и Машины как тезиса и антитезиса является историческим продуктом, результатом взаимного отчуждения людей. Восприятие Машины как Идола оказывается следствием взаимного отчуждения и даже, как писал Маркс, «профессионального кретинизма», имеющего не антропологическую, а социальную природу. Но просма-

триваются ли сегодня перспективы преодоления этой исторической коллизии?

Разрешением противоречия между пассивностью и произволом является свободное действие. Творческое, а по сути диалектическое, снятие этих двух моментов приводит к идее свободы, которая, на наш взгляд, должна лечь в основание синтетической модели работы самосознания в культуре «новых медиа». Технологические возможности «новых медиа» позволяют нам актуализировать собственные замыслы, реализуя в виртуальном пространстве невиданные ранее степени своей свободы. Они же придают универсальность нашему общению.

Но свобода и универсальность, обеспеченная сегодня «Мыслящими Машинами», будет оставаться формальной, пока её смыслом не станет развитие способностей каждого человека как субъекта.

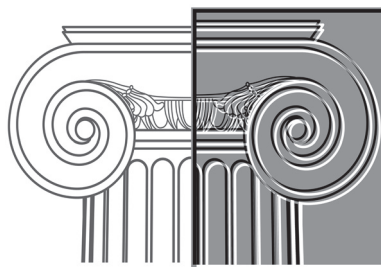
Иначе говоря, деятельность «новых медиа» должна наполняться идеальным смыслом собственно человеческого (духовного) взаимодействия, чтобы их материально-технические предпосылки уже не воспринимались в качестве Идола. Другой вопрос – какие социальные задачи должно решить человечество на пути к тому, чтобы каждый из нас воспринимался другим только как цель, а не средство.

Примечания

1. Арсеньев А. С., Ильенков Э. В., Давыдов В. В. Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука / Константинов Ф. В. (отв. ред.). Москва : Наука, 1966. С. 263–284.
2. Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал : Избранные статьи по философии и эстетике. Москва : Искусство, 1984. 349 с.
3. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. Москва : Политиздат, 1968. 317 с.
4. Мареева Е. В. От искусственного интеллекта к искусственной душе // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 171–177.
5. Осипов И. Д. Экзистенциальная диалектика Эвальда Ильенкова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6. Политология международные отношения. 2013. Выпуск 4. С. 29–34.

References

1. Arsenyev A. S., Ilyenkov E. V., Davydov V. V. Mashina i chelovek, kibernetika i filosofiya [Machine and person, cybernetics and philosophy]. In: Konstantinov V. F., ed. *Leninskaya teoriya otrazheniya i sovremennaya nauka* [Lenin's theory of reflection and modern science]. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1966. Pp. 263–284.
2. Ilyenkov E. V. *Iskusstvo i kommunisticheskiy ideal: Izbrannye stat'i po filosofii i estetike* [Art and the communist ideal: Selected articles on philosophy and aesthetics]. Moscow, Art Publishing House, 1984. 349 p.
3. Ilyenkov E. V. *Ob idolakh i idealakh* [About idols and ideals]. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1968. 317 p.
4. Mareeva E. V. Ot iskusstvennogo intellekta k iskusstvennoy dushe [From artificial intelligence to artificial soul]. *Voprosy Filosofii* [Problems of philosophy]. 2014, no. 1, pp. 171–177.
5. Osipov I. D. Evald Ilenkov s existential dialectic. *Vestnik St. Petersburg University*. Ser. 6. 2013. Issue 4, pp. 29–34.

ФИЛОСОФСКОЕ
ЭССЕ

О ПЫТ МЕТАФИЗИКИ ДЕТСТВА

УДК 130.2

Е. Ф. Казаков

Кемеровский государственный университет

В статье раскрывается проблема метафизики детства, рассматриваемая в контексте поиска человеком идентичности через выявление своей соразмерности миру. Детство рассматривается не столько как стадия взросления, сколько как сущностная характеристика человека, неотъемлемая от него на протяжении всего существования как в онтогенезе, так и в филогенезе. Детское органично чувствует себя в «эпоху обустроенности», пребывая во Вселенском Доме. Начиная с Нового времени человек живёт в «эпоху неприютности». Он разрушает Дом, сочтя себя Взрослым, способным без Дома обойтись. Адекватные Детско-Родительские отношения человека с миром разрушаются. Отказавшись от Детского, человек не обрёл Взрослое. Перед человеком разверзлись бесконечности, относительно которых он почувствовал себя брошенным, одиноким, крошечным, как никогда. Человек низверг стены Дома, почувствовав себя большим, сильным, самостоятельным «Взрослым». В результате навалившегося вдруг на него абсурда, безмерности, незащитности, он, неожиданно для себя, опять очнулся Ребёнком. «Взрослость» (точнее, «подростковый бунт») проявилась только в способности разрушить старый Дом; неведение, инфантильность – в непонимании необходимости и неспособности построить новый Дом. Человек может помыслить новый Дом (научная картина мира), но не может жить в нём. Современный человек – это потерянный Ребёнок на развалинах разрушенного и недостроенного Дома. Острейший разрыв между вечной детскостью (своей сущностью) и иллюзией собственной сверхвзрослости (своим квазисуществованием) усиливается тем, что «исторический маятник» в настоящее время «замер» на Детскости. Вечная (сущностная) и конкретно-историческая Детскость человека контрарно противостоит репрезентируемому симулякру его сверхвзрослости (что и предстаёт кризисом идентификации). «Сквозной» для обозначения пути разрешения кризиса идентичности предстаёт широко вошедшая в мировую культуру тема «возвращения Блудного Сына». Адекватный итог этого пути выражен в образе Богородицы с младенцем. Многовековая сопричастность человека этому образу заключается и в том, что он идентифицирует себя с вечным Божественным Ребёнком в родных десницах вечной Божией Матери. В этих Божественных Лицах воплощён метафизический идеал выстраивания гармоничных Детско-Родительских отношений человека с миром.

Ключевые слова: человек, детство, взрослость, родитель, метафизическое, земное, душа, история, отчуждение.

КАЗАКОВ ЕВГЕНИЙ ФЁДОРОВИЧ – доктор культурологии, профессор кафедры философии и общественных наук Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета

KAZAKOV EVGENY FEDOROVICH – Full Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, the Institute of History and International Relations, the Kemerovo State University

e-mail: kemcitykazakov@mail.ru

© Казаков Е. Ф., 2018

E. F. Kazakov

Kemerovo state University, Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation,
Krasnaya str. 6, 650000, Kemerovo, Kemerovo Region, Russian Federation

HUMANITY OR CHILDHOOD FOREVER

The article deals with the problem of metaphysics of childhood, which is considered in the context of the search for human identity, through the identification of its proportionality to the world. Childhood is considered not so much as a stage of growing up, but as an essential characteristic of man, integral to him throughout the existence of both ontogenesis and phylogenesis. Children feel organically in the “era of equipment”, staying in the Universal House. Since Modern times, people live in the “era of homelessness.” He destroys the House, considering himself an Adult, able to do without a House. Adequate Parent-Child relationship with the world are destroyed. Abandoning Child, man had not received an Adult. Before the man opened up infinity for which he felt abandoned, alone, tiny as ever. Man overthrew the walls of the House, feeling big, strong, independent “Adult”. The result is suddenly leaning on him is absurd, of immensity, of helplessness, he, unexpectedly, again woke up the Baby. Adulthood” (more precisely, “teenage revolt”) was manifested only in the ability to destroy the old House; ignorance, immaturity – a lack of understanding of the need and inability to build a new Home. A person can conceive a new House (scientific picture of the world), but cannot live in it. The modern man is a lost Child on the ruins of a destroyed unfinished House. The sharpest gap between the eternal childishness (its essence) and the illusion of its own super-adulthood (its quasi-existence) is amplified by the fact that the “historical pendulum”, at present, “froze” on Childishness. Eternal (essential) and specific historical Childishness of man contrario opposed to the represented simulacra his long-service (which appears as a crisis of identification). The theme of” the return of the Prodigal Son”, which is widely included in the world culture, appears “through” to denote the way of resolving the identity crisis. Adequate the end of this path is expressed in the image of the virgin and child. The centuries-old involvement of man in this image lies in the fact that he identifies himself with the eternal Divine Child in the native hands of the eternal Mother of God. These Divine Faces embody the metaphysical ideal of building a harmonious child-Parent relationship between man and the world.

Keywords: person, childhood, adulthood, parent, metaphysical, earthly, soul, history, alienation.

Для цитирования: Казаков Е. Ф. Опыт метафизики детства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 50–58.

Проблема метафизики детства – это проблема поиска человеком идентичности через выявление своей соразмерности миру. «Я рыдал у моря, оно не переполнилось», – говорится в дзенском коане. Человек и меньше (как капля относительно океана), и равен (как микрокосм макрокосму), и больше мира (неся в себе ту уникальность, которой больше в мире нигде нет). «Бог или червь» – так формулирует дилемму соразмерности Г. Р. Державин. Будучи равен миру, и будучи больше мира, и даже будучи «богом», человек тем не менее остаётся Дитём. «Говорить об “открытии” детства – всё равно, что

говорить об открытии человека как такового» [10, с. 13].

Детство чаще воспринимается не как самосуший феномен, а через «призму взрослости» [14, с. 3] – как беспомощное, неполноценное состояние, смысл и цель которого – внешние ему, негативны для него. Детство понимается нередко лишь как стадия взросления человека (человечества) в онтогенезе или филогенезе, как средство, подлежащее полному «отбрасыванию» после его использования [2, с. 40]. В результате теряется понимание детства как самоценного явления, как сущего, как важнейшей онтической ха-

рактические, неотъемлемой от человека на протяжении всего его существования.

Одним из зачинателей метафизики детства был Гераклит: «Вечность есть играющее дитя, которое расставляет шашки. Царство над миром принадлежит ребёнку» [15, с. 178]. Если время способно стареть, то вневременная вечность всегда юна. Вечность – это Ребёнок, а Ребёнок – это вечность. Человек – это *вечное дитя*, рождённое *дитём вечности*... Философское видение детства нашло выражение в творчестве Платона, Аристотеля, Эпикура, Августина Блаженного, М. Монтеня, Ж.-Ж. Руссо, А. Белого, В. В. Зеньковского, Ф. М. Достоевского, В. В. Розанова, А. Г. Платонова, Ж.-П. Сартра.

Детское определяется через соотношение со своей противоположностью – Взрослостью. Взрослое есть ставшая, зрелая, оформленная ступень развития. Одним из критериев вступления на неё является обретение способности быть Родителем (не просто продуцировать подобное себе, а возвращать его, нести за него ответственность, вплоть до самопожертвования).

Метафизическое Взрослое несёт в себе такие качества, как разум, деятельная мощь, свобода и власть. Оно сфокусировано в образе Бога. И, например, в христианской традиции неотделимо от Родительского, несущего в себе любовь, сострадание, милосердие и жертвенность. *Метафизическое Родительское* несёт в себе ответственность-заботу обо Всём: не только о ближнем, но и о дальнем (вплоть до «любви к врагу»), о природе, всех живых существах, планете, мироздании. *Метафизическое Взросло-Родительское на земле* наиболее полно выражается в жизни святых и праведников.

Земная Взрослость выражается через расчётливость (стремление к пользе, выго-

де), активность (целеустремлённость), свободу, силу и власть. *Земное Родительское* выражается в рождении, возвращении потомства (прежде всего *своего*), заботе-ответственности за его жизнь. В отличие от метафизической нераздельности Взрослого и Родительского, на земле первое может существовать обособленно от второго, представляя самодостаточным, самоценным.

Метафизическое Детское выражается в таких качествах, как искренность (откровенность), невинность (неспособность на зло, незлопамятность), миролюбивость (терпимость, способность прощать), чувствительность (вплоть до отторжения) к несправедливости и лжи, сострадание любому живому существу. *Земная Детскость* выражается в слабости (беззащитности), несамостоятельности, малом знании (понимании) и умении.

Детство – неизбежно, как неизбежны, с одной стороны, человеческая чистота и возвышенность, с другой – непонимание и бесчувствие. Сократ утверждал, что зло от невежества [7, с. 96]. Но разве невежество – не от незнания, наивности и инфантильности (безответственности)? Подобное читаем и в Библии: «помышление сердца человеческого – зло от юности его» [4, с. 18]; «Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят» [4, с. 107]. *Невежество ума* заключается в неспособности просчитать разрушительные последствия (в том числе и для себя самого) дурного проступка (видится лишь ближайшая его выгода). *Невежество души* выражается в неспособности почувствовать как свою боль приносимую другому существу. Но ведь неведение онтически свойственно именно неразвитой природе ребёнка.

Неслучайно святые (олицетворяющие *метафизическое Взросло-Родительское на земле*) в один голос называют себя грешниками, чувствуя неизбежность расстояния

между собой (своей метафизической родительской взрослостью) и всесовершенной Родительской Взрослостью Бога, относительно которой и святые – дети. Эту антинормичность природы человека (он одновременно и дитя, и не дитя) почувствовал Августин: «Младенчество не исчезло ... и всё-таки, его уже не было» [1, с. 29].

Неизбывность детства выражается и в том, что Старик, как итог жизни, возвращается («впадает») в Детство («старый, что малый»). И «Взрослость» тоже есть Детство – «ушедшее в основание», отвергнутое («преданное»), отчуждённое, забытое. Это – стремление *казаться* Взрослым, но не *быть* им. Мотив ребёнка «репрезентирует *аспект детства коллективной души*» [19, с. 21], в связи с чем можно говорить об «*архетипической непреодолимости детства*» [10, с. 28].

Невозможно дать завершённое раз и навсегда определение человека, потому что не завершён сам человек. Человек – существо не ставшее, а становящееся. В этом смысле вся «история» человека – ещё предыстория. Человек – «мост», «путь», а не итог [11, с. 36]. Но ведь именно ребёнок – «путь» [10, с. 186]. Вечная неопределимость человека и объясняется тем, что он – Вечное Дитя (*относительно Бога, вселенной, природы, вечности, законов мироздания, самого себя, ставшего «богом»*). А дитя потому и дитя, что «замысел», заложенный в нём, далеко не очевиден, сущность – не оформлена, а значит, и не может быть отчётливо выражена.

Кроме «вечного возвращения» к вечному Богу, в человеческой истории происходит и «*вечное возвращение*» к вечному Ребёнку. «Исторический маятник» (в большей степени истории Запада) «качается» от Детского к Взрослому и обратно (с разной силой и периодичностью), придавая истории циклический характер. Каждый раз, возвращаясь к Детскому, человек приносит с

собой важный (как положительный, так и в ещё большей степени отрицательный) опыт. В результате происходит восхождение на новую ступень неизбежной Детскости. А если данная ступень достаточно существенно отличается от предыдущей, то это и рождает иллюзию-искушение считать её Взрослостью.

В филогенезе человек пребывает в состоянии Вечного Детства (имеющего бесконечное множество «остановок в пути»). В онтогенезе человек может считать себя Взрослым («сверхчеловек», «человекобог»), бунтуя, с одной стороны, против своей Детскости (родовой сущности); с другой – против метафизической (подлинной) Родительской Взрослости («бунт» против Бога). Здесь Взрослость предстаёт в своей отчуждённости, как симулякр. В онтогенезе человек может приблизиться к метафизической Взрослости (святой, праведник, «богочеловек»), насколько это возможно для человека (в этом случае человеческая Взрослость предстаёт в своей подлинности).

Детское комфортно, защищённо, предсказуемо чувствует себя в «эпоху обустроенности» [5, с. 171], пребывая во Вселенском Доме. Все древние культуры и создают такой Дом из обычаев, традиций, мифов и религий. Детское пребывает-взрачивается в прочном, уютном Родительском Доме. В «эпохи обустроенности» между человеком и миром складываются адекватные Детско-Родительские отношения. В Новое время человек живёт в «эпоху бесприютности». Он разрушает Дом, сочтя себя Взрослым, способным без Дома обойтись (или построить *собственный* Дом, или *самому* стать Домом). Адекватные Детско-Родительские отношения человека с миром разрушаются.

Отказавшись от Детского, человек не обрёл Взрослое. Перестав быть Ребёнком и не став Взрослым (отказавшись от *своей* сущ-

ности и не обретая чужую сущность), человек стал *Ничто* (меж Ребёнком и не Ребёнком). «Маятник» от Детского к «Взрослому» – это движение от потенциального Всё к актуальному Ничто. Вечная историческая дилемма человека – или Детское, или Ничто (паскалевское: человек – «середина между всё и ничто»). Дом редуцируется со вселенских масштабов до родственно-семейных («мой дом – моя крепость») и индивидуальных («атомизация» превращает семью в «три одиночества», когда «я сам себе дом»).

Вся история человека – стремление к Взрослости, средством достижения чего служит обретение свободы. Ступени обретения Взрослости: освобождение от природной зависимости, от «деспотического» государства, от прошлого (традиций, обычаев, культурной памяти), от Бога, от другого человека, от самого себя. Вся история – это попытка избыть, забыть *свою* Детскость, «бунт» против неё. «Бунт» против *своего* Детского и идентификация себя с *не своим* Взрослым (симулякр *своего* Взрослого) – отличительная особенность подростка. Со всей очевидностью этот «бунт» развёртывается с Нового времени («ростки» появляются раньше). Исключение – традиционный Восток, для которого не отторжение от Мирowego Родительского Целого, а слианность с Ним предстаёт традиционным культурным приоритетом.

Прошлое, вселенная, природа, патерналистское государство, традиционные ценности, Бог – «умерли». Во второй половине XX века человек обрёл ту ступень взросления, которой у него никогда в истории не было. Достигается свобода ото всего, в том числе и от самого себя («освобождение» от *своей* сущности, пленённость её *не своим* существованием). Результатами этого стало острое переживание своей отдалённости, частичности, несчастности, незащитности,

сиротства... «Взрослый» – «Блудный Сын», забывший Родительское, порвавший «пуповину», связующую с ним. Потеря Детскости – это потеря *своей* соразмерности миру, соразмерности себе самому (*своей* сущности). Потеря Детского как *своей* сущности есть рассушничество, расчеловечивание. Начинается «бегство от свободы» [17, с. 67–68], то есть бегство от «Взрослости».

«Бунт» против Родительско-Взрослого предстаёт нередко как единственный путь к Нему. Надо «потерять» (природу, прошлое, Бога, себя), чтобы обрести, выстрадав, возвращение как единственное спасение. Будущее человека – это «возврат» к *своей* Детскосущности, в «новое Детство» («впитавшее» обретённый опыт взросления), в *моё* взрослое детство, где обретается новая-старая соразмерность миру. Отголоски этой интенции слышны в призывах даосизма, христианства вернуться к Дао, Богу; в призыве Ж.-Ж. Руссо «назад к природе» (точнее было бы сказать, «вперёд к природе»); в «сквозной» для мировой культуры теме «возвращения Блудного Сына». В идее будущего как «нового средневековья» [18, с. 260] присутствует в том числе интенция к восстановлению новых адекватных Детско-Родительских отношений с миром.

Человек – многовекторен, в нём можно выделить проявления и «детского, и родительского, и взрослого» [3, с. 45–46]. В нём есть наивный, чистый (одновременно капризный и эгоистичный) Ребёнок; амбициозный бунтующий Подросток; ищущий путей вхождения в мир Юноша; полный сил, деятельный Взрослый; заботящийся о Другом (природе, Боге, человеке) не менее, чем о себе, Родитель; умудрённый опытом, уставший Старик...

Многовекторность человека – гетерохронна, может иметь разные исторические доминанты (адекватно или отчуждён-

но проявляя тем не менее его неизбывную Детскую сущность).

«Исторический маятник» ещё больше качнулся в сторону «непризнанной» Детскости. Границы бытия раздвинулись настолько, что растаяли, утонули во тьме. Перед человеком разверзлись бесконечности, относительно которых он почувствовал себя брошенным, одиноким, крошечным, как никогда. Чем больше открывается бесконечность, тем меньше становится человек. Он – такой маленький, что сам себя порой не видит («нульмерный человек»). Жизнь предстаёт как диалог одной малости с другой... как отсутствие диалога (даже с самим собой), как отсутствие монолога. Непроговорённое, неотрефлексированное, спонтанное действие (действие «в чистом виде») свойственно именно ребёнку.

Человек низверг стены Дома, почувствовав себя большим, сильным, самостоятельным «Взрослым». В результате навалившегося вдруг на него абсурда, безмерности, незащитности он, неожиданно для себя, опять очнулся Ребёнком. И вот результат: *Ребёнок есть, а Дома нет*. Драматизм существования современного человека обострился до крайней степени. «Взрослость» (точнее, «подростковый бунт») проявилась только в способности разрушить старый Дом; неведение, инфантильность – в непонимании необходимости и неспособности построить новый Дом. Взрослый человек – довольно самодостаточен и силен, он может прожить какое-то время вне Дома, в «голой вселенской степи»; может сам стать Домом для себя. Ребёнок же – слаб и незащищен и не способен построить новый Дом. Современный человек – это потерянный Ребёнок на развалинах разрушенного и недостроенного Дома. Современная культура – «экзистенциальный крик» о вселенской бесприютности «Взрослого» Дитя.

Человек может помыслить новый Дом (научная картина мира), но не может жить в нём. «Антропный принцип» (в том числе) предполагает, что вселенная формируется именно такой, чтобы быть Домом, в котором мог бы родиться, жить и познавать человек. Но, в отличие от христианского, «антропный Дом» не наполнен любовью, справедливостью, милосердием и бесмертием, поэтому в нём холодно, темно и страшно. Мысль может «свернуть» бесконечность, но не может «свернуть» страх перед бесконечностью [12, с. 112].

Дом олицетворяет защищённость, предсказуемость, упорядоченность жизни человека. Разрушение Дома – следствие хаоса, обуславливающего новый хаос. Хаос нарастает в отношениях с природой, в межцивилизационных, межличностных отношениях. Импульсивное, сумбурное, непредсказуемое, не желающее (и не могущее) вписываться в правила и нормы – всё это больше характерно именно для Детского (точнее, подросткового: «бунт» против «отцовского» порядка, стремление, самоутверждаясь, репрезентировать себя через «великий отказ», состязание, доминирование). Эта тенденция проявляется и в нарастании хаоса *внутри* (доходящего до «театра абсурда» в сознании). Сознание современного человека не просто «клипово-мозаичное», оно – эклектичная сумма «пазлов» (как и сознание ребёнка), не складывающихся в единую (мировоззренческую) картину.

Неотрефлексированное, импульсивное, бессознательное («Оно») [16, с. 74] «выплёскивается» за границы рационального; безрассудность человека (в отношениях с природой и друг с другом) слишком уж очевидна. Бессознательное, действующее по принципу «хочу», «дай» (любимые глаголы ребёнка), выражает именно детское начало. Оно направлено на получение наслаждения

(«принцип удовольствия»), что соответствует гедонистической направленности современной культуры. Развёртывается тенденция к безоценочному (до/после/моральному) сознанию; а именно ребёнок и является тем «святым», который не различает добро и зло. Происходит «смазывание» гендерной идентичности, нарастание андрогенности (до/после гендерной идентичности), что присуще именно маленькому ребёнку. Развитие процесса глобализации выражает тенденцию движения к «новому синкретизму», в определённой степени возвращающемуся к синкретизму «детства человечества» (соотносящемуся со слитностью ребёнка с миром в начале онтогенеза).

У современного человека «существование впереди сущности» (Ж.-П. Сартр), то есть как у Ребёнка – *существование* (уже *есть*, а (оформленной) *сущности* (ещё) *нет*). Современный человек, как и Ребёнок, больше растворён в настоящем и самом ближайшем будущем. Настоящее для него самоценно; будущее и прошлое (особенно, далёкое) «тают в тумане». *Игра как онтическая характеристика Детского перестаёт быть только развлечением и обучением, превращаясь в сущностную характеристику человека вообще (шекспировское «жизнь – театр» звучит сейчас как нельзя более актуально).*

Критерий родительского – чувство соучастия, ответственности (вины) за себя, другого (не только ближнего, но и дальнего), за страну, природу, планету, вселенную. Максима этой ответственности выражена Ф. М. Достоевским («все виноваты во всём») и В. С. Высоцким («я всю скорбь скорблю мировую»). Дефицит сострадания-ответственности – один из главных симптомов «детской болезни» современного человека.

Нынешнее репрезентируемое состояние человека – «Взрослость» – идентифи-

цируется с интенцией властвовать над природными, божественными и человеческими законами. Человек предстал в своих глазах как всезнающий и всеповелевающий Господин, как Закон над Законом, как не только «царь природы», а Царь Всего... («Историю Всего» [13] может написать только постигший Всё).

Но границы человека не равны границам вселенной, а равны границам его желаний, переходящих частенько в капризы («мои капризы – моя вселенная»). Оценивая себя как Взрословечество, человечество является на самом деле *Детствовечеством*. Острейший разрыв между желаемым и действительным, между «казаться» и «быть»; вечной детскостью (своей сущностью) и иллюзией собственной сверхвзрослости (своим квазисуществованием) усиливается тем, что «исторический маятник» в настоящее время «замер» на Детскости. Вечная (сущностная) и конкретно-историческая Детскость человека контрарно противостоит репрезентируемому симулякру его сверхвзрослости (что и предстаёт кризисом идентификации).

Кризис идентификации выражается в самомнении, самопревознесении, гордыне (высокомерный взгляд на природу, историю, Бога, дальнего и ближнего), во взваливании на себя той ноши власти-свободы, которую человек нести не в состоянии. Апофеозом его явилось утверждение, что «Бог умер» (оборотной стороной чего было явное или скрытое занятие места Бога). «Сверхчеловек» Ф. Ницше (для которого «Бог умер») страдает «синдромом Взрослости», точнее, Сверхвзрослости (на уровне массовой культуры эту линию продолжает вереница суперменов). Если надо мной нет Взрослого-Родителя, то, значит, «всё дозволено» (Ф. М. Достоевский: «если Бога нет, значит всё дозволено»). А если «всё дозволено»,

то, значит, я сам – «бог» («король умер, да здравствует король»).

Так или иначе, кризис идентичности рефлексивируется, и предпринимаются попытки его разрешения. «Синдром Питера Пена» – это неадекватная идентификация себя с ребёнком, так как здесь происходит «впадение» взрослого (не старика) в детство, заключающееся в возвращении к инфантильности ребёнка, а не к его святости. Выражена тенденция и выстраивания адекватных сыновних отношений с «Матушкой Природой». «А природа, она всё куда терпит. Она молчком умирает, долголетно. И никакой человек не царь ей, природе-то. Не царь, вредно это – царем-то зваться. Сын он её, старший сыночек. Так разумным же будь, не вгоняй в гроб мамоньку» [6, с. 113] «Сквозной» для обозначения *пути* разрешения кризиса идентичности предстаёт широко вошедшая в мировую культуру тема «возвращения Блудного Сына» (нашедшая, например, выражение в одноимённой картине Рембрандта; фильме А. Тарковского «Солярис», созданному по роману С. Лема).

Адекватный итог этого пути (представленный возвращением к «началу») выражен

также в архетипическом, в образе Богородицы с младенцем. Многовековая сопричастность человека этому образу заключается и в том, что он идентифицирует себя с вечным Божественным Ребёнком в родных десницах вечной Божией Матери (архетип «Божественного ребёнка», по К. Юнгу, архетипичен для всего культурогенеза) [19, с. 211]. Образы Божественного Дитя и Божественной Матери соединяются в нераздельное самодостаточное целое («Мате-Сын»), в котором слиты метафизическое и физическое, настоящее и будущее, временное и вечное. В этих Божественных Лицах воплощён метафизический идеал выстраивания гармоничных Детско-Родительских отношений человека с миром.

В словах Христа – «Будьте как дети» [4, с. 213] – можно услышать призыв не просто «оправдать детство» [9, с. 23], а преодолеть отчуждённость своего («взрослого») существования от (вечно детской) сущности, что предвещает грядущий переход человечества от *псевдо-Взрословечества* (с апофеозом в рациоцентризме) – к *Детствовечеству* [8, с. 56], выстраивающему адекватные Детско-Родительские отношения с миром.

Примечания

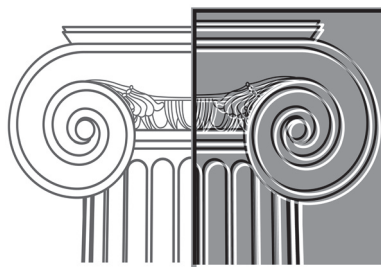
1. *Августин Блаженный*. Исповедь. Москва : Азбука, 2014. 411 с.
2. *Батищев Г. С.* Непреходящие ценности сокровенного детства // Введение в диалектику творчества. Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ, 1997. С. 38–44.
3. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Москва : Бомбора, 2013. 576 с.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Российское Библейское общество. Москва, 1994. 303 с.
5. *Бубер М.* Два образа веры. Москва : АСТ, 1999. 592 с.
6. *Васильев Б. Л.* Не стреляйте в белых лебедей. Москва : АСТ, 2017. 256 с.
7. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспарова. Второе, исправленное издание. Москва : Мысль, 1986. 571 с.
8. *Казаков Е. Ф.* Сердцеанин. Кемерово : Изд-во КемГУ, 2011. 303 с.
9. *Кислов А. Г.* Оправдание детства: от нравов к праву. Екатеринбург : Изд-во РГППУ, 2002.
10. *Нефёдова Л. К.* Онтологическая семантика образов детства : монография. Омск : Изд-во Омского государственного педагогического университета, 2005. 194 с.
11. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Москва : Азбука, 2012. 352 с.
12. *Паскаль Б.* Мысли ; Малые сочинения ; Письма / [пер. с фр., вступ. ст. и примеч. Ю. Гинзбург]. Москва : АСТ : Астрель, 2011. 530 с.

13. Тайсон Н. Д., Голдсмит Д. История всего. 14 миллиардов лет космической эволюции. Санкт-Петербург : Питер, 2017. 352 с.
14. Удалых Е. Ю. Образы детства в русской культуре и философии : автореф. дис. на соиск. учён. степ. кандидата философских наук : 09.00.11 / Удалых Евгения Юрьевна. Белгород, 2012. 23 с.
15. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Лебедев А. В. (сост.). Москва : Наука, 1989. 358 с.
16. Фрейд З. Я и Оно / перевод на русский язык А. М. Боковиков. Москва : АСТ, 2018. 160 с.
17. Фромм Э. Бегство от свободы / [пер. с англ. Г. Ф. Швейника]. Москва : АСТ, 2014. 284 с.
18. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267.
19. Юнг К. Божественный ребёнок. Москва : АСТ-ЛТД, 1997. 406 с.

References

1. Avgustin Blazhennyuy [St. Augustine] *Ispoved' [Confession]*. Moscow, "Azbooka" Publishing house, 2014. 411 p.
2. Batishchev G. S. *Neprekhodyashchie tsennosti sokrovennogo detstva [The enduring values of the secret childhood]. Vvedenie v dialektiku tvorchestva [Introduction to the dialectics of creativity]*. St. Petersburg, 1997. Pp. 38–44.
3. Bern E. [Berne Eric Lennard] *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry [Games that people play. People who play games]*. Moscow, Publishing house "Bombora", 2013. 576 p.
4. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta. [Bible. The Holy Scriptures of the old and New Testament]*. Moscow, 1994. 303 p.
5. Buber M. *Dva obraza very [Two ways of faith]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 1999. 592 p.
6. Vasilyev B. L. *Ne strelyayte v belyh lebedey [Don't shoot the white swans]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2017. 256 p.
7. Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filozofov [On the life, teachings and sayings of famous philosophers]*. 2nd edition. Moscow, Mysl Publishers, 1986. 571 p.
8. Kazakov E. F. *Serdceanin [The heartbeat]*. Kemerovo, Publishing house of the Kemerovo State University, 2011. 303 p.
9. Kislov A. G. *Opravdanie detstva: ot npravov k pravu [The excuse of childhood, from morals to law]*. Ekaterinburg, Publishing house of the Russian State Vocational Pedagogical University, 2002. 218 p.
10. Nefedova L. K. *Ontologicheskaya semantika obrazov detstva [Ontological semantics of childhood images]*. Omsk, Publishing house of the Omsk State Pedagogical University, 2005. 195 p.
11. Nitshe F. [Nietzsche Friedrich Wilhelm] *Tak govoril Zaratustra [Thus spoke Zarathustra]*. Moscow, «Azbooka» Publishing house, 2012. 352 p.
12. Paskal B. [Pascal Blaise] *Mysli; Malye sochineniya; Pis'ma [Thoughts; Small compositions; Letters]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2011. 240 p.
13. Tayson N. D., Goldsmit D. *Istoriya vsego. 14 milliardov let kosmicheskoy evolyutsii [The history of it all. 14 billion years of cosmic evolution]*. St. Petersburg, PITER Publishing House, 2017. 352 p.
14. Udalykh E. Yu. *Obrazy detstva v russkoj kul'ture i filosofii. Avtoreferat diss. cand. filol. nauk [Images of childhood in Russian culture and philosophy. Synopsis cand. filol. sci. diss.]*. Belgorod, 2012. 23 p.
15. Lebedev A. V., comp. *Fragmenty rannih grecheskih filozofov. Chast' 1. Ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki [Fragments of early Greek philosophers. Part 1. From the epic theocosmogony to the emergence of atomism]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1989. 358 p.
16. Freid Z. [Freud Sigmund] *Ya i Ono [Me and It]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2018. 160 p.
17. Fromm E. [Fromm Erich Seligmann] *Begstvo ot svobody [Escape from freedom]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2014. 284 p.
18. Eko U. [Eco Umberto] *Srednie veka uzhe nachalis' [The middle ages have already begun]. Inostrannaya literatura [Foreign literature]*. 1994, no. 4, pp. 258–267.
19. Yung K. [Jung Carl Gustav] *Bozhestvennyy rebenok [Divine child]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 1997. 406 p.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ И
СОВРЕМЕННОСТЬ

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В БЫЛИНОВЕДЕНИИ: ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОГО ЭПОСА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

УДК 82-131(091)

А. С. Миронов

Московский государственный институт культуры

В статье рассмотрена специфика исследований былин в первой половине XX века. Отмечено, что аксиологический анализ, предпринятый в первой четверти XX столетия представителями исторической школы (М. Г. Халанский, Н. П. Дашкевич, В. Ф. Миллер и другие), позволил выявить наложение разновременных и противоречащих ценностей, отразившихся в былинах. Эпическое сознание русских на момент фиксации былин в XIX веке отразило единую систему ценностей, изучение которой позволяет выделить самобытные ценностные концепты русского эпического сознания (богатырская сила как талант; сердечная любовь-жалость как условие получения этой самой силы; «коллективная» слава богатырского рода и другое). В 1917–1936 годы в эпосоведении насаждался марксистский социологический подход, требующий «отчётливой классовой характеристики» народной словесности, а поскольку большинство богатырей были выведены в образе представителей господствующих классов, был сделан вывод о том, что эпос транслирует антинародные ценности. Это ставило под сомнение актуальность для советской науки задачи изучения ценностного кода былин. С 1936 года после появления работ П. М. Керженцева о необходимости «преодоления фальсификации народного прошлого» формируется запрос на аксиологический анализ и легализацию былинных богатырей. Главной ценностью русского эпоса, которую подняли на щит советские былиноведы (и которая поныне определяет рецепцию эпических песен в российском обществе), стал даже не приоритет общественных интересов над личными, но – патриотизм, защита Родины. В этот период советские исследователи (В. Ф. Миллер, А. И. Некрасов, В. Н. Перетц, Ю. М. Соколов, А. П. Скафтымов и другие) проводили анализ былин, соответствующий партийной линии, ограничиваясь поверхностным перечислением «подлинно народных» идей и чаяний (социальный протест, бунт против святынь и бытовых правил, борьба с эксплуатацией, помощь обездоленным, гуманизм, правдолюбие, покорение сил природы, вера в собственные силы, лёгкий труд, богатая жизнь). Ценностный анализ русского эпоса также был проведен в 1920–1930-е годы зарубежными исследователями (А. Мазон, Р. Траутман, Г. Чедвик и Н. Чедвик и другими), которые стремились определить исходное значение эпоса для русской литературы. Автором сделан вывод о том, что в первой половине XX века ни в советской России, ни за её рубежами в трудах исследователей эпоса не был представлен развёрнутый и объективный аксиологический анализ былин.

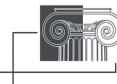
Ключевые слова: аксиология русской былины, былиноведение, русский эпос, былина, народность, В. Ф. Миллер, А. И. Некрасов, В. Н. Перетц, Ю. М. Соколов, А. П. Скафтымов.

МИРОНОВ АРСЕНИЙ СТАНИСЛАВОВИЧ – кандидат филологических наук, ректор Московского государственного института культуры

MIRONOV ARSENY STANISLAVOVICH – Ph.D. (Philology), the Acting Rector of the Moscow State Institute of Culture

e-mail: arsenymir@yandex.ru

© Миронов А. С., 2018

A. S. Mironov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki citi, Moscow region, Russian Federation

AXIOLOGICAL APPROACH IN EPIC STUDIES: VALUE ANALYSIS OF THE RUSSIAN EPIC IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

The article deals with the specifics of the epics study in the first half of the XX century. It is noted that the axiological analysis undertaken by the representatives of the historical school (M. G. Khalansky, N. P. Dashkevich, V. F. Miller, etc.) in the first quarter of the XX century allowed to find out the stratification of different-time and contradictory values reflected in the epics. The Russians epic consciousness at the time of fixing epics in the XIX century reflected a single system of values, the study of which allows us to identify the original Russian epic consciousness value concepts (heroic power as a talent; heart love is a pity as the conditions for obtaining this force; “collective” glory to the heroic kind, etc.). In 1917–1936 years Marxist sociological approach was forced upon in epic studies field demanding a “distinct class characteristics” of folk literature, and since most of the heroes are represented in the image of the ruling classes, it was concluded that the epic translates anti-national values. This questioned the relevance for Soviet science the problem value of the code of epics studying. Since 1936, after the appearance of works by P. M. Kerzhentsev on the need to “overcome the falsification of the people’s past” a request for axiological analysis and legalization of epic heroes was formed. The main value of the Russian epic, which was raised on the shield of the Soviet epics (and which still determines the reception of epic songs in Russian society), was not even the priority of public interests over personal, but – patriotism, protection of the Motherland. During this period, Soviet researchers (V. F. Miller, A. I. Nekrasov, V. N. Peretz, Yu. M. Sokolov, A. P. Skaftymov, etc.) carried out an analyses of epics, researches adhered to the corresponding party line, limited themselves by superficial listing of “truly national” ideas and aspirations (social protest, the revolt against shrines and household rules, fight against exploitation, assistance to the disadvantaged, humanism, love of truth, the conquest of the nature forces, faith in their own strength, easy work, rich life). The value analysis of the Russian epic was also carried out in the 1920s–1930s by foreign researchers (A. Mazon, R. Trautman, H. Chadwick and N. Chadwick, etc.), who sought to determine the original meaning of the epic for Russian literature. The author concludes that in the first half of the XX century neither in Soviet Russia nor in the works of epic researchers abroad, the developed and objective axiological epics analysis was presented.

Keywords: axiology of Russian epics, epic studies, Russian epic, epic, folk, V. F. Miller, A. I. Nekrasov, V. N. Peretz, Yu. M. Sokolov, A. P. Skaftymov.

Для цитирования: Миронов А. С. Аксиологический подход в былиноведении: ценностный анализ русского эпоса в первой половине XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 60–77.

Опыт аксиологического анализа, предпринятого С. П. Шевыревым (1844), С. Т. Аксаковым (1856), Л. Н. Майковым (1863), О. Ф. Миллером (1869) и подводившего к выводу о том, что эпическое сознание русских на момент фиксации былин в XIX веке могло сохранить единую систему ценностей, был недооценён российской наукой. В противоборстве мифологической и исторической школ оказались не востребованы и открытия самобытных ценностных концептов

русского эпического сознания: богатырской силы как таланта; сердечной любви-жалости как условия получения этой самой силы; «коллективной» славы богатырского рода как средства удержания насильников от вторжения в землю и другие [подробнее об этом см.: 12].

Значимость ценностного кода русского эпоса была скорее заметна русским педагогам, составителям школьных хрестоматий: Л. Поливанову, В. Стоюнину (который

считал первоочередной задачей раскрытие «нравственных идеалов, выработанных народом на протяжении веков» и «выраженных в монументальных былинных образах» [27, цит. по: 4]), А. В. Оксену и другим. В отличие от педагогов, эпосоведы, будучи увлечены отысканием в былинах реликтов древних мифологических смыслов и исторических воспоминаний народа, не ставили перед собой задачу выявления системы ценностей русского эпического сознания. Между тем на эту задачу прямо указывал поставленный А. Ф. Гильфердингом вопрос о природе и свойствах особого «коллективного чутья», знания «живых очертаний» характеров былинных героев, которое, по мнению исследователя, стало «общенародным достоянием» [16, с. 24–25] и позволяло всем без исключения сказителям выдерживать эти характеры, неизменный набор качеств и мотиваций героев.

М. Г. Халанский, Н. П. Дашкевич, В. Ф. Миллер, А. В. Марков, А. Д. Григорьев, М. Н. Сперанский и другие представители исторической школы, которая удерживала господствующее положение в российском былиноведении в течение первой четверти XX столетия, были убеждены в «слоистой» структуре эпоса, аккумулировавшего черты различных эпох. Это предполагало наложение разновременных и противоречащих ценностей, отразившихся в былинах. А следовательно, делало невозможным изучение «коллективного чутья» сказителей как целостного, непротиворечивого эпического знания, опирающегося на единую систему ценностей. Например, М. Н. Сперанский призывал изучать «миросозерцание носителей» эпоса лишь в аспекте его «изменения во времени» [18, с. XVIII] под влиянием исторических причин.

После Октябрьского переворота 1917 года в эпосоведении насаждался поначалу

(до 1936 года) марксистский социологический подход, требующий «отчётливой классовой характеристики» народной словесности [23, с. 5]. Ю. М. Соколов, в частности, поставил задачу более точной «классовой разработки» фольклора в рамках исторического метода [23, с. 11].

Учёные начали выявлять «классовую сущность» былины, которую Б. М. Соколов называл даже «царско-боярской»: например, оратай Микула Селянинович был записан в «кулаки-своеземцы» [22]. Подавляющее большинство богатырей были отнесены к представителям господствующих классов (Добрыня, Алёша, Садко, Дюк Степанович, Соловей Будимирович, Ставр Годинович, князь Роман, Константин Саулович, Глеб Володьевич), поэтому результатом бескомпромиссного марксистского взгляда стал вывод о том, что эпос транслирует антинародные ценности.

Настороженное отношение большевиков к богатырям было во многом задано господствовавшей в то время теорией аристократического происхождения эпоса, которую поддерживали видные представители дореволюционной исторической школы былиноведения (прежде всего, В. Ф. Миллер и его ученики). Например, автор «Курса русской литературы» В. Келтуяла, сторонник классового подхода к изучению фольклора, утверждал, что после татарщины «значительная часть народной массы усвоила обломки древнерусской аристократической культуры и созданного ею мировоззрения» [5, с. XI], в том числе былины и их ценности, сложившиеся «не в избах мужиков, а за княжеским пиршественным столом» [5, с. VII].

Такого же мнения придерживались крупнейшие искусствоведы: профессор А. И. Некрасов, например, полагал, что «в содержании народного искусства очень

многое ... явилось в виде усвоения художественной культуры других, высших классов общества» [14, с. 11]. Академик В. Н. Перетц считал народное устное творчество «всегда подражательным», утверждая в качестве закономерности «постепенное передвижение сюжетов и элементов творчества от более культурных к менее культурным слоям» [17, с. 144–145]. Знакомство с модной теорией «спущенных сверху ценностей» (*gesunkenes Kulturgut*) немецкого этнолога Ганса Наумана (1886–1951) укрепляло исследователей русского фольклора в убеждении о «господском» [15, с. 143] происхождения эпоса.

Эта теория ставила под сомнение актуальность для советской науки задачи изучения ценностного кода былин. Поэтому возможности аксиологического анализа не использовались учёными – вплоть до 1936 года, когда разразился скандал с оперой-фарсом А. Таирова «Богатыри» по сценарию Демьяна Бедного. Опера, в которой вечно пьяным, слабоумным богатырям князя Владимира противопоставлены грубые, но «добрые» разбойники «из народа», стала яркой иллюстрацией теории об аристократическом происхождении фольклора и – закономерным результатом «классовой чистки» эпоса исследователями. Однако в конце 1930-х годов большевистский режим уже был заинтересован в русском патриотизме, поэтому председатель Совнаркома В. М. Молотов демонстративно покинул зал Камерного театра после первого акта «Богатырей». Вскоре вышло постановление Политбюро ЦК ВКБ о запрете постановки Таирова как «огульно чернящей богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа».

Критический разбор «Богатырей», написанный лично председателем Комитета

по делам искусств П. Керженцевым и опубликованный в «Правде», стал своего рода программой ценностного анализа эпоса на несколько десятилетий вперёд. «Образы богатырей выявляют думы и чаяния народа, – писал Керженцев. – Они олицетворяют героическую борьбу народа против иноземных нашествий, народную удасть, смекалку, храбрость, хитрость, великодушие...» [6].

Власть обозначила заказ на легализацию былинных богатырей: учёным нужно было доказать их «народность» (так же, как доказывалась народность Пушкина-«декабриста», «гневно осуждавшего социальные порядки» [3, с. 161], Гоголя-«сатирика», бичевавшего крепостническое общество [26, с. 131], Достоевского-«обличителя» [см., например: 30, с. 7] и т.д.). Учёные восприняли логику, подсказанную резолюцией ЦК ВКБ: эпос «отразил в высокой художественной форме мечты и чаяния народных масс» [25, с. 292], и эти ценности нужно было срочно описать.

Ценности были заданы «сверху» прежде самого исследования: А. Луначарский ещё в 1919 году объявил Илью Муромца «революционером» [9]; теперь новая власть требовала от учёных показать былинных богатырей не только борцами за интересы крестьянства против феодалов, «бояр кособрюхих» и попов, но и – защитниками родной земли.

Отыскать указания на ценность социального и религиозного протеста удалось в былинах о новгородском буйне Василии Буслаеве. Как писал в своём учебнике Ю. М. Соколов, в образе Васьки отразилось сочувствие народа к «смелости и дерзости по отношению к тому, что освящено бытовой и религиозной традицией» [25, с. 285]. Трагический конец героя, исполненный поучительного смысла, учёный вынужден был оставить без комментариев.

Сложнее оказалось подтянуть до уровня марксистских ценностей Микулу Селяниновича с его огромным земельным наделом, дорогостоящей кобылкой, изукрашенной кленовой сошкой и проч. Однако на помощь пришла догадка об отразившихся в эпосе народных «чаяниях»: в образе Микулы Селяниновича проявилась не кулацкая психология, но «мечты» народа «об освоении человеческим трудом земли, о покорении сил природы, о лёгком и радостном труде» [25, с. 281].

Концепция народных «чаяний» помогла оправдать в глазах большевиков «богатого гостя» Садко и даже непревзойдённого богача былинного мира – Дюка Степановича. По мнению Ю. М. Соколова, в этих образах «выражалась общая мечта трудового народа о богатой и счастливой жизни» [25, с. 285]. Заметим, что былина уважает «добротность» быта и вообще любой вещи, в том числе дорогостоящей, однако добывание богатства не является распространённой мотивацией былинного богатыря. Илья отвергает вознаграждение черниговцев и посулы родственников Соловья; Добрыня не принимает «казну», предложенную побеждённой Змеёй. Более того, богатство и его атрибуты, как правило, являются для героя смертельно опасным искушением (Алёша едва не погибает, позарившись на тугариново «платье цветное»; на край гибели приводит Садко его план обогащения в споре с Новгородом).

В связи с этим становится понятно, почему советские исследователи не могли позволить себе глубокий ценностный анализ былин: он приводил их к выводам, не соответствующим партийной линии. Приходилось ограничиваться поверхностным перечислением «подлинно народных» идей и чаяний: социальный протест, бунт против святынь и бытовых правил, борьба с экс-

плуатацией, помощь обездоленным, гуманизм, правдолюбие, покорение сил природы, вера в собственные силы, лёгкий труд, богатая жизнь.

Проблема заключалась в том, что материал былин не предоставлял этому списку достаточных подтверждений. В песнях о Садко, Дунае, Потыке, Дюке, Ставре, Казарине, даже в большинстве былин об Илье, Добрыне и Алёше Поповиче нелегко найти проявления протеста против святынь, борьбы с эксплуатацией, покорения сил природы и т.д. Напротив, русский эпический герой готов отдать жизнь за православную веру, он служит князю Владимиру даже после многолетней опалы, он защищает от врагов князя и княгиню в Киеве, царя и царицу в Цареграде, он усмиряет разбойников и собирает дань с мужичков, молится Спасу, Богородице и Николе, наконец, самую силу свою он получает от ангелов Божиих.

Совесь учёного заставляла сосредоточиться лишь на нескольких ценностях, которые действительно можно выявить в эпическом сознании русских. Здесь пришлось опереться на опыт славянофилов С. П. Шевырева, Л. Н. Майкова, С. Т. Аксакова и О. Ф. Миллера. Так, советский эпосовед Ю. М. Соколов попытался возродить концепт духовной силы русского героя: Илья Муромец является выразителем «человеколюбия, не только физической, но и моральной силы народа» [25, с. 282]. Исследователь указывает на связь этой силы с состраданием, жалостью: Илья Муромец – «защитник сирот, вдов, бедных», «не хищник, жаждущий завоеваний и крови», но «лишён корысти, стремлений к личному обогащению, целиком посвящающий себя общественному благу» [25, с. 282].

Перед нами – почти дословная цитата из лекции профессора С. П. Шевырева 1844

года: герои русских народных преданий не есть «олицетворение одной дикой, грубой, вещественной силы», «над всеми личными чертами возвышается в них и господствует одна великая черта, принадлежащая тому народу, который они олицетворяют: самоотвержение» [32, с. 190]. В помещённом выше пассаже из учебника Ю. М. Соколова слышатся также отголоски диссертации Л. Н. Майкова (Илья «всегда подчиняет свою деятельность началу нравственному и религиозному», его подвиги – не средство достижения личной выгоды, но «защита слабых и угнетённых» [10, с. 124]). Другое наблюдение Майкова (о том, что ключевым качеством Ильи является умение «сдерживать гнев» [10, с. 119]), как представляется, помогло советскому эпосоведу осознать, что этот богатырь, в отличие от многих других эпических героев, «в состоянии побеждать свою личную обиду, возвышаясь над личными чувствами» [24].

И всё же главной ценностью русского эпоса, которую подняли на щит советские былиноведы (и которая поныне определяет рецепцию эпических песен в российском обществе), стал даже не приоритет общественных интересов над личными, но – патриотизм, защита Родины. Описание этого концепта находим у славянофила Ореста Миллера: «Илья Муромец ... ничего не ищет для себя самого», потому что богатырская сила «налагает *обязанность* на того, кто ею владеет, обязанность оборонять вдов и сирот и ту кормилицу их родную мать-землю» [11, с. 803]. И вот Ю. М. Соколов в 1937 году формулирует главную ценность русского эпоса: он «пронизан идеей защиты родины» [24].

Защита Родины была именно той идеей, в которой нуждались Советы в конце 1930-х годов; «легализация» богатырей в советском научном (а затем и властном) дис-

курсе состоялась. К сожалению, этот могучий концепт «подавил» интерес исследователей к прочим ценностям былины. Утверждение А. Астаховой о том, что советские исследователи в своих работах 1930–1950-х годов предприняли «освещение вопросов нравственного порядка: о человеческих взаимоотношениях, об истинном чувстве чести и долге; выражение народных идеалов, касающихся семьи и товарищества» [1, с. 107–108], к сожалению, не подтверждается реальными результатами исследований.

Освещение вопросов о «человеческих взаимоотношениях» не обязательно предполагает нравственный порядок осмысления этих вопросов; эпический концепт «чести-хвалы богатырской» советской наукой описан не был, будучи подменён европейским имперским (и советским) пониманием воинской чести. Понятие долга в былинах отсутствует вовсе, будучи подавлено базовым концептом русского эпоса – понятием любви-жалости, «обиды» разгорающегося «неутерпчивого» сердца. Серьёзных исследований 1930–1950-х годов, направленных на описание былинных «идеалов семьи и товарищества» – верности в браке, материнства, побратимства, «рода богатырского», нам не известно.

Добившись впечатляющих результатов в плане сбора, классификации и атрибуции материала, выявления региональных особенностей, жанрового своеобразия и поэтики былин, советское эпосоведение так и не приступило к аксиологическому исследованию предмета. Ценностный анализ, выявляющий уникальные концепты русского эпического сознания, был в советской науке заменён бездоказательным разговором о демократизме, гуманизме, патриотизме былин.

Примечательно, что в этот период отсутствие интереса к аксиологическому ана-

лизу проявляется также в работах серьёзных исследователей, в наименьшей степени подчинявших свой труд логике политической конъюнктуры.

Так, А. П. Скафтымов отрицал наличие в былине каких-либо постоянных «стержней» ценностного характера: «в былине всё течёт», непрерывно «меняется психология» [20, с. 36]. Исследователь был далёк от трактовки эпического знания сказителей, подмеченного А. Ф. Гильфердингом, как «коллективного чутья» традиционных ценностных кодов каждой былины. Он трактовал его как чутьё «художественное», желание сохранить «внутреннюю иерархию» элементов сюжета, обеспечивающих захватывающее действие, «усиление интереса» [20, с. 43].

Заметим, что желание «усилить интерес» мотивировало бы певцов импровизировать, подстраиваясь под интерес конкретной аудитории, постоянно изменять былину, в том числе в композиционном плане, чего в реальности не наблюдалось. Консерватизм русского эпоса можно было бы объяснить наличием «за» текстом былины не выпеваемого, но подразумеваемого всеми певцами эпического знания («духовного смысла», ценностного кода) – однако А. П. Скафтымов не связывал этот консерватизм с задачей трансляции ценностных данных. По его мнению, певцы не изменяют былину потому, что в былине скрываются «остатки старины», «священные для потомства именно своей фактической стороной, – её и старается сберечь сказитель» [20, с. 41].

«В центре творческого напряжения былины о богатырских подвигах находится герой-богатырь, а в нём – его ратная доблесть и сила», утверждает А. П. Скафтымов. Однако ни «ратной доблести», ни выдающейся физической силы нет ни у Алёши Поповича, ни у Василия Пьяницы, ни у Потыка, ни

у Потанюшки хроменького – а ведь все они герои былины о богатырских подвигах.

Описывая систему ценностей былины, А. П. Скафтымов утверждает, что её элементы («этические черты доброты, бескорыстия, непритязательности и всяческого благонаравия») свойственны лишь русским богатырям и заданы исключительно в примитивном формате противопоставления «при противоположных отрицательных качествах противника» [20, с. 93]. В ложности этого вывода несложно убедиться: такие черты, как трусость Ильи (в сюжете о жене Святогора), его гневливость и хвастливость (в былине о Сокольнике), блудливость и пьянство Потыка, чёрствость сердца Добрыни и нежелание исполнять богатырскую миссию (герой заключает мир со Змеей, забывая о томящихся в пещерах «поллонах российских»), хвастовство Сухмана, тщеславие Садко и его жажда богатства – оказываются вне поле зрения исследователя. Не вписываются в предлагаемую бинарную схему и положительные черты противников – сила и смелость старшей дочери Соловья, царственное благородство Калина и Вахромья, отказывающегося рубить голову спящему Потыку, наконец, «ратная доблесть» Сокольника, которую так ценит исследователь.

А. П. Скафтымов утверждает субъективный характер ценностей, выраженных в образах эпических героев: этим героям «придаются всегда те черты, которые, очевидно, дороги самому рассказчику». В этой логике, например, «вежество» Добрыни – не обязательный элемент образа, эту черту привносит «религиозный и серьёзный» певец, тогда как «ухарски беспечный и разгульный даёт черты вольной разухабистости» [20, с. 93].

Эта мысль, очевидно, противоречит наблюдению Гильфердинга о постоянстве

эпических характеров у всех без исключения певцов. Однако исследователю важно показать, что ценности («идеологический элемент») играют в былине меньшую роль, нежели композиционная составляющая, призванная вызвать интерес слушателей. Даже в тех былинах, где «явно выражена идеологическая тенденция», главным в композиционном плане остаётся «мотив богатства», потому что «оценочное отношение к герою направляется ... лишь к его подвигу» [20, с. 94–95], утверждает он.

По А. П. Скафтымову, «идеологический (этический, религиозный, классовый, национальный) элемент утилизируется былиной» в качестве «аксессуарного эмоционально-окрашивающего средства», либо «находится на положении особого оценочного повода, направленного опять к апофеозе богатырских успехов героя». Но здесь важно уточнить, что именно эпическое сознание считается «успехом» героя. Если принять результаты аксиологического анализа былин, предпринятого С. П. Шевыревым, Л. Н. Майковым, О. Ф. Миллером, то мы согласимся, что русская богатырская сила есть прежде всего сила духовная. Следовательно, можно предположить, что былины суть песни о борьбе не только физической, но и духовной (о борьбе героя с собственными грехами, слабостями, искушениями, страстными состояниями). В этом случае невозможно согласиться с безусловным приматом нарратива о богатырском подвиге с применением физической силы как наиболее «интересного» для аудитории: например, былина об Илье и Соловье-разбойнике есть в минимальной степени рассказ о схватке, но преимущественно – история духовной подготовки героя к победе.

А. П. Скафтымов вплотную подошёл к идее о том, что духовная борьба и духовная победа героя может вызывать не мень-

ший «интерес» у аудитории эпического певца, чем действие физической силы и победа военная. Исследователь называет «интерес» духовного порядка, возникающий от столкновения ценностно «заряженных» мотиваций, не духовной борьбой, а «психологической ситуацией». На первый план в любой былине, по мнению учёного, выдвигается событие, содержащее увлекающий аудиторию «элемент скорби, радости, смеха, гнева или восхищения на почве общеморальных или национальных или классовых оценок» [20, с. 101]. К сожалению, А. П. Скафтымов не предпринимает развёрнутого анализа «главных психологических ситуаций» конкретных былин – думается, такой анализ мог подвести к открытию конкретных ценностных концептов, лежащих в основе психологических конфликтов.

Неготовность советских эпосоведов присмотреться к системе ценностей былины представляется парадоксальной на фоне резкого возрастания научного интереса к аксиологии культуры. В начале XX столетия выходят в свет труды основателя баденского неокантианства В. Виндельбанда, который определяет философию как учение об универсальных и общезначимых ценностях. Ученик Виндельбанда Г. Риккерт в 1910-1920-х годах предлагает собственную систему философии как теории ценностей и приходит к выводу, что ценности являются критерием отбора и систематизации в культуре фактов человеческой истории. Философ предлагает аксиологическое определение культуры: она есть совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями и бережно хранимых только ради этих ценностей. Ценности занимали ключевое место в философских построениях М. Вебера, В. Дильтея, М. Шелера и других влиятельных мыслителей первой четверти XX века. Н. Бердяев («Смысл истории», 1923)

размышлял о «внутренней ценности» народных преданий, которые, по его мнению, транслируют от поколения к поколению скрытую «символику исторических судеб» народа, имеющую первостепенное значение для постижения глубинных смыслов истории. Он был убеждён, что «в символическом предании раскрывается внутренняя жизнь, глубина действительности», ценностно связанная с опытом внутреннего духовного самопознания человека [2, с. 33]. В 1930 году вышел в свет труд Н. А. Лосского «Ценность и Бытие», в котором философ предложил целостную аксиологическую картину мира, развёрнутую систему рангов ценностей [8, с. 15]. Г. П. Федотов в 1935 году утверждал, что «оправдание» любой нации может заключаться «только в осуществлённых ею в истории ценностях» [21, с. 433].

Возможно, влиянием философии ценностей на умы антропологов и фольклористов можно объяснить тот факт, что в трудах зарубежных исследователей былины аксиологический анализ начинает играть заметную роль. Впрочем, интерес к ценностям русского эпоса был изначально в большей мере характерен именно для иностранных учёных и переводчиков.

Ещё в 1819 году Карл фон Буссе в предисловии к переводному сборнику «Князь Владимир и его круглый стол» счёл нужным прокомментировать былины именно в ценностном аспекте: здесь «не найти нежного почитания прекрасной дамы, романтической любви», отсутствуют «нравы и искусство западного рыцарства», вместо них царствуют повадки варварские, герои заняты лишь тем, что «сражаются и обильно пируют» [33, с. XII–XIII].

Более адекватно воспринимал ценности русского эпоса чешский поэт, русофил Ладислав Челаковский; в его творчестве [35] удивительно верно отразился ряд аксиоло-

гических концептов былины [подробнее об этом см.: 13].

Интерес зарубежных исследователей к ценностям былин очевидно выше, чем на родине богатырей, и сотню лет спустя, в 1920–1930-х годах, – может быть, потому, что их изучение обещало антропологам ключи к разгадке «загадочной русской души». Другая причина такого интереса – «верное понимание исходного значения эпоса для русской литературы» [7, с. 100] и гипотеза о том, что в былинах может содержаться аксиологический код, воспринятый гениальными творцами русского реалистического романа XIX века. В 1920-х годах немецкий исследователь Р. Траутман заметил, что «великорусская героическая поэзия» «вводит нас вглубь самой сущности русской народности и русского искусства», в том числе проливает свет на причины «самой возможности такого замечательного проявления русского духа», как «феномен русской литературы XIX века» [31, с. 37]. Р. Траутман предпринимает попытку ценностного анализа эпоса и делает вывод о «нераздельном соединении беспредельной свободы и в то же время “безжалостной” необходимости в художественном мире былин» [31, с. 38]. Немецкий исследователь, в частности, выявляет ценность «отречения от вещей мира сего» [31, с. 39] и делает вывод о том, что русский дух постоянно вращается между полюсами полярных ценностей – «необходимости» (покорности, смирения) и свободы.

Ценностный анализ использует Андре Мазон в статье 1931 года для сближения былины о Вольге и Микуле с апокрифами «Как Христос плугом орал» и «Как Пров царь Христа братом звал» [37]. Сопоставляя былину с первым апокрифом, А. Мазон использует эпический концепт любви-жалости (Микула соглашается помочь Вольге со-

бирать дань, потому что хочет уберечь его от смертельной опасности) и сопоставляет его с любовью, которую проявляет апокрифический Исус к царевичу Прову. Миссия Прова по сбору дани тоже связана с риском для жизни: жители могут изгнать и даже убить царевича, если узнают, что его отец ослеп. Заметим, что ценностный «код» сюжетов не вполне совпадает: в апокрифе главным мотивом является любовь и послушание Прова отцу (поэтому Исус награждает Прова исцелением слепого отца), а в былине об отце Вольги осталось только память (имя), и мотивом является жалость Микулы к юному и потому «глупому» Вольге. Тем не менее близость эпического и апокрифического концептов в данном случае очевидна.

Во втором случае сопоставление былинного Микулы с апокрифическим Исусом довольно натянуто: А. Мазон вынужден отождествить Микулу Селяниновича со святым Николой (возможно, вслед за Л. Н. Толстым¹, опиравшимся не на былины, а на богатырскую сказку-побывальщину П. Леонтьева [19, с. 165–167]). И хотя такое отождествление не убедительно (в былинах Никола неизменно является седым старичком, но вовсе не в образе могучего ора-тая), однако в аксиологическом плане уникальная ценность коня и «кленовой сошки» эпического Микулы вполне сопоставима с сакральной ценностью в апокрифе плуга и «блаженных» волов, которыми руководил сам Спаситель мира: **«О блаженное древо, еже Господь прият в рӯце своен! о блаженное рало и блаженн остень! О блаженная волы, иже походниста преда Господем!»** [цит. по.: 37, р. 166]

Как можно видеть, в этом случае сближение сходных ценностных концептов яв-

ляется главным доказательством идеи исследователя.

Ещё более развёрнутый аксиологический анализ обнаруживаем в знаменитом труде Гектора и Норы Чедвиков [34] «Развитие литературы», где один из главных разделов посвящён русскому эпосу.

Чедвики, подобно упомянутому выше фон Буссе, начинают с того, что указывают на поразительное отсутствие в былинах ценностей, привычных исследователям западноевропейского эпоса. По их мнению, отсутствуют: «смелость, верность сюзерену, великодушная щедрость, на которые так часто намекает Тевтонская героическая поэзия» [34, р. 87]. По Чедвикам, вместо рыцарской отваги тевтонского образца в былинах встречаем, и то весьма редко, лишь «наивное безрассудство и пренебрежение здравыми советами».

В качестве доказательства Чедвики указывают на трусость участников княжеских пиров (когда «старший за младшего хоронится»), «трусость» плачущего в материнских объятиях Добрыни и растерянность Васьки Буслаева перед дракой с новгородцами. В данном случае аксиологический подход приводит к ложным выводам из-за слабого владения материалом: как известно, «хоронятся» друг за друга некие безымянные богатыри, но не главные герои былин, которые как раз проявляют смелость на фоне сборища трусов; Добрыня плачет не от страха, а от раскаяния в собственном хвостовстве, обернувшись многолетней разлукой с молодой женой и матерью; нерешительность Василия объясняется скорее муками совести, нежели трусостью, которая этому герою отнюдь не присуща.

В поиске доказательств Чедвики припоминают, что у Алёши «не достаёт смелости выйти на честный бой» против Тугарина [34, р. 98], однако «забывают» о честном

¹ Л. Н. Толстой смешивает Николу и Микулу Селяниновича в авторской былине «Святогор», написанной для «Азбуки» [см.: 29].

поединке Ильи с Сокольников или Добрыни со Змейей, о том, как отважно Илья бросается на великана Святогора и выезжает против «тёмной силушки», игнорирует дурное предзнаменование (падение коня) перед битвой с Сокольников, как тот же Илья без оружия отправляется в захваченный Идолищем город, проявляя именно то, что певцы называют «смелостью-ухваткой». Характерную черту Алёши (предпочтение хитрости честному поединку) британские исследователи принимают за общую черту русского богатырства и утверждают, что для былины не редки «бесстыдные случаи бесчестного поведения». К проявлениям «бесчестного поведения» Чедвики относят то, что Алёша Попович «проводит ночь перед боем в молитве», и таким бесстыдным способом лишает Тугарина преимущества – крылатого коня. В перечень былинных бесстыдств попадает также проникновение переодетого каликой (и безоружного!) Ильи во дворец, захваченный «силушкой» Идолища поганого [34, р. 98].

Далее Чедвики указывают на отсутствие в русском эпосе ценности «слова, данного женщине». К сожалению, доказательства тому исследователи не приводят. Более того, они не вспоминают о том, как Добрыня сдержал (несмотря на любовную магию Маринки Потравницы!) слово, данное своей обручнице Настасье Микуличне. Вне поля зрения Чедвиков остаётся и потрясающая, болезненная верность Потыка своей жене (при тройном предательстве с её стороны), равно как и нежелание Садко изменить законной жене с дочерью Морского царя.

По мнению авторов «Развития литературы», клятвы верности, данные побратимам, тоже невысоко ценятся в былинном мире. И вновь в качестве доказательства приводится сюжет, раскрывающий характер и духовные проблемы конкретного ге-

роя (коварный план Алёши Поповича «отбить» жену у побратима Добрыни). Чедвики указывают на конфликты между русскими богатырями – пусть нечастые, однако, по их мнению, вызванные «естественными» причинами: это – «как правило, богатство или “дань”, или женщины, или – реже – личное превозношение» [34, р. 35]. Исследование ценностей, определяющих мотивации богатырей, приводит британских учёных к неожиданным выводам: Алёша якобы движим желанием закрепиться в столице при князе и потому только убивает Тугарина («Апраксия оплакивает потерю любовника, но князь Владимир весьма радуется и принимает Алёшу к себе на службу» [34, р. 40]). Это позволяет Чедвикам заключить, что мировоззрение былинных героев – «индивидуалистическое и корыстное» [34, р. 99].

Мотивация Дюка Степановича, по Чедвикам, связана с ценностью богатства (они усматривают здесь простое любопытство Дюка, желание поглядеть, насколько богат киевский князь). Однако в былинах ясно поётся о причинах поездки Дюка в Киев: этот город «славен богатырями». Сильной стороной киевского двора является не богатство, но богатырство. Подменяя одну ценность другой и – как следствие – ложно истолковывая мотивацию Дюка, британские исследователи утверждают, что Дюк вступает в спор не лично с Чурилой, но со всем Киевом (и посрамляет не Чурилу, но князя Владимира). Чедвики представляют Чурилу верным «сенешалем» Владимира и представителем киевского двора в споре с Дюком, упуская тот факт, что в былине именно Чурила наносит Дюку личное оскорбление в храме и становится зачинщиком спора. Чедвикам кажется, что инициатором конфликта является Дюк, подвергающий насмешкам бедность киевского дво-

ра. Однако в этом случае невозможно объяснить, почему сторону Дюка принимает Илья Муромец, и авторы «Развития литературы» признаются в этом: «нелегко понять из этой истории в том виде, как она дошла до нас, почему достойный осуждения хвастун преуспел в том, чтобы настолько влюбиться в себя певцов, чьих героев он собственно и осмеивает» [34].

От Чедвиков ускользает смысл былины, потому что они не видят главной ценности, утверждению которой посвящена эта песня: ценности богатырства. Дюк хочет стать богатырем и заслуживает поддержку Ильи Муромца потому, что ведёт себя как богатырь в тот момент, когда застаёт «сторожей» русской земли – Илью и Добрыню – спящими в шатре. С риском для жизни он пробуждает их, проявляя инстинкт богатырского поведения («честь-хвала богатырская»), и тем самым спасает спящих от позора. С этого момента Илья покровительствует Дюку как прирождённому богатырю: Дюка поражает бедность Киева, но он готов променять сказочное богатство родной «Индеи» на полунищий, но славный богатырми Киев. Этот важный в аксиологическом плане мотив игнорируют Чедвики, объясняя прибытие Дюка в Киев «чистым любопытством» [34, pp. 40–41] (поэтому исследователи и вынуждены ухватиться за очевидно фальшивую историю про Шарка-великана для того, что она добавляет этому сюжету хоть какого-то «удовлетворительно-го смысла» в их глазах).

Едва ли не самый шокирующий вывод, который делают Чедвики на основании аксиологического анализа былин, это вывод о тождестве ценностей русских и «татарских» героев. В отношении былинных татар, пишут исследователи, «мы не слышим никаких национальных характеристик, будь то добродетели или грехи, приписываемые та-

тарам как таковым, ни какого-либо специального различия в одежде, в привычках, в образе жизни» [34]. Наблюдение, верное в отношении одежды (Алёша с удовольствием надевает снятое с Тугарина «платье цветное»), не вполне верно в отношении быта и образа жизни (русские разбивают «белоплотняные» шатры, а не «чернобархатные»; русские так не объедаются, как былинные «татары») и совершенно ложно в отношении «привычек», то есть нравов. Татарские герои похваляются до подвига; они нападают на спящих; они напоказ выказывают силу физическую; у них иные понятия о чести, ведь они не ценят то, что русские считают «честным» (честные церкви, честные вдовы, честные столы и т.д.). Позорить чужую жену при живом муже и его гостях – нормально для эпического «татарина» и не допустимо для русского героя. Отправляться под землю с мёртвым телом супруги – «поганая» заповедь, против которой восстают побратимы Потыка.

Различие в моделях поведения русских богатырей и «татар», «поганых» очевидно, и это вынуждает предположить некую «заданность» результатов аксиологического анализа, предпринятого Чедвиками. Возможно, они ориентировались, во-первых, на традиционное, со времён фон Буссе сложившееся восприятие героев русского эпоса как своего рода «антиподов» европейского рыцарства, не имеющих понятия о чести и доблести, вассальной верности, куртуазности («верности слову, данному женщине»). Во-вторых, британские исследователи, очевидно, находились под влиянием распространённого в мировой науке мнения о «порче» эпоса в период его живого бытования в крестьянской среде.

«Испорченный» крестьянами эпос, очевидно, должен был утратить изначально свойственные ему «благородные» ценно-

сти князей, дружины и придворных певцов. Будто пытаюсь подогнать результаты своего анализа под этот вывод, Чедвики указывают на непостоянство в стандартах поведения былинных героев: «в одних случаях герои совершают самые обиденные действия с тщательно продуманными и стереотипными церемониями, но в других случаях в предельно торжественные моменты, в августейших или священных зданиях, они же ведут себя как дурно воспитанные дети трактирных забияк» [34].

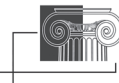
Примечательно, что авторы «Развития литературы» не приводят ни одного примера, подтверждающего это наблюдение. Однако спешат сделать вывод о том, что «церемонность» сохранилась в былинах от эпохи профессиональных придворных певцов, а грубость, особенно очевидная Чедвику в «новых», более поздних песнях, – от крестьян. Думается, иллюзия раздвоенности возникает от неглубокого проникновения исследователей в суть ценностных концептов русского эпического сознания. Например, кажущееся противоречие в поведении Ильи (сперва он берёт на себя «заповедь» не кровавить саблю в день Пасхи, а затем при первой встрече с врагом забывает об этой заповеди и бросается в бой) объясняется приоритетом ценности любви-жалости к страдающим людям над ценностью пусть душеспасительной, но «мёртвой» заповеди, преследующей цель личного самосовершенствования.

Чопорное ритуальное, «протокольное» поведение за столом или в «августейших и священных зданиях» не относится, очевидно, к высшему рангу ценностей русского эпического сознания; превыше этого – законы духовные, живые реакции «неутерпчивого» богатырского сердца. Алёша не выдерживает и бросает нож в Илью, потеснившего других богатырей; Илья гневает-

ся о том, что Идолище позорит чужую жену и, позабыв о вооружённой охране Идолища, обо всех церемониях царьградских палат, бросает в насильника первым, что подвернулось под руку, – пуховым колпаком. Перед нами не выходки «дурно воспитанных детей», но проявления духовных движений, которые в мире русского эпоса ценятся выше соблюдения социальных норм, запретов и ритуалов.

Эту непосредственность сердечного чувства Чедвики принимают за «наивность», «бесхитрость» и отмечают её, в частности, в поведении былинных женщин. Авторы «Развития литературы» в качестве примера «наивности» (если не сказать «неотёсанности») приводят то, как Забава сама себя сватает за полюбившегося Соловья, как княгиня Апраксия признаётся, что порезалась, заглядевшись «на красоту чурилину». Эту «простоту» Чедвики объясняют, опять-таки, порчей былин в силу «смирненного общественного положения эпических певцов» [34, р. 91] в эпоху бытования эпоса в крестьянской среде.

По той же причине в былинах отсутствуют, по мнению Чедвиков, «политические идеи» и элементарные представления о тактике военных действий: «Снова и снова мы должны напомнить себе о том, что былины переданы нам людьми ... чьи политические идеи могут быть по необходимости только самыми элементарными, и эти люди не знали ничего, или почти ничего, о военных действиях» [34, р. 98]. Нет нужды пытаться развеять иллюзии Чедвиков ссылаясь на существенное количество ветеранов весьма частых в русской истории военных и партизанских действий в казачьей, монашеской, да и крестьянской среде; нужно согласиться и с тем, что русский крестьянин, как правило, добровольно избегал разного рода «политических идей» и их носителей. Одна-

ко необходимо признать, что отсутствие европейской образованности отнюдь не означает нравственной ущербности, равно как отсутствие нравов западного рыцарства не означает безнравственности вообще. Находясь в плену европейского мифа о тотальной безграмотности русских крестьян, об их нравственной нищете, Чедвики, как нам представляется, ограничили рамки аксиологического анализа былин европейскими ценностными концептами – и лишились возможности открыть для себя мир самобытных концептов русского эпического сознания.

Опыт применения аксиологического анализа находим также в статье Р. Якобсона и М. Шефтеля «Эпос о Волхе» (1949). Авторы утверждают ценность для русского эпического сознания «щедрого отношения суверена к его окружению, которому он предоставляет богатую и разнообразную провизию» [36, р. 35]. Формулируя этот концепт, связывающий образ Волха с архетипом культурного героя древнейших эпосов, исследователи, к сожалению, не уточнили, могла ли позитивная ценность «кормления дружины» быть частью ценностного центра эпического сказителя и его аудитории в середине XIX века (на момент записи большинства вариантов былины о Волхе).

Трактовка Волха как культурного героя требовала выявить в былине связанный с этим образом набор позитивных ценностей – не свойственных восприятию героя аутентичной аудиторией XIX века. Во-первых, герой-змиевич хотя и требует

с младенчества палицу и доспехи, но ими не пользуется – и как богатырь не реализуется, то есть как бы обманывает ожидания слушателей. Во-вторых, вместо богатырского служения Волх добивается достижения корыстных целей при помощи «многой мудрости» – оборотничества, порчи вражеского оружия («не честь-хвала богатырская»). В-третьих, крестьянская аудитория в России XVIII–XIX веков не могла симпатизировать герою, отдавшему приказ вырезать целый город, включая стариков и детей (за исключением душечек красных девушек); даже если допустить, что этот смысл унаследован с дохристианских времён, отношение к такому «наследству» не могло быть позитивным у певцов-христиан. Наконец, в-четвёртых, чрезвычайно важен финал былины: герой перестаёт быть русским, превращаясь в царя чужой земли. Очевидное несовпадение ценностных центров – с одной стороны, героя, а с другой – сказителя и его аудитории не принимается во внимание авторами статьи; возможно глубокий ценностный анализ былины не был предпринят в силу «заданности» авторской идеи: заметим, что соблазн сблизить Волха с архетипом культурного героя не утратил своей силы до нашего времени [см., например: 28].

Как можно видеть, в первой половине XX века в трудах исследователей эпоса по разным причинам не предпринимался развёрнутый и объективный аксиологический анализ былин – ни в советской России, ни за её рубежами.

Примечания

1. Астахова А. М. Былины : Итоги и проблемы изучения / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Москва ; Ленинград : Наука [Ленинградское отделение], 1966. 292 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории : Опыт философии человеческой судьбы. 2-е издание. Paris : YMCA-press, 1969. 270 с.

3. Гиппиус В. В., Мейлах Б. С., Орлов А. С., Слонимский А. Л., Якубович Д. П. Пушкин // История русской литературы : в 10 томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) ; гл. ред.: М. П. Алексеев, Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.), А. М. Еголин, Н. К. Пиксанов, А. А. Сурков. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941–1956. Том VI. Литература 1820–1830-х годов / редкол. тома: Д. Д. Благой, Б. П. Городецкий, Б. С. Мейлах (отв. ред.). 1953. 612 с.
4. Кайев А. А. Фольклор в системе педагогических и методических взглядов В. Я. Стоюнина // Ученые записки / Министерство просвещения РСФСР, Орехово-Зуевский педагогический институт. 1964. Т. XXI. (Кафедра русской и зарубежной литературы. Вып. 4).
5. Келтуяла В. А. Курс истории русской литературы : Пособие для самообразования. Часть 1-. Санкт-Петербург : тип. Попечительства Человеколюб. о-ва, 1906 1911. Часть 1, книга 2: История древней русской литературы. Книга 2. [От половины XIII века до конца XVII века]. 1911. XXII, 938 с.
6. Керженцев П. М. Фальсификация народного прошлого. О «Богатырях» Демьяна Бедного // Против фальсификации народного прошлого : [постановление Всесоюзного комитета по делам искусств, статья и доклад П. М. Керженцева о «Богатырях» Д. Бедного] / Всесоюзный комитет по делам искусств. Москва ; Ленинград : Искусство, 1937. С. 5–16.
7. Кожин В. В. История Руси и русского слова : Конец IX – начало XVI века : Опыт беспристрастного исследования. 2-е издание, испр. и доп. Москва : Алгоритм, 1999. 476 с.
8. Лосский Н. О. Ценность и Бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей. Москва, 2000.
9. Луначарский А. Илья Муромец – революционер // Пламя. 1919. № 44.
10. Майков Л. Н. О былинах Владимирова цикла : Исследование Л. Майкова на степень магистра русской словесности. Санкт-Петербург : тип. Департамента внешней торговли, 1863. [4], 142 с.
11. Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское : Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Санкт-Петербург : тип. Н.Н. Михайлова, 1869. 895 с.
12. Миронов А. С. Аксиологический подход в былиноведении: ценностный анализ русского эпоса в XIX веке // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 4 (84). С. 47–59.
13. Миронов А. С. Эпос русских: интерпретация : культурфилософский анализ рецепции былин с конца XVIII столетия до 1917 года. Москва : URSS : ЛЕНАНД, 2018. 527 с. : ил.
14. Некрасов А. И. Русское народное искусство. Москва : Государственное изд-во, 1924. 164 с. : ил.
15. Овсянко-Куликовский Д. Н. Собрание сочинений : Тома 1–9. Санкт-Петербург : Общественная польза : Прометей, 1909–1911. Том 8.
16. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. 2-е издание. Том 1–3. Санкт-Петербург : тип. Академии наук, 1894–1900. Том 1.
17. Перетц В. Н. Заметки к тексту «Слова о полку Игореве» // Sertum bibliologicum [Сертум библиоликум] в честь президента Русского библиологического общества профессора А. И. Малеина / предисл. ред.: А. С. Поляков, секретарь Русского библиографического общества. Петербург : Государственное изд-во, 1922. С. 144–145.
18. Русская устная словесность / под ред., с введ. ст. и примеч. М. Сперанского. Москва : Издание М. и С. Сабашниковых, 1916–1919. Том 2 : Былины ; Исторические песни. 1919. XLVI, 585 с. : ил.
19. Святогор и Илья Муромец : [Былина] № 7 // Былины. Свод русского фольклора : в 25 томах / [Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом)] ; [редкол. Свода русского фольклора А. А. Горелов (гл. ред.) и др.] ; [редкол. сер. «Былины» Б. Н. Путилов (гл. ред.) и др.]. Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Классика, 2001-. Том 1 : Север Европейской России. Былины Печоры / [подгот.: В. И. Еремина и др.]. 2001. 771, [1] с., [14] л. цв. ил., портр., факс. : ил., нот.
20. Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин : Очерки. Москва ; Саратов : В. З. Яксанов, 1924. IV, 226 с.

21. Современные записки. № LVIII, 1935. Париж. 493 с.
22. Соколов Б. М. Былины // Литературная энциклопедия : в 11 томах. [Москва], 1929–1939. Том 2. [Москва] : Изд-во Ком. Акад., 1929. Стб. 1–38.
23. Соколов Ю. М. Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. 1926. № 1.
24. Соколов Ю. М. Русский былинный эпос. (Проблема социального генезиса) // Литературный критик. 1937. № 9.
25. Соколов Ю. М. Русский фольклор : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 031000 и специальности 031001 – «Филология» / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 3-е издание. Москва : Изд-во Московского ун-та, 2007. 540 с.
26. Степанов Н. Л. Гоголь // История русской литературы : в 10 томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) ; гл. ред.: М. П. Алексеев, Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.), А. М. Еголин, Н. К. Пиксанов, А. А. Сурков. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941–1956. Том VII. Литература 1840-х годов / отв. ред. Б. П. Городецкий. 1955. 784 с.
27. Стоюнин В. Я. О преподавании русской литературы // Соч. Владимира Стоюнина. Санкт-Петербург : тип. и лит. Паульсона и К°, 1864. VIII, 392 с.
28. Сухарев А. Н. Зачем Волх в Индию ходил? Или следы древнейших сказаний о Волхе в былине «Волх Всеславьевич» // Вестник славянских культур. 2018. Том 48. С. 179–199.
29. Толстой Л. Н. Былины / перизд. ; предисл. В. П. Аникина ; рис. Н. М. Кочергин. Москва : Детская литература, 1983. (Книга за книгой).
30. Фридлендер Г. М. Достоевский // История русской литературы : в 10 томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) ; гл. ред.: М. П. Алексеев, Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.), А. М. Еголин, Н. К. Пиксанов, А. А. Сурков. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941–1956. Том IX. Литература 70–80-х годов. Часть 2 / редкол.: Б. И. Бурсов (отв. ред.), Б. С. Мейлах, М. Б. Храпченко. 1956. 628 с.
31. Художественный фольклор. II–V / Орган Фольклорной подсекции Литературной секции ГАХН ; под ред. Юрия Соколова ; Государственная академия художественных наук. Москва : [б. и.], 1927–1929. Вып. II–III. Москва, 1927.
32. Шевырев С. П. История русской словесности, преимущественно древней. Том 1, часть 1 : XXXIII публичные лекции Степана Шевырева, о. профессора Московского университета [в 4 частях]. Москва : Издание В. М. Лаврова и В. А. Федотова, 1846. Лекция IV.
33. Busse K. H. von. *Furst Wladimir und dessen Tafelrunde. Alt-russische Heldenlieder*. Stuttgart, 1819. S. XII–XIII.
34. Chadwick H. Munro, Chadwick N. Kershaw *The Growth of literature*. Cambridge University Press, 1936. Vol. II.
35. František Ladislav Čelakovský. *Ohlas písni ruských (1829)*. Praha: SNKLHU, 1959. 69 s.
36. Jacobson Roman, Szeftel Marc *The Vseslav Epos. Russian Epic Studies. American Folklore Society*. Philadelphia, 1949.
37. Mazon Andre Mikula, le prodigieux laboureur. *Revue des Etudes Slaves*. 1931, tome XI, pp. 149–170.

References

1. Astakhova A. M. *Byliny: Itogi i problemy izucheniya [Russian epics: Results and problems of study]*. Moscow, Leningrad, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1966. 292 p.
2. Berdyaev N. A. *Smysl istorii: Opyt filosofii chelovecheskoy sud’by [The meaning of history: The experience of the philosophy of human destiny]*. Paris, YMCA-press, 1969. 270 p.
3. Gippius V. V., Meylakh B. S., Orlov A. S., Slonimsky A. K., Yakubovich D. P. Pushkin. In: Belchikov N. F., chief editor *Istoriya russkoy literatury, v 10 tomakh. Tom VI. Literatura 1820–1830 godov. Otvetstvenny redactor: B. S. Meylakh [History of Russian literature, in 10 volumes. Volume VI. Literature 1820-1830-ies. Ed. by B. S. Meylakh (executive editor)]*. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Soviet Academy of Sciences, 1953. 612 p.

4. Kayev A. A. Fol'klor v sisteme pedagogicheskikh i metodicheskikh vzglyadov V. Ya. Stoyunina [Folklore in the system of V. Ya. Stoyunin's pedagogical and methodical views]. *Uchenye zapiski Orekhovo-Zuyevskego pedagogicheskogo instituta*. 1964, tom XXI. (Kafedra russkoy i zarubezhnoy literatury. Vyp. 4). [Scientific notes of the Orekhovo-Zuyevo Pedagogical Institute. 1964, vol. XXI. (Department of Russian and foreign literature. Issue 4).
5. Keltuyala V. A. *Kurs istorii russkoy literatury: Posobiye dlya samoobrazovaniya. Chast' 1, kniga 2: Istoriya drevney russkoy literatury* [The course of the history of Russian literature: A manual for self-education. Part 1, Book 2: The History of Ancient Russian Literature]. St. Petersburg, 1911. XXII, 938 p.
6. Kerzhentsev P. M. Fal'sifikatsiya narodnogo proshlogo. O «Bogatyryakh» Dem'yana Bednogo [Falsification of the national past. About the "Heroes" of the Demyan Bedny]. *Protiv fal'sifikatsii narodnogo proshlogo* [Against the falsification of the national past]. Moscow, Leningrad, Art Publishing House, 1937. Pp. 5–16.
7. Kozhinov V. V. *Istoriya Rusi i russkogo slova: Konets IX – nachalo XVI veka: Opyt bespristrastnogo issledovaniya* [History of Russia and the Russian word: The end of the 9th – the beginning of the 16th century: An experience of impartial research]. 2nd edition. Moscow, v, 1999. 476 p.
8. Lossky N. O. *Tsennost' i Bytie: Bog i Tsarstvo Bozhie kak osnova tsennostey* [Value and Being: God and the Kingdom of God as the basis of values]. Moscow, 2000.
9. Lunacharsky A. Il'ya Muromets – revolyutsioner [Ilya Muromets – revolutionary]. *Plamya* [Flame]. 1919, no. 44.
10. Maykov L. N. *O bylinakh Vladimirova tsikla: Issledovaniye L. Maikova na stepen' magistra russkoy slovesnosti* [About the Russian epics of the Vladimir cycle: L. Maikov's research for the master's degree in Russian literature]. St. Petersburg, 1863. 142 p.
11. Miller O. F. *Il'ya Muromets i bogatyrstvo kiyevskoe: Sravnitel'no-kriticheskie nablyudeniya nad sloevym sostavom narodnogo russkogo eposa* [Ilya Muromets and the Kiev Bogatyrdom: Comparative Critical Observations on the Layered Composition of the Popular Russian Epos]. St. Petersburg, 1869. 895 p.
12. Mironov A. S. Axiological approach in Bylina Studies: value analysis of Russian epic in the nineteenth century. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2018, no. 4 (84), pp. 47–59. (In Russian)
13. Mironov A. S. *Epos russkikh: interpretatsiya. Kul'turfilosofskiy analiz retseptsii bylin s kontsa XVIII stoletiya do 1917 goda* [Epos of Russians: interpretation. Cultural and philosophical analysis of the reception of epics from the end of the 18th century to 1917]. Moscow, Editorial URSS, 2018. 527 p.
14. Nekrasov A. I. *Russkoe narodnoe iskusstvo* [Russian folk art]. Moscow, 1924. 164 p.
15. Ovsyaniko-Kulikovskiy D. N. *Sobranie sochineney. Toma 1–9, tom 8* [Collected Works. Volumes 1–9, vol. 8]. St. Petersburg, 1910–1911.
16. *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda. Tom 1–3, tom 1* [Onega Russian epics, recorded by Alexander Fedorovich Hilferding in the summer of 1871, Volumes 1–3, vol. 1]. 2nd edition. St. Petersburg, 1894–1900.
17. Peretts V. N. Zametki k tekstu "Slova o polku Igoreve" [Notes to the text of "The Lay of Igor's Campaign"]. In: *Sertum bibliologicum v chest' prezidenta Russkogo bibliologicheskogo obshchestva professora A. I. Maleina* [Sertum bibliologicum in honor of the President of the Russian Bibliological Society of Professor A. I. Malein]. Petersburg, 1922. Pp. 144–145.
18. Speransky M., ed. *Russkaya ustnaya slovesnost'. Tom 2. Byliny; Istoricheskie pesni* [Russian oral literature, Vol. 1. Epics; Historical songs]. Moscow, Publishing House of the M. and S. Sabashnikovs, 1919. 585 p.
19. Svyatogor i Il'ya Muromets: Bylina № 7 [Svyatogor and Ilya Muromets: Bylina No. 7]. In: Gorelov A. A., chief editor *Byliny. Svod russkogo fol'klora. V 25 tomakh. Tom 1: Sever Evropeyskoy Rossii. Byliny Pechory. Podgotovlen V. I. Ereminoy i drugimi* [Russian epic. Code of Russian folklore. In 25 volumes. Vol. 1. North European Russia. Russian epic of the Pechora. Ed. by V. I. Eremina, etc.]. St. Petersburg, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, Moscow, Publishing House "Classica 21", 2001. 771 p.
20. Skaftymov A. P. *Poetika i genezis bylin: Ocherki* [Poetics and the genesis of Russian epics: Essays]. Moscow, Saratov, 1924. 226 p.

21. *Annales contemporaines*. No. LVIII, 1935. Paris. 493 p.
22. Sokolov B. M. Byliny [Russian epics]. In: *Literaturnaya entsiklopediya. V 11 tomakh, tom 2 [Literary Encyclopedia. In 11 volumes, vol. 2]*. Moscow, 1929.
23. Sokolov Yu. M. Ocherednye zadachi izucheniya russkogo fol'klora [The next tasks of studying Russian folklore]. *Khudozhestvennyy fol'klor [Art folklore]*. 1926, no. 1.
24. Sokolov Yu. M. Russkiy bylinnyy epos. (Problema sotsial'nogo genezisa) [Russian epic. (The problem of social genesis)]. *Literaturnyy kritik [Literary Critic]*. 1937, no. 9.
25. Sokolov Yu. M. *Russky fol'klor [Russian folklore]*. 3rd edition. Moscow, Publishing house of Lomonosov Moscow State University, 2007. 540 p.
26. Stepanov N. L. Gogol. In: Belchikov N. F., chief editor *Istoriya russkoy literatury, v 10 tomakh. Tom VII. Literatura 1840 godov. Otvetstvennyy redactor: B. P. Gorodetsky [History of Russian literature, in 10 volumes. Volume VII. Literature 1840-ies. Ed. by B. P. Gorodetsky (executive editor)]*. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Soviet Academy of Sciences, 1955. 784 p.
27. Stoyunin V. Ya. O prepodavanii russkoy literatury [About teaching Russian literature]. *Sochineniya Vladimira Stoyunina [Vladimir Stoyunin's works]*. St. Petersburg, 1864. 392 p.
28. Sukharev A. N. Why Volkh invaded the Indian land? Or the trails of the ancient heroic and mythical tales in the Russian epic tale "Volkh Vseslavievich". *Vestnik slavianskikh kul'tur*. 2018, vol 48, pp. 179–199. (In Russian)
29. Tolstoy L. N. *Byliny [Russian tales]*. Moscow, Publishing house "Detskaya literature", 1983.
30. Fridlender G. M. Dostoevsky. In: Belchikov N. F., chief editor *Istoriya russkoy literatury, v 10 tomakh. Tom IX. Literatura 70–80 godov. Chast'2. Otvetstvennyy redactor: B. I. Bursov [History of Russian literature, in 10 volumes. Volume IX. Literature 70–80-ies. Part 2. Ed. by B. I. Bursov (executive editor)]*. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Soviet Academy of Sciences, 1956. 628 p.
31. Sokolov Yu., ed. *Khudozhestvennyy fol'klor. V II–V vyp., vyp. II–III [Art Folklore. In II–V issues, issues II–III]*. Moscow, 1927.
32. Shevyrev S. P. *Istoriya russkoy slovesnosti, preimushchestvenno drevney. Tom 1, chast' 1 : XXXIII publichnye lektsii Stepana Shevyreva, o. professora Moskovskogo universiteta. Lektsiya IV [The history of Russian literature, mostly ancient. Volume 1, Part 1: XXXIII public lectures of Stepan Shevyrev, Professor of Moscow University. Lecture IV]*. Moscow, 1846.
33. Busse K. H. von. *Furst Wladimir und dessen Tafelrunde. Alt-russische Heldenlieder*. Stuttgart, 1819. S. XII–XIII.
34. Chadwick H. Munro, Chadwick N. Kershaw *The Growth of literature*. Cambridge University Press, 1936. Vol. II.
35. František Ladislav Čelakovský. *Ohlas písni ruských (1829)*. Praha: SNKLHU, 1959. 69 s.
36. Jacobson Roman, Szeftel Marc *The Vseslav Epos. Russian Epic Studies. American Folklore Society*. Philadelphia, 1949.
37. Mazon Andre Mikula, le prodigieux laboureur. *Revue des Etudes Slaves*. 1931, tome XI, pp. 149–170.

*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДВОРЦОВО-ПАРКОВОГО АНСАМБЛЯ ЦАРСКОГО СЕЛА)

Статья первая

УДК 930.85:069.8

А. В. Бондарев^{1 3}, И. В. Леонов^{2 3}

¹Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

²Санкт-Петербургский государственный институт культуры

³Государственный литературно-мемориальный музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме

Статья посвящена анализу комплекса теоретико-методологических подходов к изучению памятников культурного наследия, в частности памятников со сложной структурой. Особый акцент статьи делается на использовании в отношении изучения сложных и динамично развивающихся культурных комплексов концепта гештальта, в его интерпретации И.-В. Гёте и О. Шпенглером. На основании данного концепта осуществляется обзор основных этапов развития Царскосельского дворцово-паркового ансамбля, выступающего в качестве яркого примера анализируемых памятников. Выявляется изначальный «первообраз» Царскосельского ансамбля, раскрывается процесс взаимопроникновения различных «напластований», составляющих его морфогенез, анализируется вопрос фиксации «эталонного слоя» дворцово-паркового ансамбля Царского Села и некоторые другие аспекты.

Ключевые слова: культурное наследие, гештальт, архитектоника, генезис, культурный организм, историко-культурный процесс, дворцово-парковый ансамбль, Царское Село.

---

¹БОНДАРЕВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена; старший методист Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме

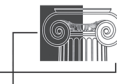
BONDAREV ALEXEY VLADIMIROVICH – Ph.D. (Cultural Studies), Associate Professor of the Department of Theory and History of Culture, the Herzen State Pedagogical University; senior methodologist, the State Literary and Memorial Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House

²ЛЕОНОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры; старший методист Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме

LEONOV IVAN VLADIMIROVICH – Full Doctor of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Theory and History of Culture, the St. Petersburg State Institute of Culture; senior methodologist, the State Literary and Memorial Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House

e-mail: aleksej-bondarev@yandex.ru¹, ivaleon@mail.ru²

© Бондарев А. В., Леонов И. В., 2018

A. V. Bondarev^{1 3}, I. V. Leonov^{2 3}

¹Herzen State Pedagogical University, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moika Embankment, 48, 191186, St. Petersburg, Russian Federation

²St. Petersburg State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny), Dvortsovaya naberezhnaya, 2, 91186, St. Petersburg, Russian Federation

³State Literary and Memorial Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House, Liteiny prospect, 53, 191014, St. Petersburg, Russian Federation

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES
TO THE STUDY OF MONUMENTS OF CULTURAL HERITAGE
(ON THE EXAMPLE OF THE PALACE AND PARK
ENSEMBLE OF TSARSKOE SELO). PART ONE**

The article is devoted to the analysis of the complex of theoretical and methodological approaches to the study of monuments of cultural heritage, in particular, monuments with complex structure. Particular emphasis is placed on the use, in relation to the study of compound and dynamically developing cultural complexes, of the concept of “Gestalt”, in its interpretation by Goethe and Spengler. On the basis of this concept the review of the main stages of development of the Tsarskoye Selo Palace and Park ensemble acting as a vivid example of the analyzed monuments is carried out. The initial “prototype” of the Tsarskoye Selo ensemble is revealed, the process of interpenetration of various “layers” that make up its morphogenesis is revealed, the question of fixing the “reference layer” of the Tsarskoye Selo ensemble and some other aspects are analyzed.

Keywords: cultural heritage, gestalt, architectonics, genesis, cultural organism, historical-cultural process, palace and park ensemble, Tsarskoye Selo.

Для цитирования: Бондарев А. В., Леонов И. В. Теоретико-методологические подходы к изучению памятников культурного наследия (на примере дворцово-паркового ансамбля Царского Села). Статья первая // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 78–87.

Дворцово-парковые ансамбли – неотъемлемая составная часть историко-культурного наследия, представляющего собой многообразное и сложноорганизованное явление. Для глубокого и содержательного изучения как самого феномена культурного наследия, так и отдельных его составляющих памятников на сегодняшний день необходимы релевантные теоретико-методологические стратегии. Их востребованность обусловлена тем, что в отношении понимания культурного наследия и методологии его изучения существуют во многом противоположные точки зрения.

Так, в самом широком смысле под наследием можно понимать всю совокупность памятников той или иной культу-

ры. Такой подход, по сути, «растворяет» наследие в культуре как таковой и не позволяет выявить его и локализовать границы этого феномена. В свою очередь, в узком смысле наследие культуры воспринимается как особая сфера духовного опыта и уникальных артефактов, которая имеет явный аксиологический окрас и тесно связана с искусством, а также научно-техническими достижениями. Данный подход, будучи наиболее распространённым, также во многом ограничен, поскольку наследственный материал культуры не сводим только к идеалам, ценностям, шедеврам искусства и отдельным изобретениям, порой не имеющим широкого распространения в культуре.

Возможность для решения поставленной задачи даёт культурология как наука, обладающая особой исследовательской оптикой познания культуры в её системной сопряжённости и целостности. Реализация этой исследовательской оптики требует значительной междисциплинарной кооперации и интеграции. В культурологическом арсенале существует целый ряд подходов, опираясь на которые можно комплексно исследовать такой сложный и многослойный феномен, как культурное наследие. В предлагаемой статье мы охарактеризуем лишь несколько таких подходов, а на примере анализа развития дворцово-паркового ансамбля Царского Села покажем некоторые эвристические возможности их комплексного применения в изучении памятников культурного наследия.

Опираясь на *архитектонический подход*, разработанный И. В. Кондаковым [5, с. 533–544; 6, с. 88–110], культурное наследие можно рассматривать как сложноорганизованную и динамичную целостность, генезис которой составляет процесс напластования его различных состояний. Наследие в таком видении предстаёт как нарастающая «лестница смыслов» или «ступенчатая пирамида» культурных значений. Благодаря этому подходу раскрывается многослойная архитектура культурного наследия, включающая снятую, актуальную и потенциальную составляющие, в изменении содержания и пропорций которых происходят его метаморфозы. В этом контексте наиболее интересную и самостоятельную группу памятников, в которых проявляются сложные архитектурные процессы преобразования культурного наследия, представляют дворцово-парковые ансамбли. Причём речь идёт не обо всех ансамблях, а лишь о некоторых из них – о тех, которые, сохранив изначальный «перво-

образ» («первофеномен»), претерпели ряд сложных историко-культурных метаморфоз, «впитав» в себя воздействие многих периодов истории, различных процессов и событий. Такие памятники являют собой многослойные и запутанные «тексты», прочтение которых не может быть сведено к поиску одной интерпретации.

В изучении культурного наследия значительный эвристический потенциал таит в себе применение методологии *целостного, или организмического, подхода*, предложенного и разработанного И. В. Гёте и И. Г. Гердером, а в дальнейшем продолженного О. Шпенглером. Согласно этому подходу, *организм – это особый тип системной организации, образующий целостность*¹. Поэтому *организм* не сводим к механической сумме органов, а *целое* – к простому сложению своих составных частей. На этой основе Гёте была разработана концепция морфогенеза живых форм, или «организмов». Такой подход позволил Гёте увидеть в развитии организмов динамику органических метаморфоз от некоего «первофеномена» (букв. “Urphänomen”). В своих натурфилософских и естественно-научных трудах Гёте убедительно продемонстрировал универсальность организмического подхода в изучении природы. Плодотворность этого же подхода на обширном историко-культурном материале показал Гердер, учитель, друг и единомышленник Гёте. Разработанный ими метод позволяет исследовать генезис целостных образований различной природы (биологической или социокультурной), которые рассматриваются как

¹ Следует особо подчеркнуть, что организмический подход не имеет никакого отношения к «биологизаторству»: под «организмом» подразумевается именно целостный тип системной организации, а не просто «биологические организмы», к чему позднее свелось употребление этого понятия.

организованные единства, транслирующие в своём развитии основы собственной внутренней организации и вместе с тем преобразующие её в зависимости от условий своего существования. И какими бы ни были состояния организмов на тот или иной момент «напластований» их жизненной эволюции, их генетическая связь с прошлыми формами сохраняется.

Именно к организмической парадигме восходят современные *культурогенетические исследования*, в свете которых культурное наследие понимается как область «наследственного материала» культуры, необходимого для её полноценного сохранения, трансляции и обновления. В соответствии с этим подходом культурное наследие рассматривается как суммарный итог культурогенеза в фиксированный момент времени, а пласты культурного наследия – как своего рода отложения макроритмов культурогенетических процессов (В. М. Массон, А. В. Бондарев) [7].

Для обозначения представления о целостности Гёте обратился к слову “Gestalt”. В немецком языке оно означало тогда некий образ, прочное и законченное установление частей в составе целого. Гёте импонировала идея целостности, выражаемая этим словом, однако его решительно не устраивала статичность, которую многие его современники придавали этому понятию. В своих трудах по морфологии живых форм Гёте обосновал несостоятельность такого статичного понимания гештальта, отмечая, что во всех формах, особенно органических, «нет ничего устойчивого, ничего покоящегося, законченного» [4, с. 12]. Чтобы преодолеть смысловую ограниченность этого понятия, Гёте соотнёс его со словом “Bildung” [13, s. IX] (букв. «образование», «формирование»), применяемым как в отношении к чему-либо возникшему, так и к

возникающему. Соединив представления о целостности с динамичной составляющей, присущей слову «образование», Гёте придал процессуальное понимание термину “Gestalt”. Устойчивое в неустойчивом, неизменное в изменчивом, постоянное в подвижном, инвариантное в вариативном – вот что пытался выразить Гёте в понятии гештальта.

Спустя почти столетие идеи Гёте и Гердера получили продолжение в основном труде О. Шпенглера «Закат Европы», представившего различные культуры как *самостоятельные организмы*, формирующиеся в уникальных условиях. Помимо неповторимых внешних условий, согласно Шпенглеру, в возникновении и развитии каждого организма культуры проявляются особые внутренние качества, которые вместе со средовым фактором формируют целостность его бытия, к обозначению которой немецкий мыслитель применяет термин “Gestalt”. Поскольку организм, пребывая в своём гештальте, живёт во времени, соответственно и гештальт, согласно логике Шпенглера, имеет исторически-протяжённый и изменяющийся характер. В свою очередь, подобно изменяющимся живым организмам, морфогенетическая целостность которых остаётся связанной с прошлыми формами, преобразования культурных целостностей, какими бы они ни были, всегда содержат отпечатки своих изначальных форм («первообраз»). Причём Шпенглер использует понятие «гештальт» в двух значениях: 1) гештальт как целостность бытия изменяющегося «культурного организма»; 2) гештальт как особый образ мировосприятия, присущий той или иной самобытной культуре.

Целостный подход вполне применим не только к изучению культуры как организмической целостности, но и культурного на-

следия, в котором аккумулируется живая пульсация культурогенетических процессов. Так, если представить *дворцово-парковый ансамбль как лишённый статичности гештальт, который всегда актуален и представляет собой исторически изменяющуюся целостность*, перспективность данного подхода к его анализу становится вполне очевидной. В данном ракурсе дворцово-парковый ансамбль может быть представлен как организм, имеющий особую внутреннюю морфологию и тесную связь с природой породившей его культуры, с характерным для неё взглядом на мир, когнитивными практиками, ценностями, деятельностными основаниями и паттернами поведения. Более того, такой организм обнаруживает свою связь с основными периодами истории, которые, переплетаясь в его пространстве, образуют причудливый синтез «отпечатков времени». Причём все отмеченные аспекты могут быть восприняты одновременно, в едином «оркестре» дворцово-паркового гештальта, а могут быть «увеличены» и рассмотрены отдельно, слой за слоем.

Показательно, что О. Шпенглер, изучая природу европейской культуры, фиксировал симптомы её прасимвола в садово-парковом искусстве. Так, рассуждая о перспективной и бесконечной устремлённости европейского взгляда на мир, Шпенглер писал: «Наиболее значительным элементом в картине западного сада оказывается, таким образом, *point de vue*¹ большого парка рококо, куда выходят аллеи и дорожки между подстриженными газонами и откуда взор теряется в широких замирающих далях ... Только *point de vue* даёт ключ к пониманию этого причудливо-человеческого способа подчинять природу символическому языку

¹ *Point de vue* – точка обзора, пункт наблюдения (фр.).

форм искусства» [12, с. 414]. Рассуждая о европейском прасимволе, предвещающем самого себя во многих результатах деятельности представителей данного культурного организма, учёный отмечал, что в его «бесконечности покоится точка, где сходятся перспективные линии». И данную перспективность можно обнаружить, например, в историческом сознании европейцев, поскольку «даль – это вместе с тем и историческое ощущение. В дали пространство становится временем», а горизонт означает будущее [12, с. 415]. В характеристике различных стадий жизненного цикла культуры Европы Шпенглер также прибегал к их анализу через садово-парковое искусство, отмечая, что «Парк барокко – это парк поздней осени, близкого конца, опадающих листьев. Парк Ренессанса рассчитан на лето и полдень. Он вневременен. Ничто в его языке форм не напоминает о бренности. Только перспектива вызывает в памяти предчувствие чего-то преходящего, мимолётного, последнего» [12, с. 415]. В этом проявляется «фаустовская тоска. Хочется быть наедине с бесконечным пространством» [12, с. 414], – заключает Шпенглер.

Ярким примером именно такого «фаустовского» представления о культуросообразной организации пространства, привитого русской культуре в ходе европеизации, выступает дворцово-парковый комплекс Царского Села, в «гравитационное поле» которого оказались включены три больших парка (Екатерининский, Александровский и Баболовский).

В современной культурологии накоплен ценный опыт по изучению культурной истории дворцов. Особого внимания в данном случае заслуживают труды Л. В. Никифоровой, посвящённые изучению дворцов в пространстве культуры с акцентом на их принадлежность к сфере политической

власти, репрезентируемой в художественной форме [8; 9; 10]. Говоря о комплексе зарубежных исследований данной проблематики, следует упомянуть таких учёных, как П. Берк, Д. Ховарт, Т. Блэнинг, Т. Гольдштейн, работающих в рамках концепции репрезентации; Р. Бергер, М. Мартин, реализующих иконографический анализ; Р. Урман, Г. Неджипоглу, представляющих концепцию сценариев власти [9]. Тем не менее приходится констатировать, что на данный момент тенденция, выраженная в стереотипной интерпретации истории многих сложных артефактов сквозь простые линейные хроноструктуры с привязкой исключительно к династическим, либо к биографическим, либо к искусствоведческим и иным аспектам, всё же преобладает.

Изучение дворцово-паркового ансамбля Царского Села в свете представленных выше теоретико-методологических подходов ставит перед исследователем целый ряд вопросов. Что представляет собой историко-культурный гештальт рассматриваемого дворцово-паркового комплекса? Каков его изначальный «первообраз»? Какие основные напластования составляют его морфогенез? Какие следы и противоречия истории «впитал» он в своё пространство? И какое состояние можно считать наиболее важным и показательным в истории этого ансамбля, то есть его абсолютным выражением или эталоном? Чтобы разобраться в этих вопросах, необходимо рассмотреть последовательность некоторых этапов истории Царскосельского ансамбля, во многом сопряжённых с «большой» историей отечественной культуры XVIII–XXI веков, и в контексте данного экскурса обозначить царскосельский «первообраз», «слоевую сопряжённость» историко-культурных состояний, проблему «эталонного слоя» и т.д.

Начало истории Царскосельского ансамбля связано с именем Екатерины I, получившей в подарок от Петра I Сарскую мызу (Саари Мойс), где взамен первично построенных (а возможно, восстановленных и расширенных со времён «шведского мызника» [1, с. [22] 2–6]) деревянных хором планировалось возведение палат с регулярным садом.

Так, были выстроены двухэтажные каменные палаты с сопутствующими сооружениями, заложенными И. Ф. Браунштейном в 1717 году и оконченными в 1723 году. Именно они стали своеобразным первообразом, не сохранившимся в чистом виде до наших дней, но ставшим основой для будущих перестроек и расширений Большого дворца, угадываемой во всех его преобразованиях.

В это же время был разбит регулярный сад с террасами, включая цветники, созданы крытые аллеи и питаемые родниковой водой Зеркальные пруды, возведён Зверинец. Не остался без внимания и Большой пруд, на острове которого был построен отдельный увеселительный павильон, а также другие водоёмы и гидротехнические сооружения. Кроме того, был построен ряд архитектурных сооружений, которые в дальнейшем перестраивались, но не утрачивали своего предназначения. Так сформировался *целостный первообраз Царскосельского комплекса* (с постройками, гидротехническими сооружениями, парками и слободой дворцовых служителей), уходящий своими корнями ещё дальше – в Сарскую мызу, планировку которой он частично повторял. О первой владелице сегодня нам говорит название парка и многократно перестроенного Большого Екатерининского дворца, украшенного её вензелем, прочно вошедшим в геральдику всего Царскосельского комплекса.

Второй существенный историко-культурный слой рассматриваемого памятника связан с именем Елизаветы Петровны, более всех своих резиденций любившей Царское Село [2, с. 20], обладавшей исключительным вкусом и окружившей себя плеядой выдающихся архитекторов и художников¹. Усилиями именитых зодчих (М. Земцова, А. В. Квасова, Дж. Трезини, С. И. Чевакинского, Ф. Б. Растрелли) ансамбль приобрёл совершенную форму своего выражения, которую уместно обозначить как его эталонное состояние, развившееся из палат Екатерины I и продолжившее «мутировать» в дальнейшем. В данный период времени происходит

¹ Может возникнуть логичный вопрос, касающийся выбранной авторами периодизации развития царскосельского гештальта, в частности, почему периоды правления Петра II и Анны Иоанновны остались не выделенными в самостоятельные слои. Мы исходим из того, что историко-культурное развитие (в том числе памятников культурного наследия) не должно сводиться к простой привязке их генезиса к пульсациям одного из элементов социокультурного контекста, в частности, к периодам правления императоров. Данный способ изучения памятников, будучи притягательным и лёгким для восприятия, всё же не соответствует самой природе культурного наследия, взаимосвязанного со всеми элементами социокультурной реальности и «реагирующего» на сложные процессы её изменений. Соответственно, факторы, влияющие на генезис таких гештальтов, могут обретать различную комбинаторику, зависящую от системных трансформаций культуры. Так, на определённых этапах истории сложных артефактов ведущую роль в их качественных преобразованиях может играть политический, династический, религиозный и идеологический факторы, также особую роль в этом процессе играют экономические и другие обстоятельства, включая их сочетания. Поэтому в данном случае следующим этапом генезиса комплекса является период, когда с 1727 года по духовному завещанию Екатерины I его хозяйкой стала Елизавета Петровна. Так, ещё до восшествия Елизаветы на престол было начато строительство каменной Знаменской церкви, построены флигеля недалеко от палат со служебными постройками и т.д.

оформление выдержанного в едином стиле барочного ансамбля рассматриваемого дворцово-паркового комплекса. Дворец был дополнен: двумя павильонами, циркумференциями и бастионами с артиллерией, а также окруженными рвами – Эрмитажем и Монбизу, которые симметрично организовывали пространство сада и Зверинца относительно дворца, став точками равновесия и пересечения основных аллей и дорожек. В это время также был создан целый ряд известных сооружений, перечисление которых вполне логично оставить за рамками формата настоящей статьи. Сформировавшийся комплекс, со всеми аллеями, растениями, газонами, сооружениями и скульптурой, как и сам дворец, по праву можно считать эталонным слоем в развитии Царскосельского ансамбля [11, с. 13].

Необходимо сказать, что богатство и великолепие данного ансамбля, созданные во время правления Елизаветы, в силу различных обстоятельств с течением времени на уровне массового сознания стали ассоциироваться с личностью Екатерины II. Причём эта трансформация происходила не без участия самой Екатерины, которая последовательно и целенаправленно воздействовала множество приёмов конструирования собственного «имиджа» «просвещённой императрицы», искореняя из памяти достижения своей предшественницы. И что характерно, данные стереотипы, связанные якобы с «золотым веком Екатерины II», действуют и по сей день. Показательно, что даже вензель на гербе Царского Села и ограде Большого Дворца, принадлежащий Екатерине I, неискушённый посетитель, как правило, ассоциирует с Екатериной II, реже с Елизаветой и ещё реже с Екатериной I. Так заглавные буквы имени, присутствующие в вензелях Екатерины I (в чистом виде), Елизаветы Пе-

тровны и Екатерины II (в сочетании с отчеством или статусом), причудливо сплелись на уровне обывательского восприятия в один обобщённый вензель «Е», а по сути, «бренд», ассоциированный с одной из трёх императриц. Данная игра символов породила массу смысловых «складок» воображения и ассоциаций с парадной историей России XVIII века, распутать и упорядочить которые, воздав должное каждой хозяйке Царского Села, достаточно трудно. Тем не менее в сфере артефактов, имеющих сложную структуру, данная ситуация не является аномальной. Она лишь подтверждает, что с подобного рода памятниками происходят постоянные преобразования и стихийные смысловые «мутации», рождающие предрассудки, мифы и т.п. В таких условиях публике остаётся довольствоваться либо дайджестами и поверхностными «блиц-экскурсиями» по наиболее брендовым местам сложных комплексов, либо погружаться в обширные и серьёзные историко-культурные обзоры таких ансамблей, изобилующие именами, датами, фактами, усвоить, запомнить и воспроизвести которые достаточно трудно. Как следствие, «многослойные» артефакты остаются либо познанными сквозь призму упрощённых трактовок и искажений массовой культуры, либо «схваченными» фрагментарно, либо, что не является преобладающей тенденци-

ей, всё же воспринимаются во всей своей сложности и историогенезе.

Обозначенная проблема высвечивает один из аспектов представленной статьи, выраженный в поиске особых подходов к изучению и освещению морфогенеза памятников со сложной структурой. В данном случае, с учётом представленных выше стратегий, в рассмотрении истории многослойных артефактов, включая практики их экспонирования и экскурсионной деятельности, представляется уместным выявление системообразующего первообраза, «пронзающего» всю историю памятника со сложной структурой, в контексте смены его состояний. Далее необходим анализ основных этапов генезиса артефакта, причём выявление морфогенетических сдвигов и словесных образований должно осуществляться с учётом природы самого памятника и степени его качественных трансформаций, с опорой на комплексный анализ и различные уровни влияния политического, социального, экономического и других контекстуальных факторов, включая сферу искусства. Результатом такого подхода должен стать целостный, структурированный и динамически представленный гештальт памятника, ёмкий, с одной стороны, а с другой стороны, максимально исчерпывающий для его восприятия.

Продолжение следует...

Примечания

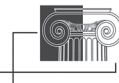
1. *Бенуа А.* Царское Село в царствование императрицы Елисаветы Петровны. Материалы для истории искусства в России в XVIII веке по главнейшим архитектурным памятникам. Санкт-Петербург : Издание товарищества Р. Голике и А. Вильборг, 1910. [22], 262, [4], XLVI, 59 с., с илл.
2. *Вильчковский С. Н.* Царское Село. Санкт-Петербург : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 278 с.
3. *Гердер И.-Г.* Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А. В. Михайлова ; отв. ред. А. В. Гулыга. Москва : Наука, 1977. 703 с.
4. *Гёте И.-В.* Избранные сочинения по естествознанию / пер. и коммент. И. И. Канаева ; ред. акад. Е. Н. Павловского. Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1957. 556 с.

5. Кондаков И. В. Архитектоника культурного наследия // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред. и сост. А. В. Бондарев. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 533–544.
6. Кондаков И. В. Культурное наследие в России: конструирование памяти // Мир культуры и культурология. Альманах НОКО. Вып. III / гл. ред. Д. К. Бурлака, зам. пред. ред. совета Л. М. Мосолова. Санкт-Петербург : РХГА, 2013. С. 88–110.
7. Культурогенез и культурное наследие / науч. ред. и сост. А. В. Бондарев. Москва ; Санкт-Петербург : Центр Гуманитарных Инициатив, 2014. 640 с.
8. Никифорова Л. В. Дворец в истории русской культуры: Опыт типологии. Санкт-Петербург : Астерион, 2006. 346 с.
9. Никифорова Л. В. Современные подходы к исследованию дворцов как памятников истории и культуры // Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург – Царское Село – Петергоф, 7–9 октября 2013 года. Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2015. С. 13–21.
10. Никифорова Л. В. Чертоги власти: Дворец в пространстве культуры. Санкт-Петербург : Искусство–СПБ, 2011. 703 с.
11. Петров А. Н. Пушкин. Дворцы и парки. Ленинград ; Москва : Искусство, 1964. 232 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Москва : Эксмо, 2006. 800 с.
13. Goethe J.-W. *Zur Morphologie. Erster Band.* Stuttgart; Tübingen: in der J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1817. XXXII, 549 s.

References

1. Benua A. *Tsarskoe Selo v tsarstvovanie imperatrity Elisavety Petrovny. Materialy dlya istorii iskusstva v Rossii v XVIII veke po glavneyshim arkhitekturnym pamyatnikam [Tsarskoe Selo in the reign of Empress Elizabeth Petrovna. Materials for the history of art in Russia in the XVIII century on the main architectural monuments]*. St. Petersburg, Published by Partnership R. Golike and A. Vilborg6 1910. [22], 262, [4], XLVI, 59 p.
2. Vilchkovsky S. N. *Tsarskoe Selo.* St. Petersburg, Published by Partnership R. Golike and A. Vilborg6 1911. 278 p.
3. Gerder I.-G. [Herder Johann Gottfried] *Idei k filosofii istorii chelovechestva [Ideas to the philosophy of human history]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1977. 703 p.
4. Gete I.-V. [Goethe Johann Wolfgang von] *Izbrannye sochineniya po estestvoznaniyu [Selected Works on Natural History]*. Leningrad, Publishing house of the USSR’ Academy of Sciences, 1957. 556 p.
5. Kondakov I. V. *Arkhitektonika kul’turnogo naslediya [Architectonics of Cultural Heritage]*. In: Bondarev A. V., ed. *Kul’turogenез i kul’turnoe nasledie [Cultural genesis and cultural heritage]*. St. Petersburg, Publishing House “Center for Humanitarian Initiatives”, 2014. Pp. 533–544.
6. Kondakov I. V. *Kul’turnoe nasledie v Rossii: konstruirovaniye pamyati [Cultural Heritage in Russia: Memory Design]*. In: Burlaka L. K., ed. *Mir kul’tury i kul’turologiya. Al’manakh NOKO. Vyp. III [World culture and cultural studies. Almanac of the Scientific and Educational Cultural Society. Issue III]*. St. Petersburg, Publishing House “Center for Humanitarian Initiatives”, 2019. Pp. 88–110.
7. Bondarev A. V., ed. *Kul’turogenез i kul’turnoe nasledie [Cultural genesis and cultural heritage]*. St. Petersburg, Publishing House “Center for Humanitarian Initiatives”, 2014. 640 p.
8. Nikiforova L. V. *Dvoret v istorii russkoy kul’tury: Opyt tipologii [Palace in the history of Russian culture: typology experience]*. St. Petersburg, Publishing House “Asterion”, 2006. 346 p.
9. Nikiforova L. V. *Sovremennye podkhody k issledovaniyu dvortsov kak pamyatnikov istorii i kul’tury [Modern approaches to the study of palaces as historical and cultural monuments]. Dvortsy Romanovyykh kak pamyatniki istorii i kul’tury. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii. Sankt-Peterburg – Tsarskoe Selo – Petergof, 7–9 oktyabrya 2013 goda [Palaces of the Romanovs as historical and cultural monuments.*

Proceedings of the International Conference. St. Petersburg – Tsarskoe Selo – Peterhof, October 7–9, 2013. St. Petersburg, Publishing House “European House”, 2015. Pp. 13–21.

10. Nikiforova L. V. *Chertogi vlasti: Dvorets v prostranstve kul'tury [The Halls of Power: The Palace in the Space of Culture]*. St. Petersburg, Art Publishing House, 2011. 703 p.

11. Petrov A. N. *Pushkin. Dvortsy i parki [Pushkin. Palaces and Parks]*. Leningrad, Moscow, Art Publishing House, 1964. 232 p.

12. Shpengler O. [Spengler Oswald Arnold Gottfried] *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii: Geshtal't i deystvitel'nost' [The decline of Europe. Essays on the morphology of world history: Gestalt and reality]*. Moscow, Publishing House “Eksmo”, 2006. 800 p.

13. Goethe J.-W. *Zur Morphologie. Erster Band*. Stuttgart; Tübingen: in der J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1817. XXXII, 549 s.

*

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н. К. МЕТНЕРА В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

УДК 78.072

Л. С. Зорилова

Российская академия музыки имени Гнесиных

Статья посвящена изучению творческого наследия выдающегося русского композитора, пианиста и педагога Н. К. Метнера, чья творческая деятельность развивалась в период конца XIX – первой половины XX века. Начиная композитор свой творческий путь в России в эпоху Серебряного века, который был ознаменован творческими поисками выдающихся представителей интеллигенции в различных сферах науки, культуры, искусства. Отмечается, что даже в эмиграции Н. К. Метнер оставался истинным патриотом, называя себя русским композитором, не утратил заветы того великого времени, в котором он сформировался как личность. Все эти настроения, переживания нашли отражение в его творчестве, в котором он свято хранил всё то, что было заложено в него в молодости. Глубоко осмысливая свои творения, он стремился и находил красоту и совершенство в мелодии, гармонии, всех средствах музыкальной выразительности. Он строго охранял истинную Музу от Моды, которая поверхностна, постоянно меняется, изменяя самой себе.

Ключевые слова: духовная культура, музыкальное искусство, Серебряный век, творчество, поиск, стиль, произведение, эмиграция.

L. S. Zorilova

Gnessin Russian Academy of Music, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Povarskaya, str., 30/36, 121069, Moscow, Russian Federation

THE CREATIVE LEGACY OF N. K. MEDTNER IN THE CONTEXT OF THE SPIRITUAL CULTURE OF THE SILVER AGE

The article is devoted to the study of the creative heritage of the famous Russian composer, pianist and teacher N. K. Medtner, whose creative activity developed during the late nineteenth – first half of the twentieth century. The composer began his creative work in Russia in the era of the Silver Age, which

---

ЗОРИЛОВА ЛАРИСА СЕРГЕЕВНА – доктор культурологии, профессор кафедры эстрадно-джазового пения Российской академии музыки имени Гнесиных, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, член Союза писателей России, Почётный работник высшей школы

ZORILOVA LARISA SERGEEVNA – Full Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Jazz and Pop Singing, the Gnesins Russian Academy of Music, member-corr. of the International Academy of Science of Pedagogical Education, member of Union of Writers of Russia, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation

e-mail: zorilova@mail.ru
© Зорилова Л. С., 2018

was marked by a creative search for prominent representatives of the intelligentsia in various fields of science, culture and art. It is noted that even in emigration N. K. Medtner remained a true patriot of his homeland, calling himself a Russian composer, did not lose the precepts of that great time in which he was formed as a person. All these moods, experiences are reflected in his work, in which he sacredly kept all that was laid in him in his youth. Deeply comprehending his creations, he strove and found beauty and perfection in melody, harmony, all means of musical expressiveness. He strictly guarded the true Muse from the Fashion, which is superficial, constantly changing, changing itself.

Keywords: spiritual culture, musical art, Silver Age, creativity, search, style, work, emigration.

Для цитирования: Зорилова Л. С. Творческое наследие Н. К. Метнера в контексте духовной культуры Серебряного века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 88–95.

Одним из самых загадочных, интереснейших и, несмотря на это, недостаточно изученных периодов в русской истории является Серебряный век. Это небольшой по времени период, всего лишь конец XIX – начало XX века. Но результатом его стало рождение огромного количества выдающихся имён в науке, культуре, искусстве. Созданные творения данного периода, его достижения получили всемирную известность, доказывая, что Россия – Великая держава.

Этот период стремительного развития русской культуры Н. А. Бердяев называл «русским культурным ренессансом». Невероятные успехи в области литературы, живописи, хореографии, театра, музыки направляли творческий поиск к новым открытиям, ещё более глубоким и совершенным откровениям. Во всех видах искусства возникали и развивались различные направления и стили, среди которых критический реализм, символизм, футуризм, имажинизм, модернизм, акмеизм, абстракционизм, их различные смешения.

В то же время это был сложный, противоречивый период в жизни общества, рост капитала одних и невероятная нищета других, успехи в науке, образовании сочетались с безграмотностью народа, складывалось ощущение тревоги, «близкого конца света», мировых катастроф, в обществе росло пред-

чувствие войн и революций, задолго до их свершения.

Всё это повлияло и на музыкальное искусство, творческую деятельность всех выдающихся музыкантов того времени. Они ставили перед собой новые задачи, решение которых требовало обращения к новым темам, средствам выразительности с целью создания новых образов, произведений, хотя все они очень бережно относились к сложившимся традициям русской школы. Среди наиболее распространённых музыкальных тем были религиозно-мистические мотивы, идеи космизма, полярные идеалы добра и зла, любви и ненависти, свободы и насилия, жизни и смерти и т.п. Получили развитие и темы протеста, героические образы борьбы, устремлённые в будущее.

С периодом Серебряного века совпала творческая деятельность композиторов, которые в основном следовали сложившимся традициям: Н. А. Римского-Корсакова, С. И. Танеева, А. К. Глазунова, А. К. Лядова, А. С. Аренского, М. М. Ипполитов-Иванова, а также молодых, начинающих композиторов, творческие инновационные идеи которых порой вызвали огромные споры. В своём творческом поиске музыканты обращались к различным стилям, пытались создать своё необычное творение, так, как именно они это чувствовали и понимали. И в творчестве каждого выкристаллизо-

вывались особенности индивидуальности, которые соединяли различные тенденции, порой, казалось бы, не сводимые между собой. В то же время можно условно сказать, что у каждого из них преобладал какой-то стиль, развитие которого было свойственно данной эпохе. Например, А. Н. Скрябин – «идеалист-мистик», символист; С. С. Прокофьев – кубофутурист; И. Ф. Стравинский – неоклассицист, неофольклорист; С. В. Рахманинов – неоромантик; Н. К. Метнер – неоклассицист и т.п.

Несмотря на все их различия, общим для этих композиторов стало глубокое осмысление собственного внутреннего мира, усложнение музыкального языка, ладовых форм, гармоний, сочетающихся с поиском новых красок и интонаций, обращение к синтезу искусств как одной из главных традиций, отличающих творения Серебряного века. В творчестве С. В. Рахманинова, наряду с традиционной темой воплощения в музыке «русской идеи», творчески раскрывались идея всеединства, предчувствия грозных, драматических событий. В творчестве А. Н. Скрябина поднимались идеи очищения общества средствами искусства, убежденность в могуществе человека, способного добиться счастья, неслучайно девизом его жизни стало высказывание: «Иду сказать им, что они сильны и могучи ... Силён и могуч тот, кто испытал отчаяние и победил его» [5, с. 121–122].

Творения музыкантов Серебряного века сложны, они не могут восприниматься как фоновые и требуют глубокого осмысления и эмоционального сопереживания [3].

Таковыми же глубокими для осмысления, сложными для восприятия были и творения композитора, пианиста, педагога Николая Карловича Метнера, одного из выдающихся представителей Серебряного века. Он родился в России, хотя его роди-

тели были скандинавского происхождения (по другим данным: мать – русская, а отец – немец).

С раннего детства Метнер проявил склонность к сочинительству, а фортепиано и скрипка были его любимыми инструментами. И эту любовь он пронёс через всю жизнь, создавая множество произведений именно для этих инструментов.

Метнер учился у Ф. К. Гедике, который был его дядей, в Московской консерватории по классу фортепиано – у А. И. Галли, П. А. Пабста, ученика Ф. Листа, и у В. И. Сафонова. Предпочитал классические творения И.-С. Баха, венских классиков, произведения западноевропейских композиторов: с большим успехом играл труднейшие творения Ф. Листа (огромный отклик получили исполненные им Парафраз Ф. Листа на темы из оперы Д. Верди «Риголетто» и «Токката» Р. Шумана), а также произведения русских композиторов: А. Г. Рубинштейна, но больше всех он любил исполнять «Исламея» М. А. Балакирева [6, с. 7]. Наряду с активной концертной деятельностью, Метнер несколько лет достаточно успешно работал педагогом в Московской консерватории, но продолжалось это недолго. Сложная политическая обстановка в России вынудила его эмигрировать осенью 1921 года за границу. Но он не думал, что покидает Родину навсегда. С 1921 по 1924 год Метнер жил в Германии, затем уехал в Италию, где встретился с С. В. Рахманиновым, затем, выступив в странах Европы и Америки, он выбрал Англию, где и провёл последние годы своей жизни.

В организации концертов Метнеру помогал Рахманинов, хотя и не всегда успешно, но он постоянно ему во всём помогал, поддерживал, согласовывая свои личные и творческие планы, вёл с ним активнейшую переписку.

Больше всего Метнер мечтал вернуться в Москву. И в 1927 году ему удалось приехать на Родину и с концертами посетить Москву, Киев, Одессу, Ленинград и другие города СССР. Его выступления широко отмечались в прессе, были горячо встречены. Он много исполнял своих произведений, но долгосрочные контракты и социальная обстановка в СССР заставили его уехать и продолжать гастроль в Париже, Берлине, Лейпциге, Таллине, Варшаве, городах Англии.

Николай Карлович Метнер всегда оставался русским композитором, любил Россию. Это подтверждают многие факты. Живя в условиях эмиграции, он очень скучал по своей Родине, по русскому языку. В его письмах – тоска по своим родным, отцу и матери, которые остались в период голода в России, по консерватории. Он мечтал вернуться в свою альма матер и работать педагогом Московской консерватории вместе со своим другом А. Б. Гольденвейзером, который всячески пытался его вернуть на Родину. Когда умер его другой большой друг – С. В. Рахманинов – в 1943 году, Метнер, находясь в Лондоне, должен был выступить по радио. Диктор объявил его немецким композитором, на что разгневанный Метнер ответил: «Я русский не только по рождению, но и по воспитанию, и такими были уже мой дед и бабушка».

Весь период пребывания за границей он испытывал глубочайшую ностальгию. Не случайны его слова: «С каждым днём всё больше и больше люблю Россию и всё русское и нередко испытываю раздражение, слыша чужую речь» [6, с. 9]. Любовь к России формировала и его ощущения одиночества, окружающей пустоты. Единственной отдушиной Метнера в этой сложной ситуации была его супруга Анна, певица, которая всегда его поддерживала, была первым слу-

шателем его произведений. Она часто была и первой исполнительницей его романсов и после его смерти в 1953 году. По завещанию Метнера, она привезла в Советский Союз его архив, ноты, письма, дневники, заметки, которые сегодня являются предметом активного изучения учёных.

Эти краткие биографические данные характеризуют те основы, на которых выстраивалось творческое мировоззрение пианиста и композитора, сформировался его индивидуальный стиль.

Метнер свято хранил музыкальные традиции, полученные в России, оставался глух ко всяким модернистским нововведениям. Но в то же время он внимательнейшим образом следил за новыми произведениями, интересовался музыкой XX века, в какой бы стране она ни создавалась, и выносил некоторым произведениям суровый приговор. Особенно это касалось произведений М. Рegerа и отчасти Р. Штрауса.

Метнер не стремился быть современным, новатором, адаптировать свои творения к потребностям публики, в эмиграции его воспринимали отчуждённо, и он не собирался сближаться с людьми, общаясь лишь с очень тесным кругом друзей, в которых чувствовал искренность и поддержку. Он считал, что «вся современная музыка, вся эпоха сошла с пути истинного» [2, с. 9].

Творческая деятельность Метнера как композитора, по общей оценке музыковедов, и сегодня считается недостаточно изученной. Она не получила широкого освещения, несмотря на то, что его исполнительская деятельность обращала на себя внимание музыкальной критики. О нём писали и говорили Б. В. Асафьев, Г. Г. Нейгауз, Н. Мясковский, Г. Прокофьев, Н. Кашкин, но они касались лишь его раннего творчества и особенностей исполнения.

Одним из первых к изучению творческого наследия композитора обратился выдающийся музыковед, композитор, музыкальный критик, друг А. Н. Скрябина Л. Л. Сабанеев, который писал о том, что Метнер не похож на своих современников, друзей, более того, по его оценке: «Он упорно и мощно гребёт против течения, против века, против надвигающегося ... призрака нового ... непонятного, чуждого ему искусства» [9, с. 21].

Давая высочайшую оценку творениям композитора, Сабанеев обращал внимание на особую духовно-нравственную, эстетическую наполненность, смысловую глубину музыки Метнера, выделял её по своей значимости из всех творений русской музыки Серебряного века. Так, характеризуя особенности творчества выдающихся музыкантов этого периода, он писал: «Русскость музыки этих композиторов надо искать ... не в первобытном родстве с народными напевами, а в общем строении, в духе самой музыки ... Музыка Метнера была из всей существующей русской музыки наиболее философски поставлена и углублена» [10, с. 85].

Согласно его мнению, традиционно русская музыка в большей степени переполнена эмоциями, настроениями, а рационального, глубины в ней «маловато».

И действительно, Метнер в своих творениях со временем всё больше и больше увлекался определением смыслов в произведении, что оно несёт и что должно нести, как его понимают другие, могут ли верно осмыслить то, что заложено в его творениях.

Метнер в своих произведениях особое внимание уделял взаимодействию рационального и эмоционального, общего и индивидуального. Он считал, что музыка – это не только язык чувств, но и язык мыслей, принадлежащих не только одному худож-

нику, но и многим. При этом он выступал против чистого индивидуализма, утверждая, что индивидуальность далека от эгоистического индивидуализма, признающего лишь себя, в то время как истинный Творец думает о своём создании. Композитор пришёл к выводу, что музыка – это язык несказанных чувств и невысказанных мыслей.

Особое значение для осмысления особенностей творческого поиска Метнера имеет книга «Муза и мода», написанная и изданная в Париже издательством С. Рахманинова «Таир» в 1935 году. В этой книге автор с огромной любовью говорит о музыке, музыкальных традициях, которые необходимо сохранять и следовать им. «О музыке говорить недоступно. Она сама говорит и заговаривает именно тогда, когда слова бессильно умолкают. Она помогает человеку точнее передать то, что он созерцает. Она имеет свой “язык”. Чудесный дар этого “языка” открылся у человека, когда он ещё острее почувствовал своё одиночество, ещё неудержимее испытал влечение к другому человеку» [7, с. 10].

Ключевой идеей книги «Муза и мода», раскрывающей её основной смысл, стало утверждение композитора об утрате ценностных ориентиров людей, веры в Бога, исторической памяти, законов искусства. В результате «мир остаётся без Бога», безразличен, жесток, отчуждён, и человек в нём никому не нужен, становится одиноким страдальцем. Не случаен вывод, который сделали современные музыковеды, учёные Д. К. Кирнарская и Т. Ю. Масловская, согласно которому Николай Карлович Метнер был своеобразным «рупором времени, символом эпохи одиночества и ностальгии по утраченным корням и золотому веку» [4, с. 9].

Другой ключевой проблемой, которая собственно обозначена в самом заглавии

книги – «Муза и мода», стало противопоставление и сравнение между собой двух понятий: Музы и Моды. Подвергая критике модернизм в искусстве, Метнер утверждал, что Муза – Божественный источник Света, Красоты, посланный божественным вдохновением, она не может и не должна подвергаться модным настроениям отдельных лиц, удовлетворяя их потребности и вкусы, иначе Муза разрушается. Она сама становится Модой, по его словам, это «мода на моду», это молчаливое согласие целого поколения на то, чтобы изгнать Музу, которая вечно вдохновляла художников, поэтов и музыкантов, а вместо этого признать моду в качестве верховного судьи над великим искусством. Метнер с большим гневом отмечал, что из новых музыкальных произведений исчезает мелодия, нарушается гармония, ритмическая определённость. В результате у произведений нет своего лица, а одни только пустые эффекты и краски. Глубоко объясняя смыслы и специфику музыки, в своей работе «Муза и мода» он писал: «Все основные смыслы нашего музыкального языка, подобно струнам наших инструментов, находятся в неразрывном взаимоотношении. Изъятие хотя бы одной струны из нашей общей лиры делает невозможной всю нашу игру» [7, с. 41].

В центре внимания композитора находилась мелодия, которая несёт главный смысл, в любом музыкальном творении именно мелодия играет ключевую роль, это «душа музыки», она имеет свою гармонию, свой ритм, пульс, движение, каденцию, особенности развития, дыхание, пронизывающие содержание и форму. Понятие темы, по мнению Метнера, шире понятия мелодии, и мелодия далеко не всегда является темой. Тема несёт в себе особенности индивидуальности автора, раскрывает черты его стиля, её нельзя взять и выдумать, она рож-

дается внутри сознания композитора, в тишине, как божественный дар, ниспосланный свыше.

Метнер утверждал взаимозависимость формы и содержания произведения. «Форма без содержания есть не что иное, как мёртвая схема, содержание без формы сырая материя. И только содержание + форма = художественному произведению» [7, с. 52].

Рассматривая средства музыкальной выразительности как компоненты, посредством которых передаются смыслы, композитор говорил о музыкальном языке, о вкусе, ценностях, таланте и способностях, творчестве и созидании.

Об этом достаточно подробно написано в фундаментальном музыковедческом труде Е. Б. Долинской: «И если для многих композиторов первые сочинения являлись ещё своеобразной пробой пера, ступенькой на пути поисков собственного почерка, то ранние творческие опыты Метнера сразу же обнаружили его крупное дарование» [1, с. 26].

Она глубоко и всесторонне изучила не только творческую деятельность, но и индивидуальность личности этого композитора, его переписку, архив, мнения близких и друзей, окружавших Метнера, особенности его творчества, которые переплетаются с жизненными ситуациями, событиями, воспоминаниями его друзей, то есть всё то, что повлияло на созданные им творения.

Но, что характерно, рассматривая особенности творческой деятельности Метнера, в Предисловии к своей монографии Е. Б. Долинская в первую очередь обращает внимание на три самые знаковые фигуры того времени – А. Н. Скрябина, С. В. Рахманинова и Н. К. Метнера, подчёркивая, что их имена стоят в одном ряду.

Еще Г. Г. Нейгауз в своих воспоминаниях отмечал: «Быть может, кой-кому покажется неправомерным составление тако-

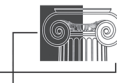
го терцета: “Скрябин, Рахманинов, Метнер”, но думаю, что если вспомнить эпоху, в которой они творили, то здесь никакой ошибки нет» [8, с. 72].

Г. Г. Нейгауз прекрасно понимал, какое огромное значение имела для них эпоха Серебряного века, период «взлёта» (Н. А. Бердяев) русской культуры. И сегодня музыковеды достаточно часто сравнивают этих трёх композиторов, сопоставляют их взгляды, представления, стилевые особенности исполнительского мастерства. Так как все трое были не только композиторами, но и блестящими пианистами, являлись выпускниками Московской консерватории, все были истинными представителями классической школы, всех троих не сразу принимала общественность, несмотря на то, что они с первых своих творений, первых выступлений перед публикой демонстрировали высокое мастерство. Это разные музыканты, каждый из них был индивидуален, прошёл свой сложный творческий путь, искал своё место в жизни и в творчестве. Рахманинов не понимал Скрябина и даже шутил над его цветным, световым видением музыки, в то время когда Метнер, как уже было сказано выше, многие годы дружил с Рахманиновым, сотрудничал с ним, несмотря на их различия и особенности творчества. Из писем между ними очевидно, какое существенное значение для Метнера имели его творческие контакты и дружеское сближение с Рахманиновым. В своих выступлениях они часто исполняли произведения друг друга. Метнер посвятил Рахманинову свой Второй концерт и сонату ор. 25, N 2. И наоборот, Рахманинов посвятил Четвёртый фортепианный концерт Метнеру. Но в то же время Метнер, привыкший в своей семье к философским обсуждениям, разговорам, стремился поговорить со своим коллегой о музыке, но Рахманинов предпочитал

не обсуждать музыку, произведения других композиторов и чаще всего избегал каких-то оценок и высказываний, что обижало и расстраивало Метнера.

Сегодня их творения не устают восхищать слушателей, музыкантов, не иссякает интерес к их духовному миру, чувствам и переживаниям, превратностям судьбы. Учёные, музыканты, педагоги, слушатели пытаются понять смысл их творений, глубоко вникнуть в их суть, раскрыть те тайны, которые помогали этим выдающимся музыкантам добиться огромных творческих успехов, оставив России свои творения, гениальность которых подтвердило время. Так, в монографии, посвящённой А. Н. Скрябину, автор статьи писала о тех трудностях, которые испытывали гении, которых не понимали, им завидовали, их критиковали и уничтожали: «... истинный гений вступал в ожесточённую борьбу со старыми элементами сложившейся системы мнений, разрушая стандарты, незыблемые правила, общепризнанные истины. Гений приступает нормы дозволенного, пределы познанного, меру возможного. И нужны воля, настойчивость, сила Духа, чтобы суметь отстоять до конца свои идеи, теории, творения. При этом иногда идти на костёр ... На смену старого выступает новая теория или шедевр художественного творчества» [3, с. 29].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что Н. К. Метнер является действительно выдающимся представителем духовной культуры России Серебряного века. Он создал огромное количество глубоких музыкальных образов, некоторые из них носят программный характер – «Романтическая соната», «Грозовая соната» и другие. Все они разнообразны по форме и содержанию. Особое монументальное значение имеют его фортепианные концерты. Самый исполняемый – Первый концерт, написанный

в 1921 году, в котором воспроизводятся образы Первой мировой войны. Метнер написал около сотни песен и романсов в форме лирического монолога, который раскрывает внутренний мир человека, его мысли и чувства, а также 32 романа на стихи само-

го любимого его поэта А. С. Пушкина, 15 романсов на стихи Ф. И. Тютчева и 30 – на стихи И. В. Гёте. Все эти творения составляют сокровищницу русской музыки, любимы и исполняемы современными музыкантами, как в России, так и за рубежом.

Примечания

1. Долинская Е. Б. Николай Метнер : учебное пособие для педагогов и студентов высших учебных заведений по специальности 072901 «Музыковедение» / Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского, Московский государственный институт музыки имени А. Г. Шнитке. Москва : Музыка : П. Юргенсон, 2013. 324 с.
2. Зенкин К. В. Николай Метнер в музыкальном мире своего времени // Николай Метнер: Вопросы биографии и творчества / сост. и науч. ред. Т. А. Королькова, Т. Ю. Масловская, С. Р. Федякин. Москва : Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2009. С. 9.
3. Зорилова Л. С. Духовно-творческий поиск А. Н. Скрябина в контексте становления музыкального искусства : монография. Москва : МГИК, 2016. 192 с.
4. Кирнарская Д. К., Масловская Т. Ю. Intermezzo // Учёные записки Российской академии музыки имени Гнесиных. 2013. № 4 (7). С.6–9.
5. Литературные сочинения и письма: Записи А. Н. Скрябина // Русские пропилеи. 1919. Том 6. С. 121–122.
6. Метнер Н. К. Повседневная работа пианиста и композитора : Страницы из записных книжек / [вступ. статья П. И. Васильева]. Москва : Музгиз, 1963.
7. Метнер Н. К. Муза и мода. Париж : Таир, 1935. 154 [3] с.
8. Нейгауз Г. Г. Современник Скрябина и Рахманинова // Советская музыка. 1961. № 11. С. 72.
9. Сабанеев Л. Л. Метнер // К новым берегам / Ассоциация современной музыки. 1923. № 2. С. 21.
10. Сабанеев Л. Л. Н. К. Метнер // Воспоминания о России. Москва : Классика-XXI, 2005.

References

1. Dolinskaya E. B. *Nikolay Medtner*. Moscow, Publishing House “Music”, P. Yurgenson. 2013. 324 p.
2. Zenkin K. V. *Nikolay Medtner v muzykal'nom mire svoego vremeni* [Nikolay Medtner in the musical world of his time]. In: Korolkova T. A., Maslovskaya T. Yu., Fedyaikin S. R., eds. *Nikolay Medtner: Voprosy biografii i tvorchestva* [Nikolay Medtner: Questions of biography and creativity]. Moscow, Published by Library-fund “Russian abroad”, 2009. P. 9.
3. Zorilova L. S. *Dukhovno-tvorcheskij poisk A. N. Skryabina v kontekste stanovleniya muzykal'nogo iskusstva* [The spiritual and creative search for A. N. Scryabin in the context of the formation of musical art]. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2016. 192 p.
4. Kirnarskaya D. K., Maslovskaya T. Yu. *Intermezzo. Scholarly papers of Russian Gnesins Academy of Music*. 2013, no. 4 (7), pp.6–9.
5. *Literaturnye sochineniya i pis'ma: Zapisi A. N. Skryabina* [Literary works and letters: Notes by A. N. Scryabin]. *Russian Propilei*. 1919, vol. 6, pp. 121–122.
6. Medtner N. K. *Povsednevnyaya rabota pianista i kompozitora: Stranitsy iz zapisnykh knizhek* [The daily work of the pianist and composer: pages from notebooks]. Moscow, Music State Publishing House, 1963.
7. Medtner N. K. *Muza i moda* [Muse and fashion]. Paris, Publishing House “Tair”, 1935. 154 p.
8. Neygauz G. G. *Sovremennik Skryabina i Rakhmaninova* [Contemporary Scryabin and Rachmaninov]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet music]. 1961, no. 11, p. 72.
9. Sabaneev L. L. *Medtner. K novym beregam* [To the new shores]. 1923, no. 2, p. 21.
10. Sabaneev L. L. N. K. Medtner. *Vospominaniya o Rossii* [Memories of Russia]. Moscow, Publishing House “Classica 21”, 2005.

*

ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОГО «РИМЕЙКА» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 783:7.06

Н. Е. Двинина-Мирошниченко

Московский государственный институт культуры

В статье предпринимается попытка анализа феномена «осовременивания» в области российской православной музыкальной культуры. Автор статьи поднимает проблему понимания сущностно-смысловых основ бытия православного искусства в ключе последних тенденций отечественной культуры. Привлечение к духовной культуре через массовизацию духовных жанров во внешней деятельности Церкви и «римейки» в сфере церковного песнотворчества провоцируют отрицание духовности национального характера. Определённые предпосылки к распространению данного феномена автор усматривает во влиянии эстетики постмодернизма и продолжающихся процессах обмирщения духовной культуры. Тем не менее разнообразные попытки современного авторского прочтения демонстрируют и позитивную сторону в развитии духовного искусства – всевозрастающую потребность современного художника в диалоге с культурой прошлого, стремление к постижению её философского и идейного наследия, заключённого в образцах и жанрах русского православного музыкального творчества.

Ключевые слова: православная музыкальная культура, «римейк», обмирщение духовной культуры, современная церковная музыка, современное представление о норме церковного музыкального творчества, духовность национального характера, диалог с культурой прошлого.

N. E. Dvinina-Miroshnichenko

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki citi, Moscow region, Russian Federation

THE PHENOMENON OF ATIONAL “REMAKE” IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY ORTHODOX MUSIC CULTURE

The article attempts to analyze the phenomenon of “modernization” in the field of Russian orthodox musical culture. The author raises the problem of understanding the essential and semantic foundations of the church art in the way of latest trends of Russian culture. Attraction to the spiritual culture through the massization of spiritual genres in the external activities of the Church and “remakes” in the sphere of church song-making provoke a denial of the spirituality of the national character. The author sees certain prerequisites for the spread of this phenomenon in the influence of the aesthetics of postmodernism and the ongoing processes of secularization of spiritual culture. Nevertheless, various

---

ДВИНИНА-МИРОШНИЧЕНКО НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА – аспирантка Московского государственного института культуры, член Союза московских композиторов, преподаватель Тверского музыкального колледжа

DVININA-MIROSHNICHENKO NATALYA EVGENYEVNA – doctoral student of the Moscow State Institute of Culture, the member of the Moscow Union of composers, teacher of the Tver Musical College

e-mail: nataljadvinina@rambler.ru

© Двинина-Мирошниченко Н. Е., 2018

attempts of the modern author's reading demonstrate a positive side in the development of spiritual art: this is the ever-increasing need of the modern artist for a dialogue with the culture of the past, the desire to comprehend its philosophical and ideological heritage contained in the samples and genres of Russian church songwriting.

Keywords: Orthodox musical culture, “remake”, secularization of spiritual culture, modern church music, modern understanding of the norm of church musical creativity, spirituality of national character, dialogue with the culture of the past.

Для цитирования: Двина-Мирошниченко Н. Е. Феномен отечественного «римейка» в контексте современной православной музыкальной культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 96–104.

В рамках исследования современных процессов массовизации и коммерциализации культуры и образования пристального наблюдения и осмысления требует тенденция так называемых *римейков* – «переделок» на новый лад широко известных произведений российской культуры, которая особенно популярна стала в XXI веке, в особенности в области режиссуры, кинематографа и композиторского творчества. Если в конце XX века критики достаточно осторожно рассуждают о смысле и причинах подобных «новаций» молодых театров, то начало нового века знаменует открытая и острая полемика.

Эпатаж современной российской периодической печати, сосредоточенный на «римейках» классики в большинстве старейших российских театров, вскрывает серьёзную социальную подоплёку этой тенденции в известном «Обращении Союза писателей России», определяющем её как культурную войну: «... по большому счёту, это война, которая теперь ведётся с самым откровенным цинизмом...» [9]. Одной из острых культурных проблем становится унификация элементов пространственно-временного континуума драмы, оперы или другого сценического действия в единое «современное прочтение», которое грозит серьёзными потерями семантического поля культуры, так как отсутствие смысловых и знаковых ори-

ентиров закономерно превращает произведение в пародию.

«Осовременивание» классики позиционируется как естественная реакция культуры на процессы глобализации, которые обусловили соединение в едином пространстве семантически несоединимых традиций, а также как просветительское привлечение к классическому репертуару массового зрителя, которое по существу продиктовано коммерческой выгодой – создать «сенсацию» любой ценой. В интерпретации Грэма Вика оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов» Мариинский театр в угоду западным вкусам демонстрирует поправление ногами герба Советского Союза. Концепция оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» (2006) режиссёра Д. Ф. Чернякова построена на лгьящем западному взгляду представлении о русском обществе как о сборище мещан, пьяниц, посредственностей, где любое проявление индивидуальности обречено либо на посмешище (Ленский), либо на нервный срыв, граничащий с психическим расстройством (Татьяна). Простая, на первый взгляд, подмена «антуража» оборачивается подменой символов, смысловой составляющей произведения искусства. Принимая во внимание трактовку Х. Ортега-и-Гассета, характеризующего представителей массовой культуры не с точки зрения официального социального статуса, а

с точки зрения внутреннего, глубинного омассовления сознания, можно констатировать процесс перерождения ведущих театров академического направления в объекты массовой культуры, где «на спектаклях и концертах публика мнит себя выше любого драматурга или композитора, самозабвенно затаптывая в грязь и того, и другого» [цит по: 2, с. 83].

Об опыте «осовременивания» церковных музыкальных традиций

Последние тенденции говорят не только о продолжающихся процессах секуляризации духовной культуры, но и о магистрально идущих влияниях постмодернизма, стремящегося распространить свою монополию и на сферу духовного искусства. Эстетике постмодернизма прежде всего чужд сам Смысл артефакта, тем самым она превращает явление в профанацию. О. А. Николаева в книге «Православие и свобода» указывает на скрытый, закодированный смысл, активно транслируемый постмодернизмом, а именно: в мире нет ничего священного, из чего бы нельзя было сделать пародию или переиграть в профанное: «... постмодернизму ненавистен Образец, который он деформирует и тем самым дезавуирует или, в крайнем случае, оттесняет его всякого рода римейками, этими псевдокопиями» [10, с. 312]. Распространение этого феномена Олеся Николаева усматривает в нынешнем состоянии православной культуры: «... православная культура пока слишком слаба. Её нельзя пересадить из прошлого, её можно возделывать лишь в настоящем» [10, с. 380].

Тем не менее определённые «корни» отечественного «римейка» необходимо рассмотреть и в русле процесса секуляризации православной духовной культуры, который к концу XIX века достиг своего апогея.

В частности, в области церковного художественного искусства результатом «обновлений» стало сокрытие древних икон под позолоченными ризами, в области храмового зодчества – отделка деревянных церквей «под камень». В музыкальном искусстве они были связаны с активным «переименованием светских партитур для клирошных нужд» [4, с. 65]. Преподаватель кафедры древнерусского певческого искусства Санкт-Петербургской консерватории протоиерей Виталий Головатенко подчёркивает, что многие из них «всё ещё живы и исполняются за богослужением и в наши дни» [4, с. 65].

Процессы секуляризации духовной культуры, временно приостановившиеся в годы гонений на РПЦ, получили новое развитие в XXI веке в результате изменения политического курса страны на сотрудничество с РПЦ и пропаганду православного образа жизни. «Революция 1917 года и последовавшие за ней гонения на Церковь постепенно привели к более серьёзному отношению к службе. Храмы вновь заполнились богомольцами, а не слушателями...», – пишет исследователь современной церковной культуры Н. Ю. Олесова [11]. Тем не менее «обратная сторона медали», а именно: что пришли услышать ищущие воцерковления новые богомольцы, практически не изменилась за последние триста лет. Это – отсутствие образованных певчих, скудость музыкального материала, примитивно тонально гармонизованные знаменный распев и гласовые попевки, лишённый индивидуальности, интерпретирующий стиль партеса в творчестве активно пишущих современных церковных композиторов-традиционалистов (А. Д. Гринченко, В. К. Ковальджи и другие), наконец, «римейки» – перефразированные в жанр молитвенных песнопений бытовые романсы, песни, фрагменты свет-

ских сочинений, которые протоиерей Виталий Головатенко бескомпромиссно именуется «музыкальными «оборотнями»» [4, с. 65]. Изучение и совершенствование церковно-славянского языка, воссоздание «золотого» интонационного фонда канонического песнотворчества Древней Руси и аранжировок древних распевов композиторами конца XIX века, постижение смысла и содержания богослужебных песнопений как выразителей догматов Церкви – всё это до нынешнего времени в большей мере остаётся уделом историков.

XXI век насыщен крупными, масштабными явлениями в области развития отечественной духовной музыкальной культуры. В декабре 2016 года в Москве прошёл Первый съезд певчих и регентов РПЦ, в работе которого приняли участие регенты и священнослужители из более чем 90 епархий и из 17 стран. Это событие указывает на количественный и качественный рост специалистов узкого профиля: уставщиков, регентов, высокообразованных церковных певчих. Актуальная проблема возвращения молитвенного духа церковным песнопениям была поднята митрополитом Иларионом Алфеевым, который является председателем диссертационного совета Общецерковной аспирантуры и докторантуры и церковным композитором. В своём выступлении на Первом регентском съезде митрополит, в частности, сказал: «... пение должно способствовать тому, чтобы понятными и доступными для ума и сердца верующего становились богослужебные тексты» [1, с. 51]. В итоге архипастырь призвал к включению в современную практику богослужения музыки современных авторов и назвал четыре имени, произведения которых уместно исполнить в богослужении. Это сочинения митрополита Ионафана Елецких, монахини Иулиании (Ирины Денисовой), Владимира

Файнера и Геннадия Лапаева [1, с. 53]. Однако обозначенные митрополитом Иларионом пути к приумножению традиций российской духовной композиторской школы открывают две проблемы. Во-первых, это вопрос о возможности объединения сочинений названных авторов в аудиопространстве одного богослужения. Во-вторых, это не менее сложный вопрос – о приоритете указанных стилей. По словам С. И. Хватовой, «приоткрывшийся “железный занавес” обнажил проблему самобытного развития или европейской интеграции» [15, с. 30].

С точки зрения популяризации автономного, самобытного творчества очевидна невозможность объединения сочинений вышеуказанных авторов в одном богослужении. Творчество первых трёх композиторов находится в русле развития западноевропейского духовного музыкального искусства. В частности, явным свидетельством отечественного «римейка» в новейших сочинениях церковных композиторов выступают баховские хоралы, подтекстованные церковно-славянскими текстами, или включённые в партитуру фрагменты инструментальной музыки известных композиторов-классиков. Особняком стоит фигура композитора Г. Н. Лапаева – регента Вознесенского кафедрального собора Твери. Концентрация в одном человеке глубокой веры, профессионализма дирижёра, педагога, издателя обусловила уникальный момент *встречи* древнего церковного песнотворчества и *современного представления о норме церковного музыкального творчества*. В результате произошло согласование творческого начала с основополагающими принципами канонического церковного пения. Тесная генетическая связь мелодики Г. Н. Лапаева с образцами самогласных напевов отвечает так называемым принципам условного осмогласия. «Трисвятное», «Свете

Тихий», аранжировки знаменных распевов и другие сочинения Г. Н. Лапаева пользуются огромной популярностью во множестве приходо-вых и зачастую распространяются в рукописном виде ввиду малой публикации. Широкий культурный кругозор, колоссальная инициативность, постоянное внутреннее «горение», наполненное творческими исканиями, стали той избыточной творческой силой, которая породила столь значимые артефакты.

Показательно, что процесс «осовременивания» затрагивает и нынешние сочинения канонического направления. В качестве яркого примера можно привести двухголосную «Милость мира» диакона Сергия Трубачева. Факты биографии композитора свидетельствуют о его щепетильном отношении как регента и аранжировщика к авторской партитуре [13, с. 8]. «Благолепное украшательство» хоральной фактурой и тональной гармонией было чуждо натуре художника. Тем не менее стремление современных «новаторов» «заковать в ризу» партесного творчества диакона Сергия, при всех негативных сторонах этого явления, обнаруживает оценку сочинений С. З. Трубачева как определённого феномена. Это – каноническое направление, которого чуждается эстетика постмодернизма и стремится «осовременить».

Панорама православной музыки на сегодняшний день огромна. Популярной лёгкой музыкой для отдыха или туристической поездки в автомобиле или автобусе становятся песни так называемого духовного содержания. Именно на них в первую очередь ориентируется музыкальная жизнь воскресных школ, гимназий и других внехрамовых учреждений. Всё большее количество популярных песен подтекстовывается духовными текстами. В частности, «Jingle Bells...», перефразированный в «Рож-

дство...», становится своеобразным символом отрицания духовности национально-го характера и утверждением духовности «интернационалистического Тарзана» [6, с. 517], о которой И. А. Ильин писал как о свойственной современной западноевропейской культуре. И как следствие этого – балансирование православной музыки во внешней деятельности Церкви на грани забвения духовных ценностей национальной православной музыкальной культуры. И этот фактор неизбежен, так как «религия не распространяет монополию на опыт невыразимого» [17, с. 25], – справедливо замечает исследователь современной духовной музыки Питер Баутенефф. Тем не менее, анализируя феномен «осовременивания» в области православной музыкальной культуры, прогрессивные деятели российской культуры говорят о его опасности как во внутрицерковной, так и во внецерковной сфере. В частности, профессор Московской консерватории В. В. Медушевский задаётся вопросом: «... что будет препятствием для подмены классической основы музыки храма рок-обработками того же Чеснокова и даже знаменного пения? Пока число рок-батюшек в нашей стране ничтожно мало... Когда их станут сотни, “добрый” пиар апостасийных СМИ почувствует, что на них со стопроцентной гарантией можно делать ставку. Тогда “прогрессивных” священников, “любящих” молодёжь и язык музыкального рока он противопоставит “отсталым” “догматикам-консерваторам”» [8].

Современная церковная музыка и иконография: в поисках канона

Возможно, одной из причин распространения «римейка» в православной музыке является мнимое отсутствие определённого канона, потворствующее поверхностному отношению к сущностно-смысловым

основам бытия православного музыкального искусства. Несомненно, что наиболее зримо православный канон представлен в иконописи. «Собственно икона, как идеал знакового текста, есть великолепный пример объекта анализа для культурологии» [14, с. 138], – пишет современный учёный А. А. Трошин. Но если в области современной иконографии канон очевиден и исследован, то в области современной церковно-певческой культуры он несколько размыт (за исключением, возможно, двух внешних факторов: исполнения а капелла и наличия богослужебного текста). Этот факт подтверждают и слова выдающегося регента современности Е. С. Кустовского, данные нам в интервью: «... потому, что касается канонов по части текстов, – они есть, а вот канонов по части музыки, то есть напевов, – здесь чётких границ нет. То есть они были, наверное...» [5, с. 35]. В то же время современный взгляд на икону простирается гораздо дальше, чем, говоря аналогичным образом, исполнение её на деревянной доске и надписи на церковно-славянском языке. Создание иконы предполагает определённый порядок наложения материалов, соответствие выверенным многовековой практикой архетипам, использование символических знаков и условности изображения. Канонические принципы работы с музыкальным материалом, основанные на системе осмогласия, позволяют производству музыкального искусства, подобно святым иконам, отобразить важнейшие сущностно-смысловые категории православного искусства: *тождество Слова и Образа, всепространственность, вневременность, светоносность*. В этом ключе «осовременивание» сочинений Сергия Трубачева, о котором шла речь выше, несомненно, указывает на *иконозначимость как интенцию* его музыкального творчества. Каноническое направ-

ление обнаруживает значимую и действенную силу, оппонирующую «римейку», нивелирующему Смысл артефакта.

Вместе с тем проблему современного прочтения ни в коей мере нельзя оценивать однозначно в негативном ключе. Принцип «осовременивания» глубоко отличен от современного осознания вечных ценностей, которые открывают нам символы православного музыкального искусства. «Современность – принцип взаимопонимания между людьми. Для достижения такого взаимопонимания необходимо осовременить, “освоить” исторический и культурный контекст мира. Определённость такого контекста представляет действительную современность», – пишет культуролог З. Л. Черниева [16, с. 118]. В рамках настоящей статьи мы не можем широко осветить эту проблему. Возможно, для современного исследователя определённый интерес представит разработка темы памятования и постоянного возвращения к православным символам, запечатлённым в образцах и жанрах церковно-певческой культуры, в частности, через обращение к православному гимну «Свете Тихий». Эта тонкая нить незримо связывает следующие шедевры: завершает один из «Стихов к Блоку» Марины Цветаевой (1919) [12, с. 8–9], проходит на фонетическом уровне в стихотворении «Тишины!» Андрея Вознесенского (1963) [3, с. 549–550], возрождается в финальном романсе из цикла «Бессонница» лауреата премии ленинского комсомола, саратовского композитора Елены Гохман, который и получил название «Свете тихий» (1988). Эсхатологическое переживание времени, характерное для лирики М. И. Цветаевой, в вокальном цикле Е. В. Гохман (16 романсов для сопрано и фортепиано) усиливается через личностную сторону христианского сопереживания. Эти выдающиеся художники прошлого

века удивительно бережно пронесли ощущение вечности, покоя и величия православного символа через светские литературные и музыкальные жанры. Говоря о вечности современным языком, они не нарушили, не расплескали этот благодатный огонь символической значимости православного гимна, делающий их произведения сопричастными Жизни Вечной, свидетелями явления в современный мир того Света Невечернего, о котором поётся в православном песнопении.

***

Объективно оценивая процессы «осовременивания» в области православной музыкальной культуры, можно утверждать, что пути авторского прочтения имеют две магистральные тенденции. В первом случае – это истинное, сокровенное, личностное обобщение трансцендентного опыта общения с нематериальными ценностями православной культуры. Во втором – навязывание ложных ценностей под прикрытием мнимой свободы современного взгляда на православное искусство. И каждый случай индивидуален, неповторим. При

всей экстраординарности стилистики, можно упомянуть те шедевры, которые создали современные авангардисты, существенно обогатив сферу православной музыки: А. Г. Шнитке «Молитва Господня» (1984), А. А. Пярт «Богородице Дево, радуйся» (1990), В. И. Мартынов «Блажены» (2012). Наряду с «Духовными песнопениями» Г. В. Свиридова (1988), их начинают исполнять не только академические, но и церковные коллективы. В них явственно ощутимо то национальное своеобразие, которое отличает российскую православную композиторскую школу. Феномен «римейка», по сути, противоположен новизне авторской мысли, свидетельствует об отсутствии творческого потенциала, тем не менее и он указывает на всевозрастающую потребность авторов в диалоге с художественной культурой прошлого, которая, по мнению Т. И. Курасовой, «... вызвана попыткой восполнить дефицит духовности современной жизни» [7, с. 5]. И через этот диалог вновь отстаиваются вечные ценности российской православной духовной культуры, вечные ценности Истины, Красоты и Добра.

Примечания

1. Алфеев И. (митрополит Иларион Алфеев) Вернуть церковному пению молитвенный дух: Из выступления митрополита Волоколамского Илариона на пленарном заседании съезда // Журнал Московской Патриархии. 2017. № 1. С. 51–53.
2. Артемьев А. И. Феномен «Нового искусства» в концепции кризиса культуры Х. Ортеги-и-Гассета : дис. на соиск. учён. степ. кандидата культурологии : 24.00.01 / Артемьев Алексей Иванович ; Академия переподготовки работников культуры, искусства и туризма. Москва, 2012. 129 с.
3. Вознесенский А. А. Аксиома самоиска. Санкт-Петербург : ИКПА, 1990. 562 с.
4. Головатенко В. Богослужбное пение и светская религиозная музыка // Церковь и искусство : IX Всероссийские научно-образовательные Знаменские чтения «Традиционные ценности в условиях глобализации», Курск, 3–4 апреля 2013 года / Курская епархия Русской Православной Церкви Московского Патриархата, Курский государственный университет ; [гл. ред. М. Л. Космовская]. Курск : КГУ, 2013. С. 59–68.
5. Двина-Мирошниченко Н. Е. Границы и грани духовной музыки // Даниловский благовестник. № 33. Москва : Издательство Данилова ставропигиального мужского монастыря, 2017. С. 33–36.
6. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Грядущая Россия. Минск : Белорусская Православная Церковь, 2009. С. 327–603.

7. Курасова Т. И. Феномен преемственности в зарубежной музыкальной культуре первой половины XX века : дис. на соиск. учён. степ. доктора культурологии : 24.00.01 / Курасова Тамара Ивановна ; Московский государственный университет культуры и искусств. Москва, 2013. 318 с.
8. Медушевский В. В. Рок-музыка как орудие глобализма, направленная на молодёжь : доклад на секции «Глобализация: векторы разрушения и пути защиты» XIV Рождественских чтений. 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=16778>
9. Мы сохраним тебя, русская речь! Обращение пленума Союза писателей России 14 мая 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://rospisatel.ru/sobytiya2015/86.htm>
10. Николаева О. А. Православие и свобода. Москва : Издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2002. 399 с.
11. Олесова Н. Ю. О Тебе пение мое (Пс. 70, 6). О современных проблемах церковного пения // Духовный Собеседник. 2007. № 2 (50). URL: <http://lektsii.net/2-56483.html>
12. Пересвет: [литературный сборник]. Москва : Издательство Н. В. Васильева, 1921–1922.
13. Трошин А. А. Семантическая концепция понимания как методологическое основание прикладной культурологии // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований : [монография] / Российский институт культурологии, Научно-образовательный центр Российского института культурологии, Институт системных исследований и координации социальных процессов ; [Аванесова Г. А., Аверина М. В., Акопян К. З. и др. ; под ред. И. М. Быховской]. Москва : Смысл, 2010. С. 128–144.
14. Трубачев Сергей диакон Полное собрание богослужебных песнопений : [для хоров разных составов] : в 2 томах / сост. игумен Андроник (Трубачев), диакон Михаил Асмус ; Музей священника Павла Флоренского. Москва : Живоносный Источник, 2007-. Том 1.
15. Хватова С. И. Русский духовный концерт второй половины XX века : дис. на соиск. учён. степ. кандидата искусствоведения : 17.00.02 / Хватова Светлана Ивановна ; Ростовская государственная консерватория имени С. В. Рахманинова. Ростов-на-Дону, 2006. 257 с.
16. Черниева З. Л. Экзистенциальное время и культура : дис. на соиск. учён. степ. кандидата культурологии : 24.00.01 / Черниева Зинаида Леонидовна ; Уральский государственный университет имени А. М. Горького. Екатеринбург, 2004. 150 с.
17. Bouteneff Peter C. *Arvo Part. Out of Silence*. Yonkers. New York: St Vladimir's seminary press. Library of Congress Cataloging-in-Publication Data, 2015. 225 p.

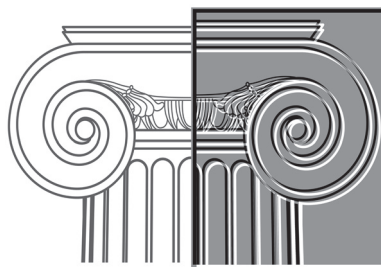
References

1. Alfeev I. (Metropolitan Hilarion Alfeev) Vernut' tserkovnomu peniyu molitvennyy dukh: Iz vystupeniya mitropolita Bolokolamskogo Ilariona na plenarnom zasedanii syezda [To Return to Church singing the prayerful spirit: from the speech of Metropolitan of Volokolamsk Hilarion at the plenary session of the Congress]. *Journal of the Moscow Patriarchate*. 2017, no. 1, pp. 51–53.
2. Artemyev A. I. *Fenomen "Novogo iskusstva" v kontseptsii krizisa kul'tury Kh. Ortegi-i-Gasseti. Diss. kand. kul. [The phenomenon of the "New art" in the concept of cultural crisis by X. Ortega y Gasset. Cand. cult. st. diss.]*. Moscow, 2012. 129 p.
3. Voznesensky A. A. *Aksioma samoiska [Axiom of soul searching]*. St. Petersburg, 1990. 562 p.
4. Golovatenco V. Bogoslužebnoe penie i svetskaya religioznaya muzyka [Liturgical singing and secular religious music]. In: Kosmovskaya M. L., ed. *Tserkov' i iskusstvo: IX Vserossiyskie nauchno-obrazovatel'nye Znamenskie chteniya "Traditsionnye tsennosti v usloviyakh globalizatsii"*, Kursk, 3–4 aprelya 2013 goda [Church and Art: IX All-Russian Scientific and Educational Znamen Readings "Traditional Values in the Context of Globalization", Kursk, 3–4 April 2013]. Kursk, Publishing house of the Kursk State University, 2013. Pp. 59–68.
5. Dinina-Miroshnichenko N. E. Granitsy i grani dukhovnoy muzyki [Border and faces of sacred music]. *Danilovsky blagovestnik* No. 33. Moscow, Publishing house of St. Daniel monastery, 2017. Pp. 33–36.
6. Ilyin I. A. Put' dukhovnogo obnovleniya [The path of spiritual renewal]. *Gryadushchaya Rossiya [The Coming Russia]*. Minsk, Published by Belarusian Orthodox Church, 2009. Pp. 327–603.

7. Kurasova T. I. *Fenomen preemstvennosti v zarubezhnoy muzykal'noy kul'tury pervoy poloviny XX veka. Diss. dok. kul'tur. [Phenomenon of continuity in foreign musical culture in the first half of the twentieth century. Doc. Cultural Studies diss.]*. Moscow, 2013. 318 p.
8. Medushevsky V. V. *Rok-muzyka kak orudie globalizma, napravlennaya na molodezh'. Doklad na sekcii "Globalizatsiya: vektory razrusheniya i puti zashchity" XIV Rozhdestvenskih chteniy. 2006 [Rock music as a tool of globalization, aimed at youth. The Report in the section "Globalization: the destruction of vectors and ways of protection" of the XIV Christmas educational readings 2006]*. Available at: <https://rusk.ru/st.php?idar=16778>
9. *My sohranim tebya, russkaya rech'! Obrashchenie plenuma Soyuza pisateley Rossii 14 maya 2015 goda [We will save you, Russian speech! Appeal of the Plenum of the Union of writers of Russia may 14, 2015]*. Available at: <http://rospisatel.ru/sobytiya2015/86.htm>
10. Nikolaeva O. A. *Pravoslavie i svoboda [Orthodoxy and freedom]*. Moscow, Publishing house of the Moscow farmstead of the Holy Trinity Sergius Lavra, 2002. 399 p.
11. Olesova N. Yu. *O Tebe penie moe (Psalom 70, 6). O sovremennykh problemakh tserkovnogo peniya [My praise shall be continually of Thee (Psalm 71, 6). About modern problems of Church singing]. Dухovnyy sobesednik [Spiritual Companion]*. 2007, no. 2 (50). Available at: <http://lektcii.net/2-56483.html>
12. *Peresvet. Literaturnyy sbornik [Relight. Literary collection]*. Moscow, N. V. Vasilyeva Publishing House, 1921–1922.
13. Troshin A. A. *Semanticheskaya kontseptsiya ponimaniya kak metodologicheskoe osnovanie prikladnoy kul'turologii [Semantic concept of understanding as a methodological basis of applied cultural studies]*. In: Avanesova G. A., Averina M. V., Akopyan K. Z., etc., Bykhovskaya I. M., ed. *Kul'turologiya: fundamental'nye osnovaniya prikladnykh issledovaniy [Culturology: Fundamental Foundations of Applied Research]*. Moscow, Publishing House "Smysl", 2010. Pp. 128–144.
14. Trubachev Sergiy diakon *Polnoe sobranie bogoslužebnykh pesnopeniy. V 2 tomakh, tom 1 [A complete collection of liturgical chants. In 2 vol., vol. 1]*. Moscow, Publishing house "Life-giving spring", 2007. 300 p.
15. Khvatova S. B. *Russkiy dukhovnyy kontsert vtoroy poloviny XX veka. Diss. kand. iskusstv. [Russian spiritual concert of the second half of the 20th century. Cand. history of arts sci. diss.]*. Rostov on Don, 2006. 257 p.
16. Cherneva Z. L. *Ekzistentsial'noe vremya i kul'tura. Diss. kand. kul'tur. [Existential time and culture. Cand. cult. st. diss.]*. Ekaterinburg, 2004. 150 p.
17. Bouteneff Peter C. *Arvo Part. Out of Silence*. Yonkers. New York: St Vladimir's seminary press. Library of Congress Cataloging-in-Publication Data, 2015. 225 p.

*

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ М. А. АРИАРСКОГО В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «КУЛЬТУРА»

УДК 37.013

И. А. Ивлиева, Л. В. Полагутина

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Национальный проект «Культура» устанавливает приоритет культуры как базового фактора модернизации всех сфер жизнедеятельности и областей духовной жизни российского общества, как магистрального курса «на инвестиции в человека». В статье раскрывается теоретико-методологический потенциал педагогической культурологии в решении актуальных проблем отечественной культуры, которые нашли отражение в Национальном проекте. Анализ научного наследия М. А. Ариарского в контексте реализации Национального проекта «Культура» позволил авторам: дать оценку входящим в него федеральным проектам с позиции обоснованности их целей и ожидаемых результатов; раскрыть механизмы вовлечения человека в мир культуры и условия её активного личного освоения; выявить роль менеджеров социально-культурной деятельности как специалистов новой формации, способных стать субъектами реализации Национального проекта.

Ключевые слова: культура, Национальный проект «Культура», педагогическая культурология, наследие М. А. Ариарского, механизм вовлечения человека в мир культуры, культурная среда, креативно-информационная цивилизация, менеджер социально-культурной деятельности как специалист новой формации.

I. A. Ivlieva, L. V. Polagutina

St. Petersburg State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Dvortsovaya naberezhnaya, 2, 91186, St. Petersburg, Russian Federation

PEDAGOGICAL CULTURE STUDIES OF M. A. ARIARSKY IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT “CULTURE”

The National project “Culture” establishes culture priority as basic factor of modernization of all spheres of activity and areas of spiritual life of the Russian society as main course “on investment into the

¹ИВЛИЕВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности факультета социально-культурных технологий Санкт-Петербургского государственного института культуры

IVLIEVA IRINA ANATOLYEVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Cultural Activity, the Faculty of Social and Cultural Technologies, the St. Petersburg State Institute of Culture

²ПОЛАГУТИНА ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности факультета социально-культурных технологий Санкт-Петербургского государственного института культуры

POLAGUTINA LYUDMILA VIKTOROVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activity, the Faculty of Social and Cultural Technologies, the St. Petersburg State Institute of Culture

e-mail: irina@ivelen.spb.ru¹, polagutina.l@mail.ru²
© Ивлиева И. А., Полагутина Л. В., 2018

person". In article reveals the theoretical and methodological potential of pedagogical culture studies in the solution of current problems of domestic culture, which found reflection in the National project is realized. The analysis of scientific heritage of M. A. Ariarsky in the context of implementation of the national project "Culture" allowed authors to give an assessment to the federal projects entering it from a position of validity of their purposes and the expected results; to open mechanisms of involvement of the person in the world of culture and a condition of its active personal development; to reveal a role of managers of social and cultural activity as the experts of a new formation capable to become subjects of implementation of the National project.

Keywords: culture, National project "Culture", pedagogical culture studies, M. A. Ariarsky's heritage, mechanism involvement of the person in the world of culture, cultural environment, creative and information civilization, manager of welfare activity as experts of a new formation.

Для цитирования: Ивлиева И. А., Полагутина Л. В. Педагогическая культурология М. А. Ариарского в контексте реализации Национального проекта «Культура» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 106–114.

Сегодня перед Российской Федерацией стоят задачи в предельно короткий срок осуществить экономическую и социальную модернизацию страны, выйти на путь интенсивного развития, обеспечивающего готовность государства и общества ответить на внешние вызовы. Руководством страны выражено понимание того, что полноценное развитие государства и общества невозможно без духовного, нравственного развития каждого человека. «Сохранить свою идентичность крайне важно в бурный век технологических перемен, и здесь невозможно переоценить роль культуры, которая является нашим общенациональным цивилизационным кодом, раскрывает в человеке созидательные начала» (В. В. Путин).

Вызовы информационного общества и ориентация страны на социально-культурную модернизацию актуализируют проблемы сохранения культурно-исторического наследия страны, мобилизации сил на оказание поддержки в развитии отечественной культуры, принятия мер по преодолению критического положения, сложившегося в некоторых областях современной культурной жизни страны. Установленные государством приоритеты в сфере культуры обуславливают поиск новых механизмов

формирования ценностного отношения к национально-культурному достоянию и сохранения исторически оправданных способов вовлечения человека в мир культуры, возвышения его духовных потребностей.

Впервые за много лет культура возведена в ранг национального проекта, особого государственного приоритета, важнейшего фактора роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залога динамичного социально-экономического развития, гаранта сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России [7; 8; 9].

Национальный проект «Культура» (в числе других национальных проектов) разработан в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года. Идеология проекта направлена на установление «курса на инвестиции в человека» на основе обеспечения максимальной доступности граждан к культурным благам, всемерное их вовлечение не только в процессы потребления, но и создания культурных ценностей. Особое внимание в проекте уделено необходимости укрепления российской гражданской

идентичности, осознания личностью своей принадлежности к сообществу граждан государства на основе духовно-нравственных ценностей, идеалов, норм и образцов поведения народов России [6; 9].

Отчётливо сознавая актуальность Национального проекта «Культура», масштабность его задач, следует признать и необыкновенную сложность его воплощения. Для реального их достижения необходим поиск механизмов эффективного менеджмента в сфере культуры, интеграции научного знания и передовых технологий как в обосновании предпринимаемых преобразований, так и в объективной оценке их последствий.

Благодаря усилиям таких российских учёных, как М. А. Ариарский, Ю. Д. Красильников, Ю. А. Стрельцов, В. В. Туев, В. Е. Триодин, Н. Н. Ярошенко и других, накоплен огромный научный потенциал, позволяющий объяснить и переосмыслить явления и процессы, происходящие в социально-культурной сфере, спрогнозировать развитие социально-культурной практики в условиях вызовов информационного общества. Созданный уникальный «банк научной информации» обеспечивает не только системное видение происходящих в стране социально-культурных трансформаций, но и обуславливает расширение влияния социально-культурной деятельности на происходящие в сфере культуры процессы.

Теория социально-культурной деятельности прошла достаточно долгий путь развития от создания основ внешкольного образования до разработки методологии изучения «феноменов духовно-творческой активности, ценностного самоопределения личности, социальной активности человека на разных возрастных этапах, в различных ситуациях социальной, досуговой, творческой, образовательной деятельности» [10, с. 305].

Высоко оценивая вклад российских учёных в становление и развитие теории социально-культурной деятельности, хотелось бы отметить особую роль научного наследия М. А. Ариарского в решении актуальных задач отечественной культуры, которые нашли отражение в Национальном проекте.

М. А. Ариарский (1928–2018) – блестящий учёный, талантливый педагог, известный просветитель, выдающийся организатор, внёс неоценимый вклад в разработку стратегии и тактики культурно-просветительской работы, теории и методики социально-культурной деятельности; в осмысление педагогической культурологии как отрасли научного знания, раскрывающей закономерности вовлечения человека в мир культуры; в создание научной школы, объединяющей учёных и практиков различных сфер формирования культуры личности. За 43 года работы в Санкт-Петербургском государственном институте культуры, из них 25 лет – в качестве заведующего кафедрой социально-культурной деятельности, М. А. Ариарский – доктор культурологии, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, Учитель и общепризнанный лидер профессионального сообщества, опубликовал 380 научных работ, подготовил 122 кандидата наук и 16 докторов наук, провёл большое количество международных конференций, научных семинаров, «круглых столов» по популяризации своего научного направления – педагогической культурологии.

Педагогическая культурология как область научного знания и социальной практики строится на понимании культуры как базового фактора модернизации всех сфер жизнедеятельности и областей духовной жизни общества; как генератора успешного развития государства, ведущей созида-

тельной силы общества; как условия достижения нового, более высокого качества жизни. По мнению М. А. Ариарского, «именно культура может и должна принять на себя функции создания благоприятного нравственно-психологического климата, стимулирующего развитие креативности людей и их гражданской ответственности за судьбы Отечества; именно она призвана обеспечить формирование духовных ценностей, которые порождали бы атмосферу общественного подъёма, способствовали единению народов России в решении вставших перед ними исторических задач» [5, с. 12].

Анализ методолого-теоретических основ педагогической культурологии в контексте реализации Национального проекта «Культура» позволил дать оценку составляющим его федеральным проектам с позиции обоснованности их целей и ожидаемых результатов.

Национальный проект «Культура» состоит из трёх федеральных проектов: «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура».

Федеральный проект «Культурная среда» направлен на повышение качества жизни граждан на основе модернизации инфраструктуры культуры и реновации её объектов, учреждений и в крупных мегаполисах, и сельских домах культуры, формирующих культурное пространство страны. В рамках проекта муниципалитеты получают не менее 660 модельных библиотек, 1 200 современных кинозалов, 500 отремонтированных Домов культуры. В результате проекта жители городов и сёл получают 1 239 новых и модернизированных объектов культуры, современное оборудование получают 3 600 организаций культуры. Драйверами станут 39 Центров культурного развития (ЦКР), которые будут построены по типовым проектам в городах с количеством жителей до

300 тыс. человек. Центры культурного развития – это многофункциональное культурное пространство с концертным залом, музейно-выставочными площадями, библиотекой, помещениями для занятий творчеством и кинозалами для детей и взрослых, сервисными зонами (кафе, сувенирные киоски). В результате реализации проекта доступ к современным услугам ЦКР получат около 5 млн. человек [6].

Такой мощный толчок развитию инфраструктуры, особенно для малых городов и поселений, безусловно, позволит решать многие задачи в процессе реализации культурной политики регионов.

Однако, как неоднократно подчёркивал в своих работах М. А. Ариарский: «... культурная среда – не только и не столько объективная база, позволяющая извлекать духовные ценности. В гораздо большей мере это то, что интериоризовано, освоено человеком, что влияет на его облик, порождает в нём высокие нравственно-эстетические чувства ... Мало окружать себя атрибутами культуры, нужно уметь ими эффективно пользоваться» [1, с. 336]. Иными словами, речь идёт о том, что недостаточно развивать культурную среду только с точки зрения совершенствования инфраструктуры, но и необходимо её наполнять социально значимым, высоким ценностно-смысловым содержанием и обеспечить условия для его активного личностного освоения. Следовательно, создавая развивающую социально-культурную среду, необходимо учитывать особенности того отношения к этой среде, которое каждый человек формирует самостоятельно; среда без личностного освоения человеком не является фактором социального развития и культурной динамики.

В связи с этим совершенно логично, что основной задачей второго Федерального

проекта «Творческие люди» является поддержка творческих инициатив населения. По словам директора Департамента государственной поддержки народного творчества Минкультуры России Оксаны Косаревой, приоритетом данного проекта станет поддержка детей. В рамках нацпроекта народным коллективам впервые будут выделены гранты. Основным результатом реализации национального проекта должно стать увеличение числа посещений учреждений культуры к 2024 году на 15% [6].

Однако количественных показателей результативности проекта недостаточно, чтобы оценить достижение главных его целей – формирования культуры личности, её духовно-нравственных ориентаций, гражданской идентичности, социальной активности. Тем более что в настоящее время явно прослеживается тенденция в изменении статуса учреждений культуры от восприятия их как социальных институтов, основной деятельностью которых является предоставление населению культурно-развлекательных услуг, до отношения к ним как к ведущей сфере формирования культуры личности, развития её креативности. Услуга тиражирует сервисного человека, в то время «как социально-культурная деятельность, которая основана на триединстве ценностей культуры, свободной активности личности и досугового общения, формирует инновационное, креативное общество» [11, с. 132].

Становление педагогической культурологии как нового направления науки и социальной практики в первую очередь было направлено «на разрешение противоречия между способностью культуры отражать и формировать гуманистическую картину мира, синтезировать нравственно-эстетические ценности человечества, духовно обогащать современное общество и реальным

уровнем реализации её созидającego потенциала...» [3, с. 8]. Соответственно, в качестве предмета данной области научного знания выступает «социально-педагогический процесс разностороннего развития личности посредством её вовлечения в систему социально-культурного просвещения и свободного творчества, результатом которого становятся ценности культуры, обновлённая культурная среда и новые, социально значимые качества людей» [1, с. 8].

Идея неотделимости культуры от педагогики, для которой она выступает как цель, стержневая основа и ведущее средство просвещения, обучения и воспитания, постижение которой имеет свою природу и специфику, свои условия и характер, проходит красной нитью через все работы М. А. Ариарского. Он неустанно обращал внимание на всепроникающий характер культуры, широкий диапазон культурных ценностей, который охватывает все стороны человеческого бытия, настоятельно доказывал необходимость в качестве предмета воспитания рассматривать формирование культуры общественной жизни во всём её диапазоне – от политической культуры до культуры повседневности.

В своих работах М. А. Ариарский особое внимание уделял вопросу эффективного использования созидającego потенциала культуры на основе вовлечения населения разных возрастных групп в социально-культурную деятельность, способствующую преобразованию знаний о культуре в нравственно-эстетические качества личности, включающую её в процесс социально-культурного творчества не столько как объекта культурного воздействия, сколько как субъекта культурного творчества. Эти положения обуславливают поиск адекватной системы оценки достижения целей национального проекта,

которая должна включать в себя не только количественные, но и качественные показатели, позволяющие оценить изменения, происходящие в духовной сфере развития личности, влияние культурной среды на её креативность, возвышение духовных потребностей, постижение образов и смыслов культуры.

Третий федеральный проект «Цифровая культура» направлен на расширение доступа жителей всех регионов к ключевым мероприятиям культурной жизни страны. Благодаря проекту появится 500 виртуальных концертных залов, будет организовано 600 онлайн-трансляций. Национальная электронная библиотека получит 48 тыс. оцифрованных книжных памятников. Будет развиваться и проект дополненной реальности «Artefact». И так же, как и в двух предшествующих проектах, обозначен количественный результат – за период с 2019 по 2024 год число обращений к культурным цифровым ресурсам должно увеличиться в пять раз [5].

Серьёзные изменения в сфере культуры невозможны без профессионального развития сотрудников учреждений культуры. Можно отремонтировать театры, Дома культуры, оснастить их новейшим оборудованием, но прежде всего необходимо подготовить специалистов, владеющих технологиями постижения культуры и методиками оценки их эффективности, средствами создания медиапространства и виртуальной культурной среды. Именно поэтому представляется очень важной задача переподготовки и повышения квалификации 200 тыс. работников культуры, заявленная в рамках проекта «Творческие люди». Принципиальное значение в его реализации имеет профессиональная подготовка кадров новой формации, способных в качестве менеджеров социально-культурной деятельно-

сти не только воплощать в жизнь федеральные проекты, но и принять на себя функции повышения квалификации работников культуры.

Становление педагогической культурологии способствовало утверждению принципиально нового подхода к профессиональной подготовке специалистов социально-культурной сферы. Марк Ариевич Ариарский писал: «В современных условиях сама жизнь диктует необходимость формирования у всех без исключения слоёв населения умений и навыков успешного функционирования в креативно-информационной цивилизации, а это достигается не директивами и приказами, а последовательным и целенаправленным воспитательным воздействием, в процессе которого личность сохраняла бы полную свободу выбора содержания и форм развития своих творческих качеств. Наиболее адекватной решением этих задач выступает социально-культурная деятельность, основу которой составляет формально не регламентированная, сверхнормативная самодеятельность и инициатива людей. Стимулируя развитие творческих потенций личности в условиях досуга, в коллективе художественной самодеятельности и, главным образом, в органах общественного самоуправления, она формирует креативные качества, которые люди могут реализовать и в сфере производства, и в политической жизни, и в самоорганизации повседневного быта. А это значит, что эта базовая специальность, обеспечивающая стимулирование креативных качеств человека и развитие гражданского общества, ныне оказалась на острие механизмов формирования гражданина, способного проявлять инициативу, социальную активность и эффективно включиться в процесс модернизации российского общества» [5, с. 11–12].

Раскрывая педагогическую культурологию как область практического преломления закономерностей культуры и культурной деятельности, М. А. Ариарский обосновал модель профессиональной подготовки специалистов, призванных выявлять, удовлетворять и развивать духовные потребности разных групп населения, проектировать целевые культурные программы и технологии их реализации, владеть механизмами управления социально-культурной деятельности, стимулировать развитие социально-культурного творчества на основе интеграции традиционных и инновационных форм его организации.

Таким образом, заканчивая анализ наследия М. А. Ариарского в контексте реализации Национального проекта «Культура», необходимо отметить силу его научно-

го предвидения и активной гражданской позиции. Идеи, научные положения, выводы Учёного в условиях достижения целей и задач федеральных проектов приобретают сегодня особое значение, поскольку:

- обосновывают механизм становления человека как субъекта культуры в условиях информационного общества;
- актуализируют общие проблемы культуры как явления духовной жизни и формирования человека как её носителя на этапе становления креативно-информационной цивилизации;
- доказывают необходимость тесной связи науки с решением задач государственной культурной политики и преодолением дискретности информационного пространства в процессе внедрения достижений науки в социально-культурную практику.

Примечания

1. Ариарский М. А. Педагогическая культурология: [в 2 томах] / Министерство культуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор». Санкт-Петербург : Концерт, 2012-. Том 1 : Методология и методика постижения культуры. 2012. 400 с.
2. Ариарский М. А. Педагогическая культурология: [в 2 томах] / Министерство культуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор». Санкт-Петербург : Концерт, 2012-. Том 2 : Социально-культурная деятельность и технологии её организации. 2012. 448 с. : ил., табл.
3. Ариарский М. А. Педагогическая культурология как средство интеграции философской антропологии, культурологии и педагогики постижения культуры // Вестник Северо-Западного отделения Российской академии образования. 2013. № 2 (14). С. 4–16.
4. Ариарский М. А. Социально-культурная деятельность как предмет научного осмысления. Санкт-Петербург, 2008. 792 с.
5. Ариарский М. А. Социально-культурная деятельность в условиях модернизации духовной жизни России // Социально-культурная деятельность в условиях модернизации России : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции 24–25 января 2013 г. Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2013. С. 8–15.
6. Национальный проект «Культура» [Электронный ресурс]. URL: <https://strategy24.ru/rf/projects/project/view?slug=natsional-nyu-proyekt-kul-tura&category=culture>
7. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года : утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р [Электронный ресурс] // Гарант.ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71243400/>
8. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. N 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс] // Гарант.ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <https://base.garant.ru/70828330/>

9. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] // Гарант.ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>
10. Ярошенко Н. Н. История и методология теории социально-культурной деятельности : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 071800 – Социально-культурная деятельность / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет культуры и искусств. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : МГУКИ, 2013. 455 с.
11. Ярошенко Н. Н. Развивающая среда и социально-культурная деятельность в контексте педагогики культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2012. № 6 (50). С. 130–134.

References

1. Ariarsky M. A. *Pedagogicheskaya kul'turologiya, v 2 tomakh. Tom 1. Metodologiya i metodika postizheniya kul'tury* [Pedagogical cultural studies, v 2 vol. Vol. 1. Methodology and methods of comprehension of culture]. St. Petersburg, Publishing house "Koncert", 2012. 400 p.
2. Ariarsky M. A. *Pedagogicheskaya kul'turologiya, v 2 tomakh. Tom 2. Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' i tekhnologii ee organizatsii* [Pedagogical cultural studies, v 2 vol. Vol. 2. Social and cultural activity and technologies of its organization]. St. Petersburg, Publishing house "Koncert", 2012. 448 p.
3. Ariarsky M. A. *Pedagogicheskaya kul'turologiya kak sredstvo integratsii filosofskoy antropologii, kul'turologii i pedagogiki postizheniya kul'tury* [Pedagogical cultural studies as a means of integrating philosophical anthropology, cultural studies and pedagogy of comprehension of culture]. *Vestnik Severo-Zapadnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii obrazovaniya* [Bulletin of the North-West Branch of the Russian Academy of Education]. 2013, no. 2 (14), pp. 4–16.
4. Ariarsky M. A. *Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' kak predmet nauchnogo osmysleniya* [Social and cultural activity as a subject of scientific reflection]. St. Petersburg, 2008. 792 p.
5. Ariarsky M. A. *Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' v usloviyakh modernizatsii dukhovnoy zhizni Rossii* [Social and cultural activity in the modernization of the spiritual life of Russia]. *Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' v usloviyakh modernizatsii Rossii. Sbornik statey po materialam vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 24–25 yanvarya 2013 goda*. [Social and cultural activity in the context of Russia's modernization. A collection of articles based on materials of the All-Russian scientific-practical conference January 24–25, 2013]. St. Petersburg, Publishing house of the St. Petersburg State University of Culture and Arts, 2013. Pp. 8–15.
6. *Natsional'nyy proekt "Kul'tura"* [National project "Culture"]. Available at: <https://strategy24.ru/rf/projects/project/view?slug=natsional-nyy-proyekt-kul-tura&category=culture>
7. *Strategiya gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na period do 2030 goda: utverzhdena rasporyazheniyem Pravitel'stva RF ot 29 fevralya 2016 g. № 326-r* [The strategy of the state cultural policy for the period until 2030: approved by the order of the Government of the Russian Federation of February 29, 2016 No. 326-p]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71243400/>
8. *Ukaz Prezidenta RF ot 24 dekabrya 2014 g. N 808 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy kul'turnoy politiki"* [Presidential Decree of December 24, 2014 N 808 "On the approval of the Fundamentals of the state cultural policy"]. Available at: <https://base.garant.ru/70828330/>
9. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 7 maya 2018 g. № 204 "O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda"* [Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024"]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>

10. Yaroshenko N. N. *Istoriya i metodologiya teorii sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti* [History and methodology of the theory of social and cultural activity]. 2nd edition. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2013. 455 p.

11. Yaroshenko N. N. Razvivayushchaya sreda i sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' v kontekste pedagogiki kul'tury [Developing environment and socio-cultural activities in the context of the pedagogy of culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2012, no. 6 (50), pp. 130–134.

*

ФОРМИРОВАНИЕ ДОСУГОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

УДК 379.8.09

Д. В. Шамсутдинова, Р. И. Турханова, А. В. Иванова

Казанский государственный институт культуры

Авторы рассматривают основные проблемы реализации досуговых компетенций студентов в условиях привлечения их к различным видам социально-культурной практики; анализируются уровни развития личности в условиях социокультурной среды; даётся представление о требованиях к воспитанию личности в высшем учебном заведении. В статье рассмотрены основные сущностные характеристики формирования досуговых компетенций с учётом новых требований к развитию личности. Авторы представили свой взгляд на решение проблемы организации социально-культурной практики в вузе. Расширено представление о научном характере функционирования социально-культурной деятельности как сферы культурного позиционирования.

Ключевые слова: досуговые компетенции личности, социокультурная среда, вуз, социально-культурная практика.

---

¹ШАМСУТДИНОВА ДИЛЬБАР ВАЛИЕВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности и педагогики социально-гуманитарного факультета Казанского государственного института культуры

SHAMSUTDINOVA DILBAR VALIEVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Social and Cultural Activity and Pedagogy, the Faculty of Social and Humanities, the Kazan State Institute of Culture

²ТУРХАНОВА РАЙХАНА ИБРАГИМОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности и педагогики социально-гуманитарного факультета Казанского государственного института культуры

TURKHANOVA RAYKHANA IBRAGIMOVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activity and Pedagogy, the Faculty of Social and Humanities, the Kazan State Institute of Culture

³ИВАНОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности и педагогики социально-гуманитарного факультета Казанского государственного института культуры

IVANOVA ANNA VLADIMIROVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Senior Teacher of the Department of Social and Cultural Activity and Pedagogy, the Faculty of Social and Humanities, the Kazan State Institute of Culture

e-mail: f_sg@kazgik.ru¹, r.turhanova@gmail.com², ivanova-ann-909@mail.ru³

© Шамсутдинова Д. В., Турханова Р. И., Иванова А. В., 2018

D. V. Shamsutdinova, R. I. Turkhanova, A. V. Ivanova

Kazan State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Orenburgsky tract, 3, 420059, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

*THE FORMATION OF INDIVIDUAL'S LEISURE COMPETENCIES
IN THE CONDITIONS OF HIGHER EDUCATION
INSTITUTION'S SOCIAL AND CULTURAL PRACTICE*

The authors consider the main problems of implementing leisure competencies of students in the context of attracting them to various types of social and cultural practice; analyzes the levels of personal development in a social and cultural environment; it gives an idea of the requirements for the education of the individual in higher education. The article discusses the main intrinsic characteristics of the formation of leisure competencies, taking into account the new requirements for personal development. The authors presented their views on solving the problem of organizing social and cultural practice at the University. The understanding of the scientific nature of the functioning of social and cultural activity as a sphere of cultural positioning has been expanded.

Keywords: individual's leisure competencies, social and cultural environment, university, social and cultural practice.

Для цитирования: Шамсутдинова Д. В., Турханова Р. И., Иванова А. В. Формирование досуговых компетенций личности в условиях социально-культурной практики высшего учебного учреждения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 115–122.

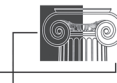
Формирование досуговых компетенций личности в условиях социально-культурной практики высшего учебного заведения связано с воспитательным и образовательным потенциалом заведения, его воспитательными планами и организацией социально-культурного развития личности в условиях привлечения её к социально значимым событиям.

Досуговые компетенции – это новая форма развития личности, связанная с использованием культурологического направления образовательного учреждения и современными технологиями развития социокультурной активности личности на основе её досуговых потребностей.

Компетенции человека сегодня определяются рядом новых социально-культурных знаний, который он применяет как в условиях свободного времени, так и в условиях социально-культурных изменений, происходящих в обществе. На наш взгляд,

досуговые компетенции связаны с использованием личностью знаний в области информационных технологий, её стремлением участвовать в современных социально-культурных событиях, быть креативной, позитивной и конкурентоспособной. Досуговая культура человека определяет широту и направленность досуговых компетенций, которые состоят из следующих компонентов:

- мотивационно-ценностный компонент: стремление личности удовлетворить свои досуговые потребности на основе новых социокультурных знаний;
- деятельностный компонент: умение человека применять досуговые умения и навыки в избранной области культурно-досуговой деятельности;
- ценностно-ориентационный компонент: ориентация личности в системе организации своего свободного времени в условиях привлечения её к новым социаль-

но-культурным формам развития на основе новых технологий;

- рефлексивный компонент: понимание личностью происходящих социально-культурных изменений и оценка ею новых социально-культурных ценностей общества;
- поведенческий компонент: умение личности строить свою линию поведения в условиях коммуникаций и развития досугового пространства на основе способностей и интересов.

Досуговая компетенция личности – это форма социально-культурного сознания личности, опосредованная новыми знаниями и умениями в условиях социально-культурной трансформации общества и связанная с использованием своих навыков в области социально-культурной сферы. На наш взгляд, социально-культурная сфера сегодня предоставляет большие возможности для развития личности в системе социально-культурной практики высшего учебного заведения. Многие формы воспитательной работы сегодня связаны с изменениями культурного пласта и социально-экономической направленности культурной сферы, появлением новых культурных продуктов и возможностей. *Социально-культурная направленность личности определяется её компетенциями в условиях понимания значимости социально-культурных ценностей и социально-культурного значения новых социальных отношений. Социально-культурное развитие личности в условиях практики связано с использованием ею новых возможностей для развития в условиях социально-культурного пространства.*

Современные технологии развития личности в системе высшего учебного заведения связаны с технологиями креативного позиционирования своих талантов, с социально-культурными инновациями и мультимедийными новинками, а также с реали-

зацией инновационного потенциала социально-культурной среды [4]. Новые формы развития личности опосредованы культурологическими и техногенными знаниями и связаны с социальными инновациями в различных сферах.

Социально-культурная практика – это система вовлечения молодёжи в технологические уровни и связи социально-культурной среды, опосредованной социальными возможностями мультимедиа. Технологии Интернета влияют на досуговые компетенции личности, которая использует ценности мирового глобального пространства при одновременном понимании своей ограниченности в возможностях передвижения. Знакомство с современными мировыми досуговыми технологиями позволяет личности усваивать новые ценности в режиме онлайн, быстро и мобильно мыслить, при этом оставаясь в ограниченном культурном пространстве своего микромира. Это форма социального развития сегодня должна учитываться в воспитательных планах высшего учебного заведения – студенты много знают, ждут от своих педагогов новых социально-культурных знаний, отвечающих веяниям времени и соответствующих досуговой практике, связанной с ценностями мирового культурного значения.

Студенты Казанского государственного института культуры участвуют в международных конкурсах, посещают выставки в лекционно-выставочном зале вуза, разрабатывают различные творческие проекты, принимают участие в работе инновационно-образовательного центра трансфера знаний, проявляют большой интерес к овладению новыми навыками, к новым видам творчества, повышают свой профессиональный уровень, принимают участие в различных формах социально-культурной деятельности, стремясь реализовать многие

инновационные социально-культурные решения. Наши студенты участвуют в региональном этапе Чемпионата «Молодые профессионалы» (World Skills Russia) по компетенциям: «Звукорежиссура», «Организация экскурсионных услуг», «Администрирование отеля», «Туризм».

Многие формы социально-культурной практики, такие как увлечение различными художественно-творческими направлениями (декоративно-прикладным искусством, пением, танцами, музыкой и другими), которые связывают новые формы социально-культурной практики и традиционные системы обучения молодёжи с умениями и навыками творческого саморазвития, отвечают современным требованиям развития досуговых компетенций молодёжи, основаны на учёте новых социально-культурных тенденций развития общества. Как видим, культурное позиционирование личности невозможно без связи с различными социально-культурными учреждениями, которые и обеспечивают условия для молодёжи в процессе использования новых знаний и применения новых границ технологического воплощения навыков.

Стандартные задания, скучные приёмы сегодня не могут удержать внимание молодёжи и вызвать у неё интерес к новым социально-культурным технологиям, поэтому многие формы работы с молодёжью в процессе организации её досуговой деятельности претерпели значительные изменения, стали более социально адаптированными. Современная молодёжь в свободное время ищет возможности не только для личного саморазвития, но и для развития своих профессиональных знаний, проявляет социальную активность, участвуя в волонтёрских программах, гражданско-правовых движениях, культурно-массовых городских мероприятиях, благотворительных акциях.

Досуговые компетенции сегодня определяются индивидуальными потребностями личности, которые являются важным фактором становления человека в условиях его адаптации в обществе. Методология досуговедения связана с реализацией новых возможностей социально-культурной среды на основе внедрения инновационных проектов и программ, стимулирующих развитие молодёжи в условиях её духовно-нравственного самосовершенствования, культурного позиционирования своих техногенных знаний, использования современных коммуникационных каналов для формирования новых социально-культурных отношений. Социальная культурная среда предлагает личности выставки, спектакли, акции, проекты, флешмобы, которые увязывают проблему замкнутости и ограниченности личности, не имеющей сформированных досуговых навыков, и культурную активность её новых потребностей, которые она стремится удовлетворить.

Социум и его векторы, его уровни открывают новые возможности для овладения социокультурными знаниями только при условии понимания, что высшее учебное заведение организует те формы практики, которые становятся доступными для молодёжи в процессе установления партнёрско-деловых отношений с социально-культурными учреждениями. Студенты приходят на культурно-досуговые мероприятия не в качестве частного лица, а имея конкретный социальный статус, который позволяет им максимально удовлетворить свой досуговый интерес в системе социокультурной практики на базе обучения в высшем учебном заведении. Таким образом, организация свободного времени личности в процессе формирования её досуговой компетенции в высшем учебном заведении имеет свои особенности:

- социально-культурная активность студента формируется под контролем официального учреждения, что накладывает определённые обязанности как на него, так и на само заведение;

- досуговые компетенции формируются не стихийно, а целенаправленно при условии понимания значимости государственных норм;

- имеет значение знание и исполнение правил поведения в общественных местах в соответствии с кодексом вуза;

- культура студента, его кругозор расширяются в условиях многосекторной и многоуровневой культурной практики за счёт различной тематики воспитательных планов вузов, что отличается от формирования досуговых компетенций частного лица;

- социально-культурная практика вуза всегда защищена законом и обязанностями студентов перед учреждением;

- социально-культурная практика вуза – это система профессионального повышения знаний при одновременном сочетании организации свободного времени и системы личного познания.

Развитие досуговых компетенций личности обусловлено новыми возможностями социокультурной среды, использованием коммуникативного потенциала различных форм социально-культурной практики. Многие исследования подчёркивают, что современное досуговое развитие личности определяется контролирующим и функционирующим законодательством, направлением государственной культурной политики [5; 6]. Новые решения государственных органов власти направлены на обеспечение молодёжных грантов и проектов, решающую роль в развитии которых играют коммуникационные каналы и коммуникативные системы развития человека. Воз-

можности социально-культурного обеспечения процесса формирования досуговых компетенций личности в условиях социально-культурной практики высшего учебного учреждения появляются благодаря новым связям с министерствами, финансированию молодёжных проектов, организации их новых направлений, использованию культурологического потенциала социума. Социальное развитие личности связано с реализацией индивидуальных форм развития социально-культурных знаний, которые обеспечиваются новыми технологиями развития мышления и творческой деятельности.

Так, Ю. А. Бессонова, О. В. Степанченко отмечают, что системный подход к организации досуга личности связан с новыми терминологическими свойствами социокультурной деятельности, которые определяются развитием новых социально-культурных форм организации досуга человека. Авторы отмечают, что методология социокультурной деятельности не связывает сегодня новые формы социального развития личности и традиционные формы досуга, в силу их устаревшей основы, однако фундаментальные ценности по-прежнему важны в организации досуга молодёжи [1]. А. Ю. Домбровская считает, что «социально-культурная деятельность как профессионально-отраслевой феномен представляет собой систему профессиональной деятельности, стимулирующую на государственно-нормативной основе духовное развитие, культурную активность личности и социума в условиях свободного времени» [2, с. 10]. А. Д. Жарков пришёл к заключению, что «ценностная направленность анализа социально-культурной деятельности обуславливает определённые требования к изучению её реального состояния. В задачу этого анализа входят выявление наиболее устойчивых и действен-

ных социально-культурных процессов, установление направлений и тенденций их развития, а также оценка их вклада в научный прогресс» [3, с. 422]. Таким образом, выявленные позиции учёных связаны с использованием всего потенциала социально-культурной деятельности в обосновании формирования досуговых компетенций личности на основе социального и культурного свойств социокультурной среды.

Культурное развитие личности в вузе имеет свои аспекты, связанные с реализацией целого набора качеств и направлений, в процессе реализации которых большое значение имеет новый масштаб современных социокультурных знаний. Социокультурные знания связаны с реализацией назначения индивида как личности, которая стремится к достижению определённой цели. Важно отметить, что культурные и досуговые компетенции связаны с умениями ценить природу и искусство, анализировать события общественной жизни, понимать значение национальных традиций и ценностей, повышать свою профессиональную грамотность, использовать социально-культурный потенциал в системе новых духовно-нравственных категорий.

Высшее учебное заведение – это заведение, связанное с реализацией различных уровней и форм развития студента по профессиональным, социальным и культурным направлениям, имеющим ценность для общества с позиции морально-нравственных и социально значимых норм. Кроме этого, высшее учебное заведение является эталоном в образовании, воспитании и обучении молодёжи, так как его позиции определяются законченными формами профессиональной специализации и опосредованы заказом общества на полноценную личность профессионала в какой-либо области. Социально-культурная практика высше-

го учебного заведения должна строиться на основе новых нормативных положений, регулирующих высшее образование, определяться возможностями социально-культурной сферы и уровнем педагогической квалификации профессорско-педагогического состава.

По нашему мнению, социально-культурная практика в вузе имеет свою специфику:

1. Личность находится в условиях принятия новых социокультурных ценностей только при условии использования различных социально-культурных знаний как формы реализации культурно-смыслового понимания происходящих событий.

2. Трактовка многих социально-культурных процессов происходит на основе новых связей между личностью и средой, что обусловлено развитием её возможностей в силу инновационных процессов в творчестве и креативных процессов в условиях культурного изменения социума.

3. Социальная обусловленность происходящих перемен в культуре и искусстве, в досуговой деятельности связана с реализацией личностью своего потенциала на основе культурно-коммуникационных связей, имеющих направленность на конкретный социокультурный результат.

4. Практика человека обусловлена не только умениями и навыками, которые он получает, но и тем, как он умеет распоряжаться своим досуговым временем.

5. Социально-культурный опыт личности опирается на реализацию новых возможностей, приносящих ей удовлетворение.

6. Социум и его сфера имеют новые формы самореализации личности – культурное позиционирование своих способностей, креативное мышление, появление творческих видов деятельностного опыта,

а также культурно-смысловые и мировоззренческие установки человека, связанные с новыми направлениями социально-культурной деятельности.

7. Различие между социально-культурной практикой и социально-культурной деятельностью состоит в том, что практика направлена на процессуальные системы, а деятельность – на конечный результат, который подтверждает, что эта деятельность состоялась.

8. Социально-культурная сфера связана с реализацией опыта личности на основе потребностей в развитии своих талантов, интереса к новым видам досуга, формирования коммуникабельности в системе позиционирования продуктов своего труда в какой-либо культурно-досуговой области.

Система развития досуговых компетенций личности – это целенаправленный процесс развития функционально-потребностных свойств личности, мотивов овладения досугом, стремления найти новые возможности для саморазвития. Однако этот процесс нуждается в педагогическом обеспечении с точки зрения применения новых социально-культурных технологий – технологий альтернативного направления, инновационных технологий, информационных технологий, культуротворческих технологий, имеющих систему функционального зонирования и индивидуально-го развития человека. Важным свойством данного процесса выступает культурная самореализация человека в условиях формирования компетенций использования новых знаний, компетенций владения информацией, компетенций историко-культурного развития, компетенций межпредметного направления. Все эти компетенции определяют направленность личности на усвоение современных социокультурных тенденций развития общества. Взаимосвязи

между досуговыми компетенциями и технологиями их реализации в новом социокультурном пространстве направлены на выявление технологичного и креативного потенциала досуга для культурного развития личности в условиях понимания правил здорового образа жизни, принятия ценностей гражданского общества, понимания значения межнационального общения, стремления к овладению нравственными категориями бытия, умения общаться с разными возрастными группами, стремления к профессиональному росту.

Таким образом, социально-культурная активность студентов в высшем учебном заведении обусловлена следующими досуговыми компетенциями:

- умением планировать свой досуг, исходя из времени, бюджета, потребностей, интересов, желаний и увлечений;
- стремлением реализовать набор способностей сразу в нескольких видах досуга;
- умением принимать адекватные решения на основе развития мышления в области досугового времяпровождения;
- стремлением к различным уровням коммуникации;
- овладением навыками использования свободного времени на основе новых и старых социокультурных ценностей;
- желанием сочетать свободное время и развитие профессиональных компетенций в различных видах творчества.

Итак, досуговые компетенции личности сегодня связаны с набором социокультурных качеств человека, направленных на развитие мышления и познания благодаря современным возможностям социокультурной среды. Новые грани досуговых компетенций реализуются в деятельности, поведении и творчестве личности при условии многовариативного социально-коммуникативного пространства, обеспечивающе-

го наличие у человека стремления к новым социокультурным отношениям. Контролирующую функцию в этом направлении способны обеспечить высшие учебные заведения – как объекты целевого масштабного культурного, социального и профессио-

нального развития личности. А это значит, что необходимо стремиться создавать условия для нашей молодёжи в целях умственного, нравственного, художественно-творческого развития в соответствии с новыми реалиями современности.

Примечания

1. Бессонова Ю. А., Степанченко О. В. Понятийно-терминологическая система социально-культурной деятельности. Санкт-Петербург : Лань, 2017. 160 с.
2. Домбровская А. Ю. Методы научного исследования социально-культурной деятельности : учебно-методическое пособие. Санкт-Петербург [и др.] : Лань : Планета музыки, 2013. 159 с.
3. Жарков А. Д. Теория, методика и организация социально-культурной деятельности. Москва : МГУКИ, 2012. 456 с.
4. Шамсутдинова Д. В., Турханова Р. И. Реализация педагогического потенциала социально-культурной деятельности в условиях формирования досуговой культуры молодёжи и подростков // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив : материалы Международной электронной научно-практической конференции / под научной редакцией П. П. Терехова. Казань, 2018. С. 283–289.
5. Шарковская Н. В. Организационные основы формирования социально-культурной активности личности будущего специалиста // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусства. 2009. № 1 (5). С. 22–25.
6. Шарковская Н. В. Аксиологическая направленность культуротворческих форм активного досуга современного студенчества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 1 (81). С. 142–149.

References

1. Bessonova Yu. A., Stepanchenko O. V. *Ponyatiyno-terminologicheskaya sistema sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [Conceptual and terminological system of social and cultural activity]*. St. Petersburg, Publishing house "Lan", 2017. 160 p.
2. Dombrovskaya A. Yu. *Metody nauchnogo issledovaniya sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [Methods of scientific research social and cultural activity]*. St. Petersburg, Publishing house "Lan", Publishing house "Music Planet", 2013. 159 p.
3. Zharkov A. D. *Teoriya, metodika i organizatsiya sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [Theory, technique and organization of welfare activity]*. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2012. 456 p.
4. Shamsutdinova D. W., Turkhanova R. I. *Realizatsiya pedagogicheskogo potentsiala sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti v usloviyakh formirovaniya dosugovoy kul'tury molodezhi i podrostkov [Realization of the pedagogical potential of social and cultural activities in the conditions of the formation of leisure culture of young people and teenagers]*. In: Terekhov P. P., ed. *Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost': vektory issledovatel'skikh i prakticheskikh perspektiv. Materialy Mezhdunarodnoy elektronnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Social and cultural activity: vectors of research and practical perspectives. Materials of the International Electronic Scientific and Practical Conference]*. Kazan, 2018. Pp. 283–289.
5. Sharkovskaya N. V. *Organizatsionnye osnovy formirovaniya sotsial'no-kul'turnoy aktivnosti lichnosti budushchego spetsialista [Organizational basis for the formation of the socio-cultural activity of the personality of the future specialist]*. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2009, no. 1 (5), pp. 22–25.
6. Sharkovskaya N. V. *Axiological orientation of cultural forms of active leisure of modern students. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2018, no. 1 (81), pp. 142–149. (In Russian)

*

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРОСТКОВ

УДК 37.036

Т. Ю. Семак

Московский государственный институт культуры

В статье анализируется процесс личностно ориентированного эстетического воспитания подростков в условиях социально-культурной деятельности. Рассмотрено понятие «личностно ориентированное эстетическое воспитание». В качестве базовых социально-культурных условий личностно ориентированного эстетического воспитания автором выделены организация полисубъектного взаимодействия в процессе эстетической творческой деятельности подростков и родителей, а также направленность социально-культурной деятельности на поддержку формирования эстетических потребностей подростков в творческой деятельности, которая обеспечивает интериоризацию эстетических ценностей. В качестве практической апробации социально-культурных условий личностно ориентированного эстетического воспитания представлен авторский проект «Арт-студия семейного творчества».

Ключевые слова: эстетическое воспитание, художественное воспитание, эстетические потребности, личностно ориентированное художественно-эстетическое воспитание, социально-культурная деятельность, арт-студия, развитие личности, воспитанность.

T. Yu. Semak

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

SOCIAL AND CULTURAL CONDITIONS OF THE PERSONALITY ORIENTED AESTHETIC EDUCATION OF TEENAGERS

The article analyzes the process of personality oriented aesthetic education of adolescents in terms of social and cultural activities. The concept of “personally oriented aesthetic education” is considered.

As the basic social and cultural conditions of personality oriented aesthetic education, the author identifies the organization of polysubject interaction in the process of aesthetic creative activity of adolescents and parents, as well as the focus of social and cultural activity to support the formation of aesthetic needs of adolescents in creative activity, which provides interiorization of aesthetic values. The author’s project “Art Studio of Family Creativity” is presented as a practical approbation of social and cultural conditions of personality oriented aesthetic education.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА СЕМАК – аспирантка кафедры менеджмента и технологий социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

SEMAK TATYANA YURYEVNA – graduate student of the Departments of Management and Technologies of Social and Cultural Activity, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: tatianasemak@bitrix24.ru

© Семак Т. Ю., 2018

Keywords: aesthetic education, artistic education, aesthetic needs, personality oriented artistic and aesthetic education, social and cultural activity, Art Studio, personal development, education.

Для цитирования: Семак Т. Ю. Социально-культурные условия личностно ориентированного эстетического воспитания подростков // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 123–130.

Эстетическое воспитание подростков является одной из наиболее социально востребованных составляющих современного образовательного процесса и социально-культурного воспитания, осуществляемого в системе общего и дополнительного образования, в учреждениях культуры.

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» сказано, что стратегической целью государственной политики в области образования является «повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина» [10]. Эта цель конкретизирована в «Стратегии модернизации российского образования», где в числе важнейших задач предусмотрено значительное улучшение художественного образования и эстетического воспитания учащихся. Отмечено, что «необходимо развивать чувство прекрасного, формировать высокие эстетические вкусы, умение понимать и ценить произведения искусства, памятники истории и архитектуры, красоту и богатство родной природы» [13].

Поэтому сегодня особого внимания заслуживают новые формы, методы, технологии эстетического воспитания, способствующие развитию личности подростка на основе художественных ценностей.

Одним из главных источников приобретения эстетического опыта современных подростков является искусство как выражение эстетического отношения человека

к действительности. Кроме того, искусство, используемое в учебно-воспитательном процессе образовательной организации, является основным и довольно эффективным средством эстетического воспитания подростков. Между тем это направление не в полной мере учитывает изменившиеся эстетические потребности современных подростков, специфику их включения в систему художественных коммуникаций, которые реализуются преимущественно опосредованно медийными и сетевыми ресурсами.

Формирование социально значимых эстетических интересов и потребностей личности, учитывающее особенности современных подростков, наиболее успешно достигается включением социально-культурной деятельности в систему эстетического воспитания.

Эстетическое воспитание личности, являясь одной из важнейших задач, решаемых современной школой и другими социокультурными институтами, имеет богатые традиции научного осмысления. Так, идеи эстетического воспитания зародились ещё во времена Платона и Аристотеля. С течением времени представления о сущности эстетического воспитания, его целях и задачах изменялись. Эти изменения были обусловлены развитием эстетики как науки. Философы-материалисты (Д. Дидро и Н. Г. Чернышевский) считали, что объектом эстетики как науки является прекрасное [8]. Эта категория легла в основу многочисленных педагогических трактовок эстетического воспитания (Д. Б. Кабалевский, В. С. Кузин, Б. М. Неменский, Л. М. Предтеченская,

Л. В. Школяр, Б. П. Юсов и другие) как уникальной и специально создаваемой системы «мероприятий, направленных на выработку и совершенствование в человеке способности воспринимать, правильно понимать, ценить и создавать прекрасное и возвышенное в жизни и искусстве» [2, с. 45].

В отечественной педагогике достаточно подробно разработан понятийно-категориальный аппарат эстетического воспитания, содержащий понятия классической теории эстетического воспитания, общие с эстетикой, и понятия, характеризующие закономерности и принципы, методы и приёмы эстетического воспитания.

Можно, на наш взгляд, выделить основные общие моменты, раскрывающие его педагогическую сущность. Во-первых, эстетическое воспитание – процесс целенаправленного воздействия. Во-вторых, это формирование способностей воспринимать и оценивать красоту в искусстве и жизни. В-третьих, его задачей является формирование эстетических вкусов и идеалов личности. И, наконец, в-четвёртых, эстетическое воспитание включает в себя развитие творческих способностей с целью создания прекрасного.

По мнению Е. Ю. Волчегорской [5, с. 9–10] в настоящее время сложилось три основных направления в теории эстетического воспитания:

- «традиционное (классическое) представление об эстетическом воспитании как воспитании человека, чувствительного к “прекрасному” в искусстве и в окружающей действительности через усвоение нормативных эстетических образцов» [5, с. 9]. Здесь в качестве общей характеристики указывается «унифицированный подход к выделению эстетических ценностей, составляющих некий обязательный минимальный эстетический потенциал чело-

века вне зависимости от его социального происхождения, положения, образа жизни и т.п.» [см.: 16, с. 75];

- «неоклассическая ориентация эстетического воспитания, опирающаяся на преобладавшие в 20–80-х годах XX века концепции социологизаторского характера в эстетике и теории эстетического воспитания (например, выявление теоретико-педагогических основ эстетического воспитания, направленного на решение конкретных задач» [5, с. 9–10]. Его отличие – ориентация на прагматический характер процесса усвоения эстетических ценностей для социализации личности в процессе эстетического воспитания;

- личностно ориентированное направление в теории и практике эстетического воспитания, которое «рассматривает личность ребёнка как начало и основу целостного процесса эстетического воспитания» [5, с. 10]. Это направление характеризуется устремлением эстетического воспитания к идеалам эстетически развитой личности, восприимчивой и отзывчивой к многообразию мира.

В контексте третьего направления в современной российской педагогике появляются исследования, обосновывающие необходимость личностно ориентированной работы по эстетическому воспитанию (Е. Ю. Волчегорская [4; 5], А. Ю. Гончарук [6], Г. И. Кудина [7], А. Ж. Овчинникова [11], Л. П. Печко [12] и другие). И сегодня, наряду с другими понятиями, применяется относительно новое для теории эстетического воспитания понятие «личностно ориентированное художественно-эстетическое воспитание», которое рассматривается как процесс полисубъектного взаимодействия, учитывающий индивидуальные и возрастные особенности ребёнка, направленный на интериоризацию эстетических ценностей

с целью формирования его эстетической воспитанности [4; 5].

Личностно ориентированная модель эстетического воспитания полностью соответствует формирующимся в современной социально-культурной деятельности подходам к организации творчества подростков, их коллективного участия в социальных акциях, включению в разновозрастные художественно-творческие объединения, поддержке творческого взаимодействия с родителями. Между тем теоретический анализ процесса эстетического воспитания и его личностно ориентированной направленности нуждается в конкретизации на уровне разработки инновационных технологий социально-культурной деятельности [1; 17; 18 и другие].

Одним из наиболее эффективных способов соотнесения задач эстетического воспитания и личностного развития подростков, на наш взгляд, является организация совместного досуга подростков и их родителей.

Семейный досуг – это часть социального времени семьи, которая используется для сохранения, восстановления и развития физических и духовных потребностей, интеллектуального совершенствования, сохранения благоприятного климата. Совместный семейный досуг является достаточно совершенным механизмом сплочения членов семьи, разрешения конфликтов, достижения общих целей и формирования ценностей. Он даёт возможность каждому члену современной семьи развивать многие стороны своей личности, в том числе собственный талант.

В качестве базового социально-культурного условия личностно ориентированного эстетического воспитания нами была выделена организация полисубъектного взаимодействия в процессе эстетиче-

ской творческой деятельности подростков и родителей.

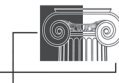
Данное условие обеспечивает педагогически эффективный уровень взаимодействия, который учитывает возрастные особенности подростков, специфику их социально-культурного развития и, безусловно, специфику эстетического восприятия, сложившегося у них на основе множественности эстетических впечатлений от окружающего мира, природы, произведений искусства.

Второе базовое условие – направленность социально-культурной деятельности на поддержку формирования эстетических потребностей подростков в творческой деятельности, которая обеспечивает интериоризацию эстетических ценностей.

Это условие задаёт общий вектор личностного развития подростка, поскольку охватывает сразу несколько значимых личностных структур – развивает мотивацию к творчеству, эмоциональность и способность к эмпатии, готовность к деятельности.

В рамках выявления и апробации социально-культурных условий личностно ориентированного эстетического воспитания был разработан авторский проект «Арт-студия семейного творчества» [14]. В основу деятельности этой студии легли личностно ориентированный подход и технологии, позволяющие решать проблемы детей как одарённых, так и имеющих отклонения от нормы развития, как самостоятельных, так и находящихся в зависимости от взрослых, социально незащищённых и правонарушителей [15].

Характерно, что предлагаемый проект позволит кооперировать воспитательные возможности родителей, создавать условия для обмена педагогическим опытом, организовывать богатую по формам и содержанию жизнь самодеятельного объединения.

Важная особенность арт-проекта состоит в том, что субъектом организации объединения семейно-педагогической ориентации могут быть как профессиональные педагоги, так и сами родители.

Цель проекта: содействие восстановлению и гармонизации детско-родительских взаимоотношений при помощи арт-технологий.

Задачи проекта:

- разработать программу совместной художественно-творческой деятельности подростков и их родителей в арт-студии;
- организовать деятельность арт-студии как инновационной формы взаимодействия семьи и учреждения образования;
- развить духовно-нравственные отношения в семье через совместный организованный досуг;
- выработать навык урегулирования конфликтов между детьми, а также детьми и их родителями;
- обучить школьников и их родителей конструктивным способам общения, способности принимать согласованные решения и сотрудничать;
- провести работу по профилактике правонарушений;
- развивать социально-культурную активность детей и родителей.

Данный проект направлен на проведение социально-культурной и досуговой деятельности, выполняет рекреационную, развлекательную и познавательную функции, позволяет активизировать творческий потенциал детей и семьи.

Основным направлением поддержки досуговой самоорганизации семьи в нашей авторской программе является развитие совместного семейного художественного творчества.

Прибегая к арт-технологиям, используя методику форум-тетра, куклотерапии,

арт-студия семейного творчества позволяет решать, помимо воспитания и творческого развития личности, ряд других социально значимых проблем, таких как обеспечение занятости детей, их самореализации и социальной адаптации; формирование здорового образа жизни; профилактика безнадзорности, правонарушений и других асоциальных проявлений среди детей, подростков и молодежи [15].

Очевидно, что для развития личности важно воспитать в ней такие качества и способности, которые позволят ей создавать эстетические ценности, уметь наслаждаться ими и окружающей красотой.

Кроме формирования эстетических потребностей и особого отношения у подростков к действительности и искусству, эстетическое воспитание через деятельность арт-студии семейного творчества одновременно развивает воображение, волю, настойчивость, организованность, вкус, способствует формированию нравственности, расширяет познания о мире. Другими словами, конечной целью проекта эстетического воспитания как части педагогического процесса можно назвать гармоничную личность, формирование всесторонне развитого, образованного, нравственного человека, обладающего желанием творить, понимающего красоту жизни и искусства, такого, в котором и нуждается современное общество.

Таким образом, базовые социально-культурные условия – организация поли-субъектного взаимодействия в процессе эстетической творческой деятельности подростков и родителей, а также педагогическая поддержка формирования эстетических потребностей подростков в творческой деятельности – в полной мере адекватны задачам личностно ориентированного эстетического воспитания. Целенаправленное со-

здание и поддержка этих условий, их дальнейшая конкретизация позволят создать углубленное представление о современном процессе эстетического воспитания. В этой связи мы разделяем мнение Б. Т. Лихачева о том, что «только целенаправленное эстетически-воспитательное педагогическое воздействие, вовлечение подростков в художественно-творческую деятельность способны развить их эстетически, приблизить к пониманию истинного искусства или прекрасного в человеческой личности» [8, с. 51].

Личностно ориентированное эстетическое воспитание следует понимать как социальное явление, а также как сложный многоуровневый процесс и как специально организованную деятельность, направленную на формирование потребности не только в активном, осознанном, деятельном общении с эстетически значимыми предметами и явлениями, но и в эстетическом преобразовании окружающей действительности посредством художественно-эстетической деятельности.

Примечания

1. *Ариарский М. А.* Прикладная культурология : [монография] / Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Ассоциация музеев России. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Эго, 2001. 287 с.
2. *Бабаева В. В.* Эстетическое воспитание дошкольников. Москва : Просвещение, 1982. 250 с.
3. *Ванслова Е.* Раздвигаем границы эстетического образования // Искусство. 2008. № 2. С. 28–29.
4. *Волчегорская Е. Ю.* Личностно-ориентированное эстетическое воспитание в начальной школе : монография. Москва : Компания Спутник+, 2007. 159 с.
5. *Волчегорская Е. Ю.* Художественно-эстетическое воспитание в начальной школе : лекция. Челябинск : Изд-во Челябинского государственного педагогического университета, 2010. 53 с.
6. *Гончарук А. Ю.* Педагогические условия развития эстетического отношения школьника к действительности средствами зрелищных искусств : дис. на соиск. учён. степ. доктора педагогических наук : 13.00.01 / Гончарук Алексей Юрьевич. Москва, 2000. 379 с.
7. *Кудина Г. И., Мелик-Пашаев А. А., Новлянская З. Н.* Как развивается художественное восприятие у школьников. Москва : Просвещение, 1988. 79 с.
8. *Лихачёв Б. Т.* Теория эстетического воспитания школьников : [учебное пособие по спецкурсу для педагогических институтов]. Москва : Просвещение, 1985. 175 с.
9. *Неменский Б. М.* Педагогика искусства. Видеть, ведать и творить : книга для учителей общеобразовательных учреждений. Москва : Просвещение, 2012. 240 с.
10. О Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/
11. *Овчинникова А. Ж.* Теоретические основы формирования эстетического отношения к действительности у учащихся начальных классов школы : дис. на соиск. учён. степ. доктора педагогических наук : 13.00.01 / Овчинникова Александра Жоресовна. Елец, 1998. 466 с.
12. *Печко Л. П.* Искусство как среда эстетического развития в школе // Эстетическая среда и развитие культуры личности : межвузовский сборник научных трудов / Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации ; Институт художественного образования РАО ; Елецкий государственный педагогический институт ; [отв. ред.: Печко Л. П., Овчинникова А. Ж.]. Москва : ИХО РАО : ЕГПИ, 1999. С. 71–81.
13. Приказ Минобрнауки России от 20.09.2016 N 1200 «О внесении изменения в Положение об управлении реализацией Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы, утверждённое приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 13 августа 2015 г. N 823» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205585/

14. Семак Т. Ю. Арт-студия семейного творчества «Гармония» // Методический вестник II / 2018 : сборник методических разработок членов Ассоциации социальных педагогов и психологов Подмосквья / под ред. Т. А. Трусовой, Е. Н. Белоус, М. А. Ерофеевой. Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 191–200.
15. Семак Т. Ю. Педагогический потенциал современных учреждений дополнительного образования в организации арт-проектов семейного творчества // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2018. № 1 (28). С. 108–112.
16. Современные концепции эстетического воспитания (теория и практика) / отв. ред. Н. И. Киященко. Москва : ИФРАН, 1998. 302 с.
17. Ярошенко Н. Н. Индустрия развлечений в пространстве современных культурных практик // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 1 (26). С. 112–122.
18. Ярошенко Н. Н. Развивающая среда и социально-культурная деятельность в контексте педагогики культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2012. № 6 (50). С. 130–134.

References

1. Ariarsky M. A. *Prikladnaya kul'turologiya [Applied Cultural Studies]*. 2 edition. St. Petersburg, Publishing house "Ego", 2001. 287 p.
2. Babaeva V. V. *Esteticheskoe vospitanie doshkol'nikov [Aesthetic education of preschoolers]*. Moscow, Publishing House «Prosveshchenie», 1982. 250 p.
3. Vanslova E. Razdvigayem granitsy esteticheskogo obrazovaniya [Spreading the boundaries of aesthetic education]. *Art Journal*. 2005, no. 2, pp. 28–29.
4. Volchegorskaya E. Yu. *Lichnostno-orientirovannoe esteticheskoe vospitanie v nachal'noy shkole [Student-oriented aesthetic education in elementary school]*. Moscow, 2007. 159 p.
5. Volchegorskaya E. Yu. *Khudozhestvenno-esteticheskoe vospitanie v nachal'noy shkole [Art and aesthetic education in elementary school]*. Chelyabinsk, Publishing house of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University, 2010. 53 p.
6. Goncharuk A. Yu. *Pedagogicheskie usloviya razvitiya esteticheskogo otnosheniya shkol'nika k deystvitel'nosti sredstvami zrelishchnykh iskusstv. Diss. dok. ped. nauk [Pedagogical conditions for the development of the aesthetic attitude of the student to reality by means of the entertainment arts. Dr. ped. sci. diss.]*. Moscow, 2000. 379 p.
7. Kudina G. I., Melik-Pashaev A. A., Novlyanskaya Z. N. *Kak razvivayetsya khudozhestvennoe vospriyatie u shkol'nikov [How does artistic perception develop in schoolchildren]*. Moscow, Publishing House «Prosveshchenie», 1988. 79 p.
8. Likhachev B. T. *Teoriya esteticheskogo vospitaniya shkol'nikov [Theory of aesthetic education of schoolchildren]*. Moscow, Publishing House "Prosveshchenie", 1985. 175 p.
9. Nemensky B. M. *Pedagogika iskusstva. Videt', vedat' i tvorit' [Pedagogy of art. See, know and create]*. Moscow, Publishing House «Prosveshchenie», 2012. 240 p.
10. *O Kontseptsii dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda: rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 N 1662-r (red. ot 28.09.2018) [On the Concept of the Long-Term Social and Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020: Order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-p (ed. on September 28, 2018)]*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/
11. Ovchinnikova A. Zh. *Teoreticheskie osnovy formirovaniya esteticheskogo otnosheniya k deystvitel'nosti u uchashchikhsya nachal'nykh klassov shkoly. Diss. dok. ped. nauk [Theoretical foundations of the formation of an aesthetic attitude to reality in primary school students. Dr. ped. sci. diss.]*. Elets, 1998. 466 p.
12. Pechko L. P. *Iskusstvo kak sreda esteticheskogo razvitiya v shkole [Art as an environment of aesthetic development in school]*. In: Pechko L. P., Ovchinnikova A. Zh., eds. *Esteticheskaya sreda i razvitiye kul'tury lichnosti. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Aesthetic environment and the development of a culture of personality. Interuniversity collection of scientific papers]*. Elets, Publishing house of the

Institute of Arts Education of the Russian Academy of Education, Publishing house of the Elets State University named after I. A. Bunina, 1999. Pp. 71–81.

13. *Prikaz Minobrnauki Rossii ot 20.09.2016 N 1200 "O vnesenii izmeneniya v Polozhenie ob upravlenii realizatsiei Federal'noy tselevoy programmy razvitiya obrazovaniya na 2016–2020 gody, utverzhdennoe prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 13 avgusta 2015 g. N 823"* [Order of the Ministry of Education and Science of Russia of September 20, 2016 No. 1200 "On Amending the Regulation on the Management of the Implementation of the Federal Target Program for Education Development for 2016–2020, approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of August 13, 2015 N 823"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205585/

14. Semak T. Yu. Art-studiya semeynogo tvorchestva "Garmoniya" [Art Studio family art "Harmony"]. In: Trusova T. A., Belous E. N., Erofeev M. A., eds. *Metodicheskiy vestnik II / 2018: sbornik metodicheskikh razrabotok chlenov Assotsiatsii sotsial'nykh pedagogov i psikhologov Podmoskov'ya* [Methodical Bulletin II / 2018: a collection of teaching materials of members of the Association of Social Pedagogues and Psychologists of the Moscow Region]. Kolomna, Publishing house of the State Social and Humanitarian University, 2018. Pp. 191–200.

15. Semak T. Yu. Pedagogical potential of the modern institutions of additional education in the organization of art projects family's creativity. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2018, no. 1 (28), pp. 108–112.

16. Kiyashchenko N. I., ed. *Sovremennye kontseptsii esteticheskogo vospitaniya (teoriya i praktika)* [Modern concepts of aesthetic education (theory and practice)]. Moscow, Publishing house of Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1998. 302 p.

17. Yaroshenko N. N. The Entertainment Industry in the Field of Contemporary Cultural Practices. *International Journal of Cultural Research*. 2017, no. 1 (26), pp. 112–122. (In Russian)

18. Yaroshenko N. N. Razvivayushchaya sreda i sotsial'no-kul'turnaya deyatelnost' v kontekste pedagogiki kul'tury [Developing environment and socio-cultural activities in the context of the pedagogy of culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2012, no. 6 (50), pp. 130–134.

*

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛЮДЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ФУНКЦИЙ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА СРЕДСТВАМИ БАЛЬНОЙ ХОРЕОГРАФИИ

УДК 364.048.6

А. Н. Пивторак, О. П. Кутькина

Алтайский государственный институт культуры

В статье выявляются и обосновываются возможности и влияние бальной хореографии на процесс реабилитации людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата. Авторами определена необходимость создания комплексной системы реабилитации людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата; эксплицирован термин «социально-культурная реабилитация». В процессе исследования были рассмотрены уровни танцевально-двигательной терапии. На примере авторской программы «Танцы на колясках» определена эффективность балльных танцев в процессе социально-культурной реабилитации в интеграционных и социализирующих аспектах.

Ключевые слова: социально-культурная реабилитация, балльные танцы, нарушения функций опорно-двигательного аппарата, танцевально-двигательная терапия, «танцы на колясках».

A. N. Pivtorak, O. P. Kutkina

Altay State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Yurina str., 277, 656055, Barnaul, Altaysky Region, Russian Federation

THE SOCIAL AND CULTURAL REHABILITATION OF THE PEOPLE WITH FUNCTION BREACHES OF THE SUPPORTING AND MOTOR ORGANS BY MEANS OF THE BALLROOM CHOREOGRAPHY

The opportunities and influence of the ballroom choreography on the rehabilitation process of the people with function breaches of the supporting and motor organs is revealed and based. The necessity of the creation of the complex rehabilitation system for the people with function breaches of the supporting and motor organs is determined by the authors; the term “social and cultural rehabilitation” is explicit. The levels of dancing and motor therapy as an example of the author’s programme “Wheelchair dancing” were examined in the process of research. The effectiveness of the ballroom dancing in integral and social aspects in the process of social and cultural rehabilitation is determined.

¹ПИВТОРАК АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ – аспирант, ассистент кафедры хореографии хореографического факультета Алтайского государственного института культуры

PIVTORAK ALEXANDR NIKOLAEVICH – graduate student, assistant of the Department of Choreography, the Faculty of Choreography, the Altai State Institute of Culture

²КУТЬКИНА ОЛЕСЯ ПЕТРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебной работе Алтайского государственного института культуры

KUTKINA OLESYA PETROVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Vice-rector for Academic Affairs, the Altai State Institute of Culture

e-mail: alexandr-pivtorak@mail.ru¹, kutkinao@list.ru²

© Пивторак А. Н., Кутькина О. П., 2018

Keywords: social and cultural rehabilitation, ballroom dancing, function breaches of the supporting and motor organs, dancing and motor therapy, “wheelchair dancing”.

Для цитирования: Пивторак А. Н., Кутькина О. П. Социально-культурная реабилитация людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата средствами бальной хореографии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 131–136.

Социально-культурная деятельность является неотъемлемой частью мировой культуры и обязательным условием эволюции социума. Среди ключевых задач социально-культурной деятельности – формирование условий для социализации и самореализации личности. На современном этапе одним наиболее динамично развивающимся направлением социально-культурной деятельности является социокультурная реабилитация людей с ограниченными возможностями здоровья.

Проблемы людей с инвалидностью долгое время не являлись первостепенными, но принятая в декабре 2006 года резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН Конвенция о правах инвалидов способствовала актуализации проблем инвалидов в разных социальных сферах.

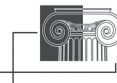
Одной из тенденций современности является увеличение числа лиц, впервые признанных инвалидами. Так, по последним официальным подсчётам в России их число составляет 662 тыс. человек. Из них в процентах от общей численности инвалидов: инвалиды I группы – 19,5%, инвалиды II группы – 36,7%, инвалиды III группы – 43,9% [6]. Одной из важнейших задач в процессе социализации людей с ограниченными возможностями здоровья является их адаптация к условиям социума. Следует отметить, что только немногие люди с инвалидностью ведут или стараются вести полноценный образ жизни: имеют досуговые увлечения, посещают театры, занимаются спортом. При этом значительной части ин-

валидов не удаётся пройти процессы адаптации и социализации. Особенно это касается тех, кто приобрёл инвалидность после травмы. Эти люди, как правило, впадают в депрессию, закрываются ото всего мира.

Однако люди с инвалидностью – часть человеческого потенциала мира и России. Общие принципы Конвенции декларируют «защиту и обеспечение полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод», «равенство возможностей» инвалидов и их «полное и эффективное вовлечение и включение в общество» [2].

В свете этого приоритетную значимость приобретает развитие комплексной системы реабилитации людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, а в частности – социально-культурной реабилитации лиц с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата. Именно комплексная реабилитация способствует раскрытию потенциала людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, их повторной социализации и даёт возможность ощутить себя полноправным членом общества.

Однако в этой сфере существует и ряд проблем. В частности, наблюдается формальное исполнение Федерального закона от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [4], который выдвигает конкретные требования и конкретизирует терминологию инвалидности и права людей с инвалидностью на реабилитацию. С точки

зрения авторов, разрешению обозначенной проблемы будет способствовать разработка целостной системы, включающей как методы физиологической реабилитации, так и механизмы психологической адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья. К этому процессу должны привлекаться специалисты из различных сфер, поскольку только унификация научных знаний из разных областей в единую методологическую систему сделает её эффективной. На современном этапе это является приоритетной задачей социальной политики государства.

Достижения современной медицины и физической культуры в деле реабилитации людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата являются весьма значительными, они способствуют восстановлению способностей людей с инвалидностью к независимому социальному функционированию, что обеспечивает их надёжную интеграцию в современный мир. Значительную роль в решении задач социализации инвалидов играет социально-культурная деятельность, отличающаяся высокой степенью экспрессивности. С точки зрения авторов, одним из эффективных способов социализации и реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья является система многопрофильной комплексной реабилитации, предусматривающая дополнение традиционных реабилитационных методик технологиями социально-культурной деятельности. Обращение авторов к вопросам социально-культурной реабилитологии и организации социально-культурной деятельности для социально незащищённых групп населения является обоснованным и актуальным.

Реабилитация средствами социально-культурной деятельности – это «комплекс мероприятий и процесс, имеющий

целью помочь этим группам населения достигнуть и поддержать оптимальную степень участия в социальных взаимосвязях, необходимый уровень культурной компетенции и удовлетворения культурно-досуговых потребностей, что обеспечивает им возможности для позитивных изменений за счёт расширения рамок их независимого образа жизни и наиболее полной интеграции в окружающую среду» [1]. Социально-культурная реабилитация личности представляет собой целенаправленный, педагогически ориентированный процесс преодоления физически дезадаптационных механизмов организма и асоциальных установок личности, а также создания социально-нравственных установок поведения и деятельности на основе применения технологического комплекса социально-культурной деятельности.

Существует множество способов социально-культурной реабилитации, особое место в них занимает танцевально-двигательная терапия (танцетерапия, танцевальная терапия). Бальные танцы как средство социально-культурной реабилитации инвалидов вызывают всевозрастающий интерес у исследователей. Это обусловлено тем, что в социально-культурной реабилитации в качестве коррекционного средства используется потребность человеческого организма в движении, которая реализуется посредством танца. С помощью танца преодолевается гиподинамия, развивается опорно-двигательный аппарат, повышаются интеллектуальный и эстетический уровни. Танцевально-двигательная терапия – это прежде всего взаимоотношения между телом и разумом. Ключевым является убеждение, что если с изменением эмоций меняются наши чувства по отношению к себе и собственному телу, то аналогичный процесс происходит и при изменении манеры и ха-

рактера наших движений, которые отражают черты личности.

Танцевально-двигательная терапия имеет три уровня:

- реабилитационный – движения под музыку по мере своих возможностей, коммуникация с партнёром, фристайл;
- уровень выздоровления – более активные занятия по разучиванию определённых танцевальных движений, умелое управление коляской под музыку, создание отдельных хореографических вариаций;
- спортивный – исполнение балльных танцев (пять европейских и пять латиноамериканских), регулярные тренировки, участие в соревнованиях, образование элитных пар, которые тренируются по 5–8 часов в день [5, с. 164].

С. Е. Кукушкина, изучающая роль спортивных танцев в реабилитации детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, отмечает, что «при обучении балльным танцам на колясках людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата следует учитывать, что люди не знают всех своих возможностей, так как ограничение опыта в силу двигательных нарушений замыкает круг их представлений и действий. Поэтому в задачи воспитательной работы включено: раскрытие и развитие возможностей у данной категории и создание у них уверенности в собственных силах, что положительно сказывается на результатах реабилитации» [3].

Реабилитация посредством балльных танцев происходит не только на физиологическом уровне – в процессе соревнований любого масштаба, объединяющих спортсменов-инвалидов разных танцевальных категорий, возраста, из разных городов и стран, интегрирующим началом является честная борьба, максимальное проявление своих физических и духовных возмож-

ностей, взаимопонимание, взаимоуважение и взаимодействие. На соревнованиях по балльным танцам интеграция проявляется не только в единении спортсменов на колясках, но и других заинтересованных участников события: тренеров, представителей команд, зрителей и т.д. Спортивные достижения (просто участие) в соревнованиях человека с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата – это результат его деятельности, личной активности, проявления воли и характера, способ самоутверждения и самореализации.

Балльные танцы играют особую роль в процессе социализации, они являются источником формирования и гармоничного развития личности. Занимаясь балльными танцами, «танцор на коляске» входит в ту или иную роль в зависимости от характера танца, вживается в разнообразные образы (испанский танец «Болеро» – роль тоreadора и т.п.), вступает в общение с другими танцорами, познаёт внутренний мир и отношения людей, их взаимодействие, переживает поражения и радость побед. Балльные танцы активизируют внимание, память, снимают умственное утомление, создают творческую атмосферу и помогают преодолеть застенчивость.

С точки зрения распространённости балльных танцев как досугового увлечения и профессиональной деятельности очень важным является широкий диапазон категорий людей, занимающихся балльными танцами, с учётом возможностей осваиваемого репертуара, тренировочных баз, концертных площадок и т.п. Эстрадные возможности балльных танцев разнообразны, равно как и их видовая градация в спорте. Это создаёт немалый ресурс для реабилитации инвалидов, занимающихся балльными танцами. Важен и социально-психологический аспект балльных танцев, энергетика, зало-

женная временем в эстетику, культуру, воплощённую в физических движениях. Этот потенциал раскрывается в процессе освоения танца и помогает людям, попавшим в различные психологические или жизненные проблемные ситуации, связанные с инвалидностью, найти выход посредством погружения в сущность хореографических занятий, связанных с красотой физического движения.

В процессе систематизации и аккумуляции существующих методик социально-культурной реабилитации нами была составлена программа по социально-культурной реабилитации людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата средствами бальной хореографии – «Танцы на колясках». Содержание программы состоит из нескольких разделов, в каждом из которых решаются индивидуальные задачи и достигаются соответствующие цели. Программа «Танцы на колясках» является средством для расширения возможностей людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, их раскрепощения и укрепления веры в себя, их социализации и интеграции в современное общество. Она была частично апробирована на базе КГБ-СУСО «Центральный дом-интернат для престарелых и инвалидов» города Барнаула.

В нашей опытно-практической работе деятельность по социально-культурной

реабилитации участников организовывалась таким образом, чтобы в процессе обучения каждый индивид расширял познавательный, мотивационный, коммуникативный, эмоциональный и физиологический компоненты развития личности, необходимые для их дальнейшей социализации.

Практическим заключением программы являются выступления её участников с танцами бальной хореографии на различных публичных мероприятиях городского и других уровней, среди которых значимыми являются: Первый краевой конкурс красоты среди лиц с ограниченными возможностями здоровья «Ра-Свет» в 2016–2017 годах, выступление на конкурсе-фестивале «Солнечный бал» в 2016–2017 годах, а также участие и выступление в VIII Международном молодёжном управленческом форуме «Алтай. Точки Роста» в 2016 году.

Бальная хореография как особый вид искусства развивает двигательные-эстетические возможности человека. Современная практика танцотерапии свидетельствует, что бальные танцы способствуют улучшению не только физического состояния людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, но и психоэмоционального. Это подтверждает высокую степень эффективности бальной хореографии в процессе социокультурной реабилитации инвалидов.

Примечания

1. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Социально-культурная деятельность : учебник. Москва : МГУКИ, 2004. 539 с.
2. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] // Гарант.ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <https://base.garant.ru/2565085/>
3. Кукушкина С. Е. Программа дополнительного образования «Спортивные танцы на колясках для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата» // Молодой учёный. 2014. № 5.1. С. 29–32. URL: <https://moluch.ru/archive/64/10309/>
4. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ [Электронный ресурс] // Российская газета : [веб-сайт]. Электрон. дан. 24 ноября 1995 года. URL: <http://www.rg.ru/1995/11/24/invalidy-dok.html>

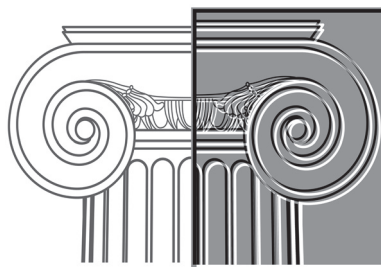

5. Творческая реабилитация детей, подростков и молодых людей с особыми потребностями : материалы международной научно-практической конференции, 30 ноября – 1 декабря 2000 года / отв. ред. А. Н. Колесин ; Санкт-Петербургский университет педагогического мастерства ; Санкт-Петербургская ассоциация общественных объединений родителей детей-инвалидов «ГАООРДИ». Санкт-Петербург : ГАООРДИ, 2001. 220 с.
6. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#

References

1. Kiseleva T. G., Krasilnikov Yu. D. *Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost'* [Social and cultural activity]. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2004. 539 p.
2. *Konventsiya o pravakh invalidov* [Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. Available at: <https://base.garant.ru/2565085/>
3. Kukushkina S. E. Programma dopolnitel'nogo obrazovaniya "Sportivnye tantsy na kolyaskakh dlya detey s narusheniyami oporno-dvigatel'nogo apparata" [The program of additional education "Sport dancing in wheelchairs for children with disorders of the musculoskeletal system"]. *Young Scientist*. 2014, no. 5.1, pp. 29–32. Available at: <https://moluch.ru/archive/64/10309/>
4. *O sotsial'noy zashchite invalidov v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 24 noyabrya 1995 goda № 181-FZ* [On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation: Federal Law of November 24, 1995 No. 181-FZ]. Available at: <http://www.rg.ru/1995/11/24/invalidy-dok.html>
5. Kolesin A. N., ed. *Tvorcheskaya rehabilitatsiya detey, podrostkov i molodykh lyudey s osobymi potrebnyami. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 30 noyabrya – 1 dekabrya 2000 goda* [Creative rehabilitation of children, adolescents and young people with special needs. Materials of the international scientific-practical conference, November 30 – December 1, 2000]. St. Petersburg, Published by St. Petersburg Association of Public Associations of Parents of Disabled Children "GAOORDI", 2001. 220 p.
6. *Federal State Statistics Service*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#

*

ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕХОДА ОТ МОДЕЛИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ К МОДЕЛИ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ

УДК 379.8:37.01

В. С. Садовская¹, В. А. Ремизов²

¹Московский государственный институт культуры

²Государственный институт искусствознания

Статья посвящена осмыслению исходных концептуальных позиций масштабной перестройки системы дополнительного профессионального образования в России. Речь идёт о так называемом непрерывном образовании в течение жизни. Авторы входят в дискурс, развёрнутый в печати, на конференциях о задачах, целях, принципах, содержании и технологиях организации заявленной системы образования. В статье сосредоточено внимание на необходимости построения образовательного процесса в рамках конституированной формы – Центров непрерывного образования. Здесь высказаны позиции относительно образовательных программ, сутью которых должны стать технологические инновации, интерактивные формы обучения, идеология которых построена не только в логике развития знания, а в большей мере в логике практики, сориентированной на конкретную цель. Таким образом, задача заключается в том, чтобы объединить усилия практиков и учёных-теоретиков.

Ключевые слова: образование, дополнительное профессиональное образование, образовательная идеология, профессиональные компетенции, система непрерывного образования.

V. S. Sadovskaya¹, V. A. Remizov²

¹Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultery),
Bibliotchnaya str., 7 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

²State Institute of Art Studies, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultery),
Kozitsky Lane, 5, 125009, Moscow, Russian Federation

CONCEPTUALIZATION OF THE TRANSITION FROM A MODEL OF CONTINUING EDUCATION TO A MODEL OF LIFELONG EDUCATION

The article is devoted to understanding the initial conceptual positions of a large-scale restructuring of the system of additional professional education in Russia. We are talking about the so-called “lifelong

---

САДОВСКАЯ ВАЛЕНТИНА СТЕПАНОВНА – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета дополнительного профессионального образования Московского государственного института культуры

SADOVSKAYA VALENTINA STEPANOVNA – Full Doctor of Education, Professor, Dean of the Faculty of Continuing Professional Education, Moscow State Institute of Culture

РЕМИЗОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор культурологии, профессор, старший научный сотрудник Государственного института искусствознания, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

REMIZOV VYACHESLAV ALEKSANDROVICH – Doctor of Cultural Studies, Professor of the State Institute of Art Studies, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation

e-mail: shupik49@mail.ru

© Садовская В. С., Ремизов В. А., 2018

learning. The authors enter the discourse developed in the press, at conferences about the tasks, goals, principles, content and technologies of the organization of the stated education system. The article focuses on the need to build the educational process in the framework of the constituted form of Continuing Education Centers. Here, positions are expressed regarding educational programs, the essence of which should be technological innovations, interactive forms of education, the ideology of which is built not only in the logic of knowledge development, but in least in the logic of practice, focused on a specific goal. Thus, the challenge is to combine the efforts of practitioners and theoretical scientists.

Keywords: education, professional education, educational ideology, system of continuous education, road map, professional competence.

Для цитирования: Садовская В. С., Ремизов В. А. Концептуализация перехода от модели дополнительного профессионального образования к модели непрерывного образования в течение жизни // Вестник Московского государственного института культуры. 2018. № 6. С. 138–145.

На протяжении последних десятилетий в сфере культуры идут процессы, которые связаны с рыночными отношениями и «коммерциализацией». Мы можем сколько угодно дискутировать о том, хорошо это или плохо, принимать эти процессы или не принимать, но это уже реальность, это объективные факторы, с которыми нельзя не считаться. В сегодняшней структуре социально-культурной деятельности, наряду с государственными учреждениями, всё большее место начинает занимать коммерческий сектор. У него есть весомые преимущества, и связаны они с тем, что в условиях рыночных отношений частные фирмы подчас более оперативно и гибко реагируют на конъюнктуру рынка досугового спроса, своевременно и чутко улавливают колебания в смене досуговых приоритетов, повышают уровень безошибочности нахождения экономически выгодных «ниш» в постоянно меняющейся социокультурной реальности.

Индустрия «массового» досуга и развлечений разнообразна. В ней множество направлений: шоу-бизнес, финансирование популярных рок-ансамблей и исполнителей, шоу-продюсерство; проведение различных коммерческих фестивалей, конкурсов, праздников; создание специализированных

концертных и спортивно-зрелищных комплексов, видеосалонов, дискотек; производство и прокат фонограмм, компакт-дисков, видеокассет и т.п.

Вместе с тем многие руководители и просто специалисты досуговых учреждений в нашей стране, к сожалению, пока не умеют работать в среде, где развивается конкуренция, в условиях рыночной организации процессов ценообразования, предпринимательства, постепенного освобождения от казенщины и стандартизации. Большинство исследователей этой проблемы утверждают, что сегодня необходима не просто свобода для развития коммерции в сфере культуры, настало время и поддержать её правовой статус, и обратить внимание на образовательный уровень специалистов. Последнее оказывается наиболее запаздываемым фактором.

Сегодня в учреждениях культуры зачастую действуют и работники, которые не имеют высшего образования или имеют образование, не относящееся к их трудовой деятельности [4, с. 153].

Частичным решением данной проблемы может стать профессиональная переподготовка и курсы повышения квалификации для кадров сферы культуры, которые

будут направлены на повышение их профессионального уровня с учётом процессов коммерциализации социально-культурной сферы.

В связи с этим, вероятно, есть основание отметить, что действующая в Российской Федерации система дополнительного профессионального образования должна быть в значительной степени трансформирована с использованием рыночных экономических механизмов, организационно перестроена с целью приближения к потребностям региональных рынков социально-культурных услуг, структурирована в соответствии с задачами целевых программ повышения квалификации. Минимум теории и максимум профессионального практикума, исходя из реалий сегодняшней жизни, – вот её основа. При этом процессы обновления социально-культурной среды и системы соответствующего образования должны находиться между собой во взаимозависимости.

Прежде всего, отметим, что традиционные методики повышения квалификации специалистов, успешно функционировавшие при бюджетном финансировании, в условиях рыночной экономики оказались не готовы к изучению спроса трудовых ресурсов на рынке, они не смогли обеспечить качественно новые образовательные услуги.

Между тем повышение квалификации должно учитывать интересы руководителей высшего, среднего и низшего уровней управления в социально-культурной сфере, а также потребности специалистов основных и вспомогательных структур учреждений культуры.

Особо следует отметить необходимость определения и внесения новых критериев оценки уровня повышения квалификации.

Сегодня повышение квалификации оценивается формально. Человек при ат-

тестации должен представить документ об окончании курсов. Однако нередко курсы повышения квалификации оказываются только формальным актом.

Очевиден другой принцип итоговой оценки: специалист должен в течение 6–12 месяцев внедрить в практику работы новый проект, инновацию, технологию, освоенную в период повышения квалификации, то есть итогом повышения квалификации должны быть видимые результаты инновационной творческой деятельности специалиста. Эта форма отчёта должна учитываться при его аттестации.

При таком подходе должна измениться сама идеология переподготовки. От теории и общих проблем надо переходить к конкретным инновационным креативным технологиям. Вуз при этом обязан будет координировать передовой инновационный опыт, обобщать его, превращать в учебные программы. Изменится и задача педагога, которая будет заключаться в создании условий для овладения обучающимися новых технологий своей деятельности.

При конструировании учебных программ наибольший процент должен отводиться деловым тренингам, мастер-классам, интерактивным формам обучения. Отсюда напрашивается вывод о том, что в системе дополнительного профессионального образования ведущая роль должна принадлежать практикам – лицам, которые владеют технологиями проектирования и конструирования социокультурной среды.

Новый подход вынуждает строить образовательную деятельность не в логике развития знания, а в логике самой практики, сориентированной на конкретную цель. Для этого учебный процесс сконцентрирован вокруг решения вполне конкретной задачи, имеющей базовое значение для обучаемого. Участь, он как бы находится в услови-

ях своего дела: результаты могут быть сразу использованы на практике. Отсюда и принцип практической нацеленности, индивидуальной значимости изучаемого материала [1, с. 189].

При таком обучении совсем необязательно следовать принципу фундаментальности. Просто он складывается несколько по-иному: по мере погружения специалиста в реальную практику происходит процесс осознания им тех противоречий, которые препятствуют достижению нужного результата.

Таким образом, задача заключается в том, чтобы объединить усилия практиков и учёных. Такая программа непрерывного образования и повышения квалификации призвана способствовать реформированию процессов обучения и технологии переподготовки кадров, а также созданию системы нововведений в функциональных и теоретико-прикладных отраслях культуры.

В связи с этим можно выделить две цели, которые предполагается достичь в ходе её реализации. Первая цель – функциональная: преобразование социально-культурной среды на основе практико-ориентированных образовательных и научно-исследовательских технологий. Данная цель – основная и прагматическая. Результатом переподготовки здесь является защита реальных инновационных проектов, имеющих социальную значимость.

Вторая цель – теоретико-педагогическая. Она заключается в развитии социально-культурной сферы на основе формирования у специалистов инновационного креативного мышления. Она связана с первой целью и обеспечивает её достижение.

Предлагаемая программа рассчитана на руководителей высшего и среднего уровня социально-культурной сферы, а также на творческие кадры учреждений культуры.

При этом концептуально содержание программы должно быть многоуровневым и связанным:

- с определением содержания подготовки управленческих кадров в сфере культуры по государственным образовательным программам: Программа МРА (Master of Public Administration) [5];

- с определением содержания образовательной деятельности творческих кадров с учётом специфики учреждений культуры (от театров, музеев до региональных, муниципальных Домов культуры и библиотек), региональных учебно-методических центров, адаптирующих учебные программы центра к складывающимся на местах социально-культурным условиям;

- с внедрением практико-ориентированных интерактивных технологий обучения;

- с развитием личностного потенциала специалиста, повышением эффективности его профессиональных компетенций.

В неразрывной связи с системой обучения формируется соответствующая система методов и обеспечивающих их средств.

Построение оптимального, с точки зрения запросов социокультурной практики, учебного процесса выводится из состояния базовой подготовки специалиста, она учитывает начальный уровень его компетенций, нужный результат обучения, а также представления о некоторых промежуточных уровнях, совокупность которых позволит обеспечить достижение нужного результата (принципы построения учебного процесса). Каждому промежуточному уровню определяется, соответственно, свой метод и прорабатывается своя система средств, обеспечивающих его реализацию.

Учебный процесс, конечно, должен опираться на систему принципов, среди кото-

рых можно определить: прагматизм; ориентацию на развитие в регионах рынка социально-культурных услуг во взаимодействии с федеральными, региональными и муниципальными властными, государственными и коммерческими структурами; взаимодействие с практиками, наиболее успешно реализующих новые социально-культурные проекты; модульно-блочное построение содержания непрерывного профессионального образования, с учётом современных тенденций развития культуры в России; многообразие уровней, форм и методов непрерывного профессионального образования с использованием дистанционных технологий обучения.

Приведённый перечень особенностей функционирования подтверждает предположение о заметных различиях в «идеологиях» традиционных и новых подходов к повышению квалификации. Если первые заняты по преимуществу реализацией унифицированных продолжительных образовательных программ, «работают» на массовую аудиторию, то вторые – сориентированы на оказание образовательных услуг через конкретные интерактивные предметно-тематические курсы и семинары. Последнее и делает их рыночными. Однако этого недостаточно. Необходимо сделать обучение для потенциальных слушателей привлекательным.

Привлекательность предполагает не только способность непрерывного образования реагировать на спрос, но и способность оказывать специалистам помощь в самоопределении, в осознании собственных потребностей, переводе этих потребностей на язык конкретных программ обучения, которые, с одной стороны, будут для него посильными, а с другой – в полной мере отвечать его ожиданиям. Диалогичность в ходе взаимодействия с практиками играет

гораздо более важную роль по сравнению с традиционной методикой обучения.

Иным оказывается и содержание процесса обучения. Вечные вопросы традиционной дидактики, которые вынесены в центр соответствующего учебного процесса: «что?» и «почему?», – отходят на второй план. Их место занимает вопрос: «как?». На смену принципу энциклопедичности приходит принцип прагматичности.

Новый подход вынуждает строить образовательную деятельность вокруг решения вполне конкретной задачи. Участь, обучаемый как бы находится в условиях своего дела. Отсюда и принцип практической нацеленности, индивидуальной значимости изучаемого материала [3, с. 193].

При таком обучении совсем необязательно следовать принципу фундаментальности. Просто он складывается несколько по-иному: по мере погружения специалиста в реальную практику происходит процесс осознания им тех противоречий, которые препятствуют достижению нужного результата.

Таким образом, совокупность отмеченных принципов, методов и средств позволит решить задачу по проектированию оптимальной структуры обучения, задаёт его «анатомию и физиологию». Тем самым как бы определяются основные, концептуальные направления становления и развития системы непрерывного повышения квалификации специалистов сферы культуры в условиях рыночной экономики.

В процессе непрерывного повышения квалификации можно выделить три самостоятельные части – учебную, проектную и практическую. Отсюда учебный процесс должен представлять собой как бы мозаику из кубиков разных размеров, наполнений, расцветок, позволяющих по желанию специалистов выстроить нужную им схе-

му обучения. Требования, которым должна отвечать такая «мозаика», тоже вполне очевидны: ориентация на практику и компактность схем обучения, это возможно реализовать на базе модульного принципа обучения, оставляющего за слушателями право корректировки отдельных разделов программы; сочетание индивидуальных и коллективных форм учебной деятельности (с основным акцентом на самостоятельную работу и учёт региональной специфики социокультурной среды).

Следует отметить, что представленная система органично вписывается в проектируемые Департаментом науки и образования Министерства культуры Российской Федерации Центры непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры. Данные Центры, в свою очередь, вписываются в концепцию «непрерывного образования» ЮНЕСКО [6] и в Концепцию развития Российского государства в части: «Культура» [2]. Учёным советом МГИК одобрен план создания и развития Центра непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры при институте. В соответствии с этим предполагается создание учебно-консультационных пунктов; организация поствузовского образования по специальностям МГИК; оказание образовательных услуг в области дополнительного образования; оказание методических услуг по вопросам библиотечно-библиографического и культурологического образования; организация теоретических и практических семинаров, конференций, симпозиумов и иных форм по направлениям деятельности профессионального образования; создание и распространение учебно-методической аудио, видео, печатной и машиночитаемой продукции по основным

направлениям деятельности Центра; организация и проведение научных исследований и работ, направленных на дальнейшее улучшение деятельности Центра; создание высококачественных учебников и учебных пособий, специальных учебных программ, предназначенных для реализации учебного процесса, осуществляемого Центром.

Вся эта работа распределена на несколько этапов.

Первый этап: разработка концепции Центра и «дорожной карты» по его созданию и функционированию.

Второй этап: формирование запроса на непрерывное образование и повышение квалификации кадров в сфере культуры и продвижение образовательных программ.

Третий этап: определение уровня подготовки специалиста (тестирование не только уровня профессиональных компетенций, но и создание социально-психологического портрета кадров в сфере культуры).

Четвертый этап: создание траектории прохождения профессионального переобучения специалистов (разработка индивидуальной стратегии и тактики профессионального роста каждого отдельного специалиста).

Пятый этап: реализация образовательных модулей (освоение специалистами современных креативных технологий создания и преобразования социокультурного пространства России).

Шестой этап: анализ результатов обучения (определяет уровень освоения специалистами профессиональных компетенций).

Седьмой этап: выдача соответствующего сертификата по итогам обучения.

И, наконец, восьмой этап: определение будущей траектории профессионального становления специалиста сферы культуры:

- переход к научно-исследовательской деятельности;

- внедрение в практику социокультурного проекта;
- переход на следующий уровень непрерывного образования.

Любое совершенствование начинается с закладывания базовых компетенций, формирования некоего первоначального уровня овладения специальными технологиями в сфере культуры. Однако для каждого реального социокультурного проекта могут потребоваться принципиально различные виды технологий, иногда эти технологии могут быть шире, чем узкопрофессиональные. Подразумевается, что специалист должен обладать определённым кругозором, позволяющим ему ориентироваться в различных ситуациях и правильно принимать решения, например, о том, чтобы привлечь к работе над проектом того или иного эксперта. Обеспечить такой кругозор возможно за счёт увеличения гибкости обучения. Это означает, что изучение каждой темы содержания учебного модуля должно быть разделено на несколько этапов, блоков, что позволит сформировать индивидуальные маршруты их изучения. Появляется необходимость в расширении собственного опыта специалиста для участия в смежных проектах, то есть для поддержания своей профессиональной востребованности.

Чем более сложные задачи он будет решать на практике, тем более углубленные компетенции ему для этого понадобятся. Понятно, что такая система даёт возмож-

ность специалисту совершенствовать свои знания «вглубь», но не следует считать, что нельзя будет развиваться «вширь». Система предполагает развитие, накопление новых знаний, освоение новых областей, близких к тематике. Такие знания будут находить выражение в формировании новых учебных модулей. То есть система получается гибкой, настраиваемой, способной к расширению, модернизации реальных процессов в той области культуры, которую осваивают специалисты.

В этом случае важным является интенсивность обучения. При разработке структуры знаний учитывается, что специалисты должны быстро начать применять полученные знания на практике. Руководители организаций, отправляя специалиста на курсы, всегда хотят в первую очередь ускорить собственные процессы внедрения новых проектов.

Многообразие этих групп означает необходимость построения обширной системы вариантов оказания одной и той же образовательной услуги.

Таким образом, МГИК стоит не только перед структурным преобразованием в части дополнительного профессионального образования, но и перед его переосмыслением в содержательном, методическом и организационном аспектах, что, видимо, повлияет на весь спектр образовательной деятельности в вузах культуры современной России.

Примечания

1. Петрушин В. И. Иерархическая структура личности и ресурсы для её развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3 (77). С. 182–191.
2. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Гарант : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <https://base.garant.ru/70309010/>
3. Психологические исследования творческой деятельности / ответственный редактор О. К. Тихомиров. Москва : Наука, 1975. 253 с.

4. Чижиков В. В. Современные учреждения культуры: механизм управления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5 (73). С. 149–155.
5. <https://www.ranepa.ru/gosslugassiy/master-of-public-administration-mpa>
6. <http://dpo24.ru/concept.html>

References

1. Petrushin V. I. Hierarchical structure of personality and the resources for its development. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2017, no. 3 (77), pp. 182–191.
2. *Prognoz dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda [Forecast of the long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030]*. Available at: <https://base.garant.ru/70309010/>
3. Tikhomirov O. K., ed. *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy deyatel'nosti [Psychological studies of creative activity]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1975. 253 p.
4. Chizhikov V. V. Modern cultural institution: mechanisms of management. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 5 (73), pp. 149–155.
5. <https://www.ranepa.ru/gosslugassiy/master-of-public-administration-mpa>
6. <http://dpo24.ru/concept.html>

*

ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОТКРЫТЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ГРАНИЦ

УДК 004.032.6

Р. Ш. Ахмадиева¹, Б. Р. Хусаинов²

¹Казанский государственный институт культуры

²Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

В данной статье рассматривается роль дистанционных технологий в формировании открытых социокультурных границ. Проанализированы особенности применения дистанционных технологий и их роль в формировании личности и становлении современного общества. Выявлены основные направления развития социокультурного пространства, происходящего под влиянием дистанционных и информационных технологий.

Ключевые слова: социокультурное пространство, информационные технологии, дистанционные технологии, социокультурные границы, медиасредства, открытые образовательные ресурсы.

R. Sh. Akhmadieva¹, B. R. Khusainov²

¹Kazan State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny), Orenburgskiy tract, 3, 420059, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

²Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), Moskovskaya str., 42, 420111, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

DISTANCE TECHNOLOGIES IN THE FORMATION OF OPEN SOCIAL AND CULTURAL BOUNDARIES

This article discusses the role of distance technologies in the formation of open social cultural boundaries. The features of the use of distance technologies and their role in the formation of personality and the formation of modern society are analyzed. The main directions of social cultural space development under the influence of distance and information technologies are revealed.

Keywords: social cultural space, information technologies, remote technologies, social cultural boundaries, media, open educational resources.

---

¹АХМАДИЕВА РОЗА ШАЙХАЙДАРОВНА – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Казанского государственного института культуры, Казань, Республика Татарстан, Россия

AKHMADIEVA ROZA SHAYKHAYDAROVYA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice Rector for Academic Affairs of the Kazan State Institute of Culture, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

²ХУСАИНОВ БУЛАТ РАИСОВИЧ – начальник отдела системного анализа Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань, Республика Татарстан, Россия

KHUSAINOV BULAT RAISOVICH – Head of System Analysis of the Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

e-mail: roza79/08@mail.ru¹, bulat37@list.ru²

© Ахмадиева Р. Ш., Хусаинов Б. Р., 2018

Для цитирования: Ахмадиева Р. Ш., Хусаинов Б. Р. Дистанционные технологии как фактор формирования открытых социокультурных границ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 146–150.

В XXI веке сложно представить жизнь человека без компьютера, гаджетов и Интернета. Под влиянием высоких технологий меняются профессиональные, философские, социальные, культурно-досуговые аспекты современного общества.

Изменения в социокультурном пространстве, происходящие под влиянием дистанционных и информационных технологий, имеют долгую перспективу и оказывают большое влияние на дальнейшее развитие личности и общества в области культуры, досуга и образования.

Классические центры развития и формирования личности, такие как клубы, библиотеки, литературные и литературно-музыкальные вечера, театральные художественные кружки, постепенно теряют свою значимость. Эти институты не успевают за динамично развивающимся миром, и их место занимают различные веб-сервисы – социальные сети, видеохостинги, электронно-библиотечные системы и образовательные порталы и т.д.

В рамках данной статьи хотелось бы более подробно рассмотреть все стороны применения информационных и дистанционных технологий, проанализировать эти инструменты и их влияние на формирование открытых социокультурных границ.

Открытые социокультурные границы – понятие новое, которое олицетворяет среду, где любому человеку доступны коммуникационные, культурные и образовательные ресурсы человечества. Доступ к этим достижениям осуществляется во многом с помощью дистанционных технологий.

Социокультурная среда – конкретное, непосредственно данное каждому человеку социальное пространство, посредством ко-

торого он активно включается в культурные связи общества. Это – совокупность различных (макро и микро) условий его жизнедеятельности и социального (ролевого) поведения, это – его случайные контакты и глубинные взаимодействия с другими людьми, это – конкретное природное, вещное и предметное окружение, представленное как открытая к взаимодействию часть социума [7].

Личность является отражением той среды, в которой она вынуждена находиться. Поведение, манеры, взгляды личности будут в большинстве своём идентичны запросам и культуре того общества, в котором находится данная личность, личность как бы идентифицирует себя с тем обществом, в котором она находится. И если субкультура среды с учётом её своеобразия: демократические взгляды, высокая духовность, почитание и сохранение народных и культурных традиций, удовлетворяет потребности личности, то такая средовая субкультура способна выводить личность на процесс формирования творческой направленности [1, с. 64].

Дистанционные технологии кардинально меняют восприятие окружающего мира и открывают широкий горизонт для самореализации и саморазвития личности. Дети, подростки, молодёжь, люди среднего возраста, пожилые люди и люди с ОВЗ – все активно пользуются социальными сетями, видеохостингами, электронно-библиотечными системами и дистанционными образовательными порталами. Каждая группа, применяя эти инструменты, открывает для себя широкий спектр возможностей для реализации своих социокультурных потребностей.

Социальные сети – это открытые площадки для общения, расположенные в сети Интернет. В социальных сетях пользователи находят новых друзей, входят в тематические группы, создают свои сообщества, занимаются маркетинговыми исследованиями, социальными опросами, интернет-маркетингом, интернет-рекламой и интернет-торговлей. Каждая из этих функций в социальных сетях реализована простым и удобным интерфейсом и доступна каждому. Каждый пользователь заполняет свой профиль и тем самым открывается для окружающих, показывает свою готовность для установления новых контактов.

Видеохостинги – это хранилища видеоконтента в сети Интернет. Сегодня видеохостинги занимают лидирующие позиции по предоставлению пользователям информации в формате видео. Видео становится всё более востребованным. Пользователи предпочитают в свободное время смотреть познавательные ролики, мастер-классы. Также видеохостинги позволяют пользователям открывать свои авторские каналы и размещать там свои видеоролики, проводить онлайн-трансляции и обсуждать их с широкой аудиторией. Самые популярные каналы посвящены кулинарии, школе ремонта, авторемонту, обзору видеоигр. Для многих хобби становится хорошим источником дохода.

Электронно-библиотечные системы (ЭБС) – это коллекции электронных книг, доступ осуществляется свободно или по подписке. Данные библиотечные системы позволяют получить доступ к литературе «в один клик», для этого пользователю достаточно только авторизоваться. Массовое распространение цифровых устройств сформировало социальный запрос на создание приложений для чтения электронных книг, подключённых к ЭБС. Данные

библиотечные системы хранят в себе научную, художественную, техническую и документальную литературу и открывают свои двери всем заинтересованным пользователям. Тем самым ЭБС формируют особую социокультурную среду для всестороннего развития личности.

Дистанционные образовательные технологии – это образовательные технологии с применением телекоммуникационных сетей для взаимодействия обучающихся и педагогических работников на расстоянии [9].

Характерные черты применения дистанционных образовательных технологий – гибкость графика обучения (доступ к материалу всегда и везде), модульность (каждый курс самодостаточен и создаёт целостное представление о предметной области). В процессе применения дистанционных образовательных технологий преподаватель выступает в качестве тьютора. Тьюторы помогают обучающимся строить индивидуальную образовательную траекторию и решать образовательные и личностные проблемы.

Дистанционные образовательные технологии позволяют людям, не отрываясь от основной деятельности, получить дополнительное образование, пройти курсы повышения квалификации, тем самым увеличивают их ценность на рынке труда.

От правильной интеграции дистанционных, информационных и интернет-технологий сегодня зависит успех в процессе обучения и воспитания. Внедрение дистанционных технологий позволяет использовать различные источники информации, различные взгляды на одну и ту же проблему, побуждают человека к самостоятельному анализу фактов и поиску собственной аргументированной позиции. Роль дистанционных технологий в жизни человека возросла благодаря увеличению программных продуктов и внедрению интернет-технологий.

Доступность и открытость дистанционных и коммуникационных технологий позволили за короткий срок создать огромное количество образовательного и развлекательного контента. Дистанционные технологии, интернет- и инфокоммуникационные технологии изменили методы создания и редактирования графической, текстовой, аудиовизуальной информации. Обладая базовыми навыками работы на компьютере, пользователи преобразуют имеющиеся материалы и параллельно разрабатывают новые течения и направления представления медиафайлов. Нововведения, размещённые в медиaprостранстве, становятся доступны широкой аудитории и моментально распространяются по сети Интернет, то есть формируют открытые социокультурные границы.

Внедрение и развитие высоких технологий несут в социокультурную среду положительные изменения, но надо этот процесс очень тонко и аккуратно контролировать. Необходимо взвешенно подходить к изучению протекающих социокультурных процессов и анализировать возможные последствия для личности и общества. Глобализация информационного пространства, дистанционное общение и разнообразие культурных ценностей могут привести к следующим негативным результатам.

1. Глобализация информационного пространства. Личность формируется под влиянием глобальных социокультурных ценностей, но в то же время теряется значение ценностей национальных, региональных и языковых групп.

2. Проблемы с дистанционным общением. Сегодня общение происходит с использованием гаджетов и веб-сервисов, поэтому многие люди перестали общаться вживую, лицом к лицу, вследствие чего люди не могут социализироваться в школе и на работе,

что приводит к проблемам социокультурной интеграции.

3. Проблемы со здоровьем. Преимущественно сидячий образ жизни неблагоприятно сказывается на здоровье интернет-пользователей. Самые частые проблемы связаны с позвоночником, лишним весом и зрением.

4. Проблема анонимности. Дистанционные технологии позволяют общаться в Интернет анонимно, и это подталкивает многих пользователей пренебрегать основами культуры общения, сквернословить, оскорблять собеседников и распространять заведомо ложные сведения. К сожалению, огромный поток информации практически не подлежит цензуре, фильтрации и модерации. Для формирования всесторонне развитой личности необходимо создание соответствующей социокультурной среды. Эта среда должна удовлетворять все потребности личности и побуждать работать над собственным совершенствованием и творчески подходить к решению всех задач. Если человек развивается только в рамках образовательных учреждений, творческих коллективов или культурных центров, то ему будет трудно в полной мере реализовать свой творческий потенциал. Для полноценного творческого развития у него должно быть достаточное количество свободного времени, в рамках которого он будет удовлетворять свои творческие потребности.

В процессе самореализации личности большое значение имеет формирование открытых социокультурных границ. Дистанционные практики и веб-сервисы формируют открытые социокультурные границы и предоставляют невероятные возможности для всестороннего развития личности. Создание открытых социокультурных границ должно быть приоритетной задачей человеческой цивилизации.

Примечания

1. Ахметова Д. З. Дистанционное обучение как педагогическая система: организация, принципы, технологии // Качество дистанционного образования: концепции, проблемы, решения : материалы XII Международной научно-практической конференции, 2 декабря 2010 г., Москва / [ред. совет: В. Е. Бочков и др.]. Москва : Изд-во МГИУ, 2010. С. 25–34.
2. Вишневецкий Ю. Р., Шанко В. Т. Молодёжь и общество / под ред. И. М. Ильинского. Москва : Голос, 2012.
3. Калимуллина О. А. Развитие творческого потенциала подростков через новые педагогические технологии в условиях системы дополнительного образования // Психология и педагогика: методика проблемы практического применения : материалы Международной научно-практической конференции. Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2010. С. 37–40.
4. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Социально-культурная деятельность : учебник. Москва : МГУКИ, 2004. 539 с.
5. Паранина Н. А. Развитие медиакультуры студентов средствами дистанционных образовательных технологий : дис. на соискание учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Паранина Наталья Алексеевна. Казань, 2016. 220 с.
6. Усов Ю. Н. Основы экранной культуры. Москва : Новая школа, 1993. 267 с.
7. Черник Б. П. Эффективное участие в образовательных выставках. Новосибирск, 2001. 132 с.

References

1. Akhmetova D. Z. Distantcionnoe obuchenie kak pedagogicheskaya sistema: organizatsiya, printsipy, tekhnologii [Distance learning as a pedagogical system: organization, principles, technology]. In: Bochkov V. E., ets, eds. *Kachestvo distantcionnogo obrazovaniya: kontseptsii, problemy, resheniya. Materialy XII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 2 dekabrya 2010 g., Moskva* [The quality of distance education: concepts, problems, solutions. Materials of the XII International Scientific and Practical Conference, December 2, 2010, Moscow]. Moscow, Publishing house of the Moscow Polytechnic University, 2010. Pp. 25–34.
2. Vishnevsky Yu. R., Shanko V. T. *Molodezh' i obshchestvo* [Youth and society]. Moscow, 2012.
3. Kalimullina O. A. Razvitie tvorcheskogo potentsiala podrostkov cherez novye pedagogicheskie tekhnologii v usloviyakh sistemy dopolnitel'nogo obrazovaniya [Development of the creative potential of adolescents through new pedagogical technologies in the conditions of the system of additional education]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika problemy prakticheskogo primeneniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Psychology and pedagogy: methods of practical application. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, Publishing house of the Center for the Development of Scientific Cooperation, 2010. Pp. 37–40.
4. Kiseleva T. G., Krasilnikov Yu. D. *Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost'* [Social and cultural activity]. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2004. 539 p.
5. Paralina N. A. *Razvitie mediakul'tury studentov sredstvami distantsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologiy. Diss. kand. ped. nauk* [Development of students' media culture by means of distance learning technologies. Cand. ped. sci. diss.]. Kazan, 2016. 220 p.
6. Usov Yu. N. *Osnovy ekrannoy kul'tury* [Basics of screen culture]. Moscow, Publishing house "Novaya shkola", 1993. 267 p.
7. Chernik B. P. *Effektivnoe uchastie v obrazovatel'nykh vystavkakh* [Effective participation in educational exhibitions]. Novosibirsk, 2001. 132 p.

*

УСЛОВИЯ АКТИВИЗАЦИИ ЛИДЕРСКОГО ПОТЕНЦИАЛА БУДУЩИХ АКТЁРОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

УДК 37.013.43

Н. М. Генова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

В статье рассматриваются вопросы социальной активности будущих актёров и условия формирования у них лидерства. В качестве методологического подхода используются сравнительный анализ теоретических источников, анализ и обобщение деятельности преподавателей и обучающихся по специальности «Актёрское искусство», а также педагогическое наблюдение. Предлагается выделить несколько взаимосвязанных компонентов и определить необходимые условия формирования требуемых компетенций.

Ключевые слова: лидерство, творчество, студенчество, театральная деятельность, культура, образование, компетентность, педагогика.

N. M. Genova

Dostoevsky Omsk State University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Prospect Mira, 55-A, 644077, Omsk, Omsk Region, Russian Federation

THE CONDITIONS OF ACTIVATING LEADERSHIP POTENTIAL OF FUTURE ACTORS IN THEIR LEARNING PROCESS

The article deals with the issues of social activity of future actors and the conditions of their leadership formation. The comparative analysis of theoretical sources, analysis and generalization of the activities of teachers and students in the specialty "Acting", as well as pedagogical observation are used as a methodological approach. It is proposed to identify several interrelated components and determine the necessary conditions for the formation of the required competencies.

Keywords: leadership, creativity, students, theatrical activity, culture, education, competence, pedagogy.

Для цитирования: Генова Н. М. Условия активизации лидерского потенциала будущих актёров в процессе обучения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 151–156.

Студенческая молодёжь как наиболее динамичная и образованная часть общества призвана пополнять ряды разного рода руководителей в различных сферах жизнедеятельности общества.

По мнению отечественных учёных, «универсальность личности в профессии должна характеризоваться следующими категориями: энциклопедичность (информационно-теоретический уровень); раз-

ГЕНОВА НИНА МИХАЙЛОВНА – доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой театрального искусства и актёрского мастерства факультета культуры и искусств Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского

NINA MIKHAILOVNA GENOVA – Full Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the department of theatre arts and acting, the Faculty of Culture and Arts, the Dostoevsky Omsk State University

e-mail: ninagenova@mail.ru

© Генова Н. М., 2018

носторонность (компетентностный уровень – уровень способностей и готовности); интегративность и мобильность (методический уровень); всеохватность (практический профессионально-деятельностный уровень)» [5, с. 53].

Каждый человек от природы обладает определёнными лидерскими задатками, однако развить их в достаточной степени и использовать, чтобы реализовать себя как лидер или руководитель, получается далеко не у каждого. Исследователь Е. Е. Статкевич указывает на то, что можно выделить определённые качества лидерства: «индивидуально-личностные качества (особенности характера, поведения и комплекс нравственных качеств); социально-психологические качества (коммуникативные, проявляющиеся во взаимодействии с другими людьми); организационно-деловые качества (комплекс интеллектуальных, деловых и организаторских качеств); статусно-лидерские качества (качества, приписываемые лидеру самой группой)» [8, с. 8].

Л. Н. Антилогова [1, с. 16] предлагает систематизировать существующие точки зрения относительно феномена социальной активности студенческой молодёжи таким образом: одна группа исследователей занимается рассмотрением социальной активности через деятельность (Т. С. Лапина, А. С. Капто, А. И. Шендрик), другую группу составляют специалисты, определяющие социальную активность как меру, степень, уровень профессиональной деятельности (В. А. Смирнов, Е. В. Статкевич), исследовательские работы третьей группы рассматривают социальную активность как основополагающее качество личности, проявляющееся в деятельности (А. А. Шункова, Ф. В. Генов).

Можно согласиться с В. А. Ситаровым и В. Г. Мараловым [6, с. 164–176] в том, что

социальная активность может выступать как распространённая форма активности личности в силу её качеств (способностей, установок, ценностных ориентаций), способствующих изменению среды и самого себя. Лидерство – это способность оказывать влияние на отдельные личности и группы, организации, направляя их усилия на достижение целей коллектива, это умение брать на себя ответственность за решение важных вопросов.

Также особого внимания требует понятие «творчество». Для более полного его раскрытия приведём определение, которое даёт философский энциклопедический словарь: «Творчество – это деятельность, порождающая новые ценности, идеи, самого человека как творца» [9]. Основные положения, отличающие творческую деятельность, – это создание качественно новых материальных и духовных ценностей, уникальность процесса и результата. «Самое блестящее мастерство, высокие достижения в области театральной формы ценны лишь постольку, поскольку опорой им служат законы жизненного поведения человека, то есть мотивированное и целесообразное действие» [цит. по: 10, с. 20–21]. Овладение этим законом позволяет будущему актёру применять его не только на сцене, но и в жизни.

Обратимся к созданию художественных образов на театральных подмостках, то есть к театральному искусству. Как известно, в театре носителем действия является актёр. Благодаря актёру создаётся характер, образ, отображается действительность, обозначается конфликт. Чтобы наглядно увидеть и понять, какие условия и принципы используются в педагогической деятельности для формирования у студентов-актёров необходимых лидерских навыков и качеств, обратимся к механизму воспитания в театраль-

ной школе на примере студенческого театрального коллектива факультета культуры и искусств Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Следует заметить, что исследование и обоснование эффективных методов формирования лидерства у студенческой молодёжи наиболее полно представлено для сферы социально-культурной деятельности (М. А. Ариарский, Л. С. Жаркова, А. Д. Жарков, Н. Н. Ярошенко и другие). К сожалению, такого не наблюдается в сфере театрального творчества с учётом его специфики, несмотря на наличие объективной необходимости в энергичных, целеустремлённых людях и в этой сфере жизнедеятельности общества.

Развивая комплекс методологических подходов к формированию лидерства (лично ориентированный, компетентностный, аксиологический), педагоги кафедры театрального искусства и актёрского мастерства ОмГУ имени Ф. М. Достоевского в своей работе опираются на педагогические и режиссёрские принципы и открытия, описанные и структурированные К. С. Станиславским. Будучи театральным режиссёром, актёром, педагогом и просто человеком, беззаветно любящим своё дело – театр, К. С. Станиславский всю жизнь прожил в поисках ключей к сложноорганизованному «механизму» творчества актёра. Каждый человек, как и сценический характер, обладает присущими только ему чертами. «У нашей артистической природы существуют свои артистические законы. Они обязательны для всех людей, всех стран, времён и народов» [7, с. 366], – писал К. С. Станиславский, обосновывая научную методику сценической педагогики.

В воспитании будущего актёра важную роль (скорее, даже первичную) играет работа над собой, что подразумевает постоянное

самосовершенствование личности. Многие из требований к студенту и основные элементы творчества актёра описаны у К. С. Станиславского в его работах: «Театральная этика», «Работа актёра над собой в творческом процессе переживания», «Работа актёра над собой в творческом процессе перевоплощения», «Тренинг и муштра». Крылатые его высказывания студенты размещают в аудиториях и оперируют ими в общении: «Люби искусство в себе, а не себя в искусстве»; «Театр – храм. Охраняйте ваш театр от всякой скверны и сами собой создадутся и благоприятные условия для творчества и для необходимого вам актёрского самочувствия»; «Театр – дело коллективное»; «Самое главное в театре – художественная дисциплина»; «Постоянная работа над собой!» [см.: 7 и др.].

Опыт организации учебно-поисковой, творческой, познавательной деятельности будущих актёров показывает необходимость такой обстановки во время учёбы, когда окружающие признают актёрское решение создания художественного образа, что достигается с помощью актёрских тренингов [4]. Средством для этого является коммуникативная деятельность, связующая нить со зрителем. При этом педагогами закладываются принципы стимулирования творческой деятельности обучающихся. Наблюдения за работой студенческого театрального коллектива позволяют сделать вывод о том, что, соблюдая эти, казалось бы, простые правила, можно создать творческое самочувствие для всей группы. В таких условиях коллектив продуктивно функционирует, а атмосфера и вся деятельность способствуют развитию личностных качеств каждого участника группы. В условиях коллективного творческого самочувствия эффективнее развивается эстетическое восприятие окружающего мира,

воображение, память, фантазия, другие элементы психотехники, познавательные процессы. Это проявляется затем на творческих показах и в ходе аттестации студентов.

Отдельный компетентностный комплекс профессионального портрета выпускника – будущего актёра – составляют компетенции, касающиеся жизни в многонациональном коллективе, принятия решений и высокой ответственности за их выполнение, то есть наличия индивидуально-личностных качеств. При педагогически правильно организованных условиях в процессе работы обучающихся над собой у них постепенно формируется чувство ответственности не только за себя и свои поступки, но и за весь коллектив и общее дело, укрепляется воля, повышается уровень самоорганизации, ярче проявляются организаторские качества, вырабатываются коммуникативные навыки, навыки лидерского поведения. Были замечены проявления таких качеств, как устойчивость взглядов и мировоззрения, высокая культура межличностных и социальных отношений, самостоятельность, творческий подход к делу, способность постоянно обновлять знания. Эти качества надпрофессионального характера можно также отнести к компетентности специалиста. Будущие актёры ясно представляют себе, что театр есть некая закрытая модель реального действительного мира, в котором в процессе творчества создаются условия для реализации социальной роли исполнителя.

Безусловно, театральное творчество способно воспитать в человеке лидерские качества. Ведь с театральных подмостков деятели театра несут высокие духовные мысли, чувства и отношения в повседневную жизнь людей, тем самым облагораживая её. Подтверждением этому могут служить такие критерии, как твёрдая граж-

данская позиция, активная социальная деятельность многих известных театральных деятелей – актёров и режиссёров. Став профессионалами своего дела, они не останавливаются на достигнутом и продолжают развиваться параллельно и в других сферах деятельности. Режиссёры, возможно, пробуют свои силы в директорском кресле, кто-то из актёров – в политике и т.д.

Мы убедились в том, что за четыре года обучения актёрскому искусству наши студенты-актёры выросли как личности. Многие из них развили у себя необходимые для лидера навыки, помогающие быть увереннее не только на сцене, в роли, но и в обычной жизни. Кто-то уже преподаёт, кто-то востребован в мероприятиях на уровне факультета и университета и на региональном уровне, в учреждениях исполнительских искусств.

Омск по праву считается центром театрального искусства Сибири. В городе работает десять театров, где ведущими артистами служат и выпускники кафедры театрального искусства и актёрского мастерства факультета культуры и искусств Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского – благодаря большому набору компетенций, способствующих дальнейшему развитию их таланта.

Личность, способная к самоопределению в мире культуры, свободно ориентироваться в духовно-нравственных ценностях, является особым типом личности, а именно – так называемым человеком культуры. На это впервые указал В. С. Библер, обозначая современную ситуацию в культурном развитии общества с философской точки зрения. Учёный отмечает, что «... сейчас меняется строй разума – от человека образованного к человеку культуры» [3, с. 413]. Как мы можем предположить, термин «человек культуры» возник в результате необ-

ходимости обозначить новое качество человека. Учёный рассматривает новый образ как разносторонне развитую личность, обладающую широким кругозором интересов, знаний, навыков, компетенций. Такая личность максимально открыта социуму, милосердна, так как принимает духовно-нравственные ценности поколений, культурные установки и устремлена к достижению наиболее высоких результатов в профессиональной деятельности и творчестве. Для воспитания такой личности необходимо знание и усвоение человеком истории и культуры своего народа, освоение духовного опыта предшественников и современников, культурного наследия России как обязательное условие формирования ценностных приоритетов. Этому способствует введение в учебный процесс изучения истории театра, организации театрального дела, основ современной культурной политики, истории страны, экономики и философии. Стали традиционными творческие показы студенческих театральных работ в присутствии широкой общественности и профессионалов театрального дела. Обязательным является участие студентов старших курсов во всех профессиональных театральных фестивалях, проводимых в Омске. Ведущая роль учебной деятельности заключается в том, что она даёт студенту максимум профессиональных знаний и навыков, формирует мировоззрение личности, оказывает влияние на все виды студенческой деятельности.

Одним из важнейших направлений деятельности факультета культуры и искусств ОмГУ имени Ф. М. Достоевского стало создание условий для творческого развития обучающихся, расширения электронно-образовательной среды, обеспечивающей доступ каждому студенту к учебным планам, вариативность учебных программ. Всё это

способствует результативности компетентного подхода в обучении, повышению педагогической культуры. Данные факторы обуславливают высокую степень интегрированности культурно-образовательного пространства, которое должно быть избыточным и многовариантным, чтобы обеспечивать свободное развитие и гуманистический образовательно-воспитательный процесс в высшем учебном заведении.

Образование является частью культуры. В связи с этим система образования начинает осознаваться как система условий для культурного саморазвития. Подход с позиций не только трансляции, но и развития культуры, обеспечивающий развитие личности и профессионала, становится возможными, если учебное заведение организует пространство своей жизнедеятельности как культурно-образовательное, реализуя совокупность эталонно-культурной, социальной и профессиональной функций.

Таким образом, при формировании лидерских качеств у студенческой молодёжи можно выделить несколько взаимосвязанных компонентов. Во-первых, профессиональный – совокупность знаний, умений, навыков, интересов, способностей, ориентированных на глубокое освоение специальности артиста театра. Во-вторых, социальный – характеристика личности студента (мировоззрение, убеждения, участие во внеучебной деятельности). В-третьих, нравственный – принятие базовых моральных ценностей, чувство нравственного достоинства, чести, совести, долга. И, конечно, психологический – совокупность индивидуально- и социально-психологических характеристик молодого человека. В конечном счёте воспитание лидерских качеств у будущих актёров будет востребовано в ходе реализации их профессиональной подготовки на практике в коллективе профессионального театра.

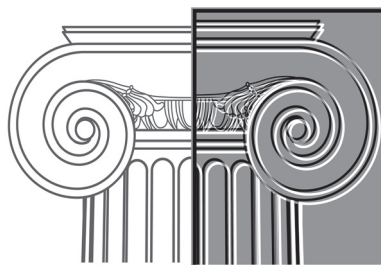

Примечания

1. Антилогова Л. Н. К проблеме социальной активности студенческой молодёжи // Проблемы культуры городов России. Материалы II Всероссийского научно-практического семинара. Омск, 1996.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / [примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова]. 2-е издание. Москва : Искусство, 1986. 444 с.
3. Библиер В. С. От научения – к логике культуры : два философских введения в двадцать первый век. Москва : Direct MEDIA, 2014. 615 с.
4. Еришов П. М. Сочинения : [в 3 томах] / [отв. ред. В. М. Букаатов ; предисл. В. М. Букаатова, А. П. Ершовой]. Москва : ТОО «Горбунок», 1992. Том 1 : Технология актёрского искусства. 285 с.
5. Мансурова А. П. Сущность и специфика универсальной подготовки в вузе в контексте гуманитарных наук // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 4 (48). С. 153–158.
6. Ситаров В. А., Маралов В. Г. Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути её развития) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 164–176. DOI: 10.17805^ри.2015.4.15
7. Станиславский К. С. Статьи. Речи. Беседы. Письма / [сост., подгот. К печати и предисл. Г. Кристи и Н. Чушкина ; вступит. ст. Вл. Прокофьева]. Москва : Искусство, 1953. 781 с.
8. Статкевич Е. Е. Формирование лидерских качеств у студенческой молодёжи в процессе театрального творчества : автореф. дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.05 / Статкевич Елена Евгеньевна. Казань, 2015. 21 с.
9. Философия: Энциклопедический словарь / под редакцией А. А. Ивина. Москва : Гардарики, 2004. 1072 с.
10. Яркова Е. Н. Мастерство актёра: обучение в театральной школе : учебное пособие. Омск : Изд-во Омского государственного университета, 2015. 144 с.

References

1. Antilogova L. N. K probleme sotsial'noy aktivnosti studencheskoy molodezhi [To the problem of social activity of student youth]. *Problemy kul'tury gorodov Rossii. Materialy II Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo seminar* [Problems of culture of Russian cities. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Seminar]. Omsk, 1996.
2. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. 2nd edition. Moscow, Art Publishing House, 1986. 444 p.
3. Bibler V. S. *Ot naucheniya – k logike kul'tury: dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek* [From learning to the logic of culture: two philosophical introductions into the twenty-first century]. Moscow, Direct MEDIA Publishers, 2014. 615 p.
4. Ershov P. M. *Sochineniya, v 3 tomakh. Tom 1: Tekhnologiya aktorskogo iskusstva* [Works, in 3 vol. Volume 1: Acting Technology]. Moscow, 1992. 285 p.
5. Mansurova A. P. Sushchnost' i spetsifika universal'noy podgotovki v vuze v kontekste gumanitarnykh nauk [Essence and specificity of universal preparation in high school in the context of the humanities]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2012, no. 4 (48), pp. 153–158.
6. Sitarov V. A., Maralov V. G. A person's social activity (levels, criteria, types and ways of development). *The "Znanie. Ponimanie. Umenie"* ("Knowledge. Understanding. Skill"). 2015, no. 4, pp. 164–176. DOI: 10.17805^ри.2015.4.15
7. Stanislavsky K. S. *Stat'i. Rechi. Besedy. Pis'ma* [Articles. Speech Conversations. Letters]. Moscow, Art Publishing House, 1953. 781 p.
8. Statkevich E. E. *Formirovanie liderских kachestv u studencheskoy molodozhi v protsesse teatral'nogo tvorchestva. Avtoreferat diss. cand. ped. nauk* [Formation of leadership qualities in student youth in the process of theatrical creativity. Synopsis cand. ped. sci. diss.]. Kazan, 2015. 21 p.
9. Ivin A. A., ed. *Filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Publishing house «Gardariki», 2004. 1072 p.
10. Yarkova E. N. *Masterstvo aktera: obuchenie v teatral'noy shkole* [Actor's skill: training in theatrical school]. Omsk, Publishing house of the Omsk State University, 2015. 144 p.

БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ЦИФРОВИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ: К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЗНАНИЙ И ТРАДИЦИОННЫХ ВЫРАЖЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 304.4

О. П. Неретин

Федеральный институт промышленной собственности

Статья рассматривает вопросы сохранения нематериального культурного наследия как одного из значимых процессов цифровизации культуры. Автор предлагает пересмотреть парадигмы управления нематериальным наследием и не ограничиваться только его цифровым документированием и описанием. В основе предлагаемого решения – рассмотрение традиционных знаний и выражений культуры в контексте интеллектуальной собственности, а организации их хранения в цифровом формате – как компонента сложного процесса, объединяющего и технологические, и экономические, и правовые решения. Уточняются понятия «традиционные знания» и «традиционные выражения культуры». Ставится задача определения границ между сферой общественного достояния и сферой охвата охраны традиционной культуры как интеллектуальной собственности. С позиций амбивалентности рассматриваются предлагаемые решения сохранения нематериального культурного наследия.

Ключевые слова: традиционные знания, традиционные выражения культуры, цифровая культура, цифровизация культуры, сохранение культурного наследия, нематериальное культурное наследие, интеллектуальная собственность.

O. P. Neretin

Federal Institute of Industrial Property, Berezhkovskaya nab., 30, korp. 1, 125993, Moscow, Russian Federation

INTELLECTUAL PROPERTY AS A TOOL OF DIGITALIZATION OF CULTURE: TO PRESERVE TRADITIONAL KNOWLEDGE AND TRADITIONAL CULTURAL EXPRESSIONS

The article considers the issues of preservation of intangible cultural heritage as one of the important processes of digitalization of culture. The author proposes to revise the paradigm of intangible heritage management and not be limited to its digital documentation and description. The proposed solution is based on the consideration of traditional knowledge and cultural expressions in the context of intellectual property, and the organization of their storage in digital format as a component

---

НЕРЕТИН ОЛЕГ ПЕТРОВИЧ – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель научно-образовательного центра Федерального института промышленной собственности

NERETIN OLEG PETROVICH – Full Doctor of Economics, Chief Researcher, Head of the Scientific and Educational Center of the Federal Institute of Industrial Property

© Неретин О. П., 2018

of a complex process that combines technological, economic and legal solutions. The concepts of «traditional knowledge» and «traditional cultural expressions» is clarified. The task is to define the boundaries between the public domain and the scope of protection of traditional culture as intellectual property. From the standpoint of ambivalence, the proposed solutions for the preservation of intangible cultural heritage are considered.

Keywords: traditional knowledge, traditional cultural expressions, digital culture, digitalization of culture, preservation of cultural heritage, intangible cultural heritage, intellectual property.

Для цитирования: Неретин О. П. Интеллектуальная собственность как инструмент цифровизации культуры: к вопросу сохранения традиционных знаний и традиционных выражений культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 158–163.

Развитие культуры в цифровую эпоху привлекает внимание науки, практики, отраслевого управления. Цифровизация (информатизация) культуры – сложный процесс, не сводимый только к внедрению информационных технологий в процессы трансляции культурной информации. Этот процесс включает формирование глобального доступа к разнообразию социокультурной феноменологии, его сохранение и развитие посредством информационно-коммуникационных новаций, процесс формирования цифровой культуры, культуры информационного общества, обладающей своеобразием [4].

Задачи сохранения культурного наследия в информационном обществе могут быть разделены на несколько уровней: теоретико-методологический, организационный, технологический. Основной акцент в данном проблемном поле изучения и проектирования делается на полидисциплинарный анализ культурного наследия как сложного системного феномена и на прикладные разработки в области оцифровки. Организационные задачи рассматриваются только на уровне проектного менеджмента, тогда как принципиальным, теоретически и практически значимым вопросом выступает поиск новых инструментов информационного менеджмента культуры в русле переосмотра парадигм социального управления

в цифровую эпоху [5]. Мы делаем попытку рассмотреть вопрос сохранения традиционных знаний и выражений культуры, выйдя из проектных практик документирования, метаинформационного описания и представления в цифровом формате, и предложить подход, усиливающий интеллектуальный и правовой компоненты сохранения культурного наследия и поднимающий данную задачу над чисто технологическими решениями. В его основе – рассмотрение традиционных знаний и выражений культуры в контексте интеллектуальной собственности, а организации их хранения в цифровом формате – как компонента сложного процесса, объединяющего и технологические, и экономические, и правовые решения.

Понятие «традиционные знания» трактуется как интеллектуальное и другое нематериальное культурное наследие, практика и система знаний традиционных общин, в том числе коренных и местных общин (традиционные знания в общем смысле). В широком смысле понятие охватывает содержание знаний и традиционные выражения культуры, в том числе отличительные знаки и символы, связанные с традиционными знаниями [12]. В узком смысле, в рамках международных дискуссий, традиционные знания интерпретируются как знания, созданные в результате интеллектуальной деятельности в традиционном контексте,

и охватывают ноу-хау, практику, навыки и инновации: сельскохозяйственные знания, научные, технические, экологические, медицинские, включая соответствующие лекарственные средства, знания, связанные с биоразнообразием и т.д. [12]

Термин «традиционные выражения культуры», или «выражения фольклора», используется Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) для обозначения материальных и нематериальных форм, в которых выражается традиционная культура, в том числе и традиционные знания – традиционная музыка, спектакли, рассказы, имена и символы, конструкции, архитектурные формы и т.д. [12]

Задача сохранения наследия традиционной (этнической) культуры актуальна с законодательной и институциональной точек зрения. Во-первых, необходимо создание условий для сохранения (недопущения исчезновения) и обеспечения жизнеспособности объектов культуры, во-вторых, актуально обеспечение индивидуальных прав граждан на доступ к культурному наследию и возможность вносить вклад в его обогащение. Эти направления концентрируют внимание на физическом сохранении объектов культуры – фиксация, изучение, популяризация, что определяет активность работы по этому вопросу в рамках научной, культурно-образовательной и досуговой деятельности.

Вопросы применения систем интеллектуальной собственности для правовой охраны традиционных знаний и выражений культуры частично исследуются в работах А. С. Каргина, А. В. Костиной [2] и Д. А. Литвиной [3], например, рассматриваются вопросы о международно-правовой защите нематериального культурного наследия. Механизмы законодательной системы “*sui-generis*” (уникального правового

решения при наличии отдельных аналогичных элементов) в обеспечении охраны традиционных знаний рассматривает Б. Каласкар [11]. Опыт защиты традиционной культуры в Австралии изучают А. С. Селезнева [8] и другие. Представляют интерес рабочие материалы и справочник по охране традиционных знаний, составленные С. Хансеном и Дж. Ванфлитом [10]. Н. Г. Пономарева [7] изучает российскую специфику правовой охраны традиционных знаний и генетических ресурсов. Монография «Использование системы интеллектуальной собственности для правовой охраны генетических ресурсов, традиционных знаний и народного творчества» раскрывает отечественный опыт и перспективы применения норм права интеллектуальной собственности по отношению к объектам культуры и искусства [1].

Особый подход к сохранению традиционных знаний и выражений культуры предлагает ВОИС, которая относит их к объектам права на интеллектуальную собственность и рассматривает их как основу для инноваций в сфере промышленности или как источник, вдохновляющий на создание нового культурного, творческого продукта.

Между тем основная задача ВОИС в работе с традиционными знаниями и традиционными выражениями культуры заключается в определении границ между сферой общественного достояния и сферой охвата охраны традиционной культуры как интеллектуальной собственности, что является принципиальным вопросом для понимания возможностей и рисков развития и сохранения культурного наследия в цифровой экономике.

Признание за традиционными знаниями и традиционными выражениями культуры статуса общественного достояния создаёт условия для их неправомерного ис-

пользования и присвоения и делает уязвимыми интересы их носителей. В данном случае надо учитывать масштабность отмеченных Н. А. Слядневой кризиса креатива и синдрома «ретранслятора информации». Они выражаются «в вытеснении, замене интеллектуального, творческого потребления информации различными цифровыми технологиями её поиска, компиляции, фрагментирования, копирования, генерации новых текстов или массивов данных, имеющих все признаки семантической целесообразности, осмысленности» [9]. В этой социокультурной ситуации придание традиционным знаниям и традиционным выражениям культуры статуса общественного достояния повышает их уязвимость с точки зрения неправомерного использования и присвоения.

Нам представляется важным учесть ещё ряд принципиальных моментов. Во-первых, традиционные знания должны не только сохраняться, но и развиваться и использоваться в современной жизни общества, что требует стимулирования в рамках управления культурой. Во-вторых, в условиях цифровой экономики остро встаёт вопрос об экономической поддержке людей, проживающих в регионах традиционного бытования. В-третьих, отсутствуют практико-ориентированные разработки в области управления передачей традиционных знаний следующим поколениям, касающиеся, например, мотивации молодых людей перенимать традиционные знания и использовать их, улучшая или без улучшения. В-четвёртых, необходимо «подпитывать» дух, присущий коренным сообществам, которые проживают в местах традиционного бытования.

Сегодня мы видим примеры того, как в ряде стран традиционные знания становятся объектом дохода. Например, известен

случай патентования и последующей коммерциализации коренным народом региона Кимберли (Kimberley) на северо-западе Австралии лекарственных средств на основе коры дерева маджала, которая применялась им для обезболивания и заживления ран на протяжении многих веков [6].

Вместе с тем нельзя не согласиться с разработками ВОИС, сделанными под руководством профессора А. К. Гупта, позволяющими определить закономерные причины, затрудняющие процессы подобной интеграции традиционных знаний и выражений культуры в цифровую экономику культуры [13].

Во-первых, идеология некоторых коренных общин, местная культура и этические ценности не приемлют коммерциализации традиционных знаний. Во-вторых, целый ряд стран законодательно рассматривают традиционные знания как общественное достояние. В-третьих, документирование традиционных знаний, в том числе в цифровых форматах, автоматически делает их общедоступными. В-четвёртых, любые ограничения доступа к традиционным знаниям выступают демотиватором их развития. В-пятых, патентная аналитика и экспертиза требуют «переформатирования» традиционных знаний для установления новизны и неочевидности, приведения их к образу и подобию научного знания, что сразу же разрушает уникальность этого культурного феномена.

Амбивалентность этого решения определяет появление принципиально новой теоретической и прикладной темы, позволяющей комплексировать понимание традиционных знаний и выражений культуры как интеллектуальной собственности и разумный, необходимый для развития культуры уровень доступности к данным объектам материального культурного наследия.

Таким образом, цифровая культура как формирующаяся отрасль цифровой экономики и как новая платформа культурного развития должна выработать решения этих задач, и сделать это надо сегодня, в опережающем режиме. Это требует разработки

проблемы управления традиционными знаниями и выражениями культуры на уровне теории, стратегического управления и наукоёмких прикладных решений в области культурологии, экономики, информатики, права.

Примечания

1. Использование системы интеллектуальной собственности для правовой охраны генетических ресурсов, традиционных знаний и народного творчества : монография / А. Д. Корчагин, Л. Н. Симонова, Ю. Г. Смирнова, Н. Г. Пономарева ; Российское агентство по патентам и товарным знакам ; Федеральный институт промышленной собственности. Москва : ИНИЦ Роспатента, 2002. 101 с.
2. Каргин А. С., Костина А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке // Культурная политика. 2008. № 3. С. 59–71.
3. Литвина Д. А. Основные подходы международной правовой защиты нематериального культурного наследия // Актуальные проблемы современного международного права : материалы X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти профессора И. П. Блищенко, Москва, 13–14 апреля 2012 года : в 2 частях / [отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселева]. Москва : РУДН, 2012. Часть 1. С. 487–495.
4. Лопатина Н. В. Информатизация культуры: современные проблемы и перспективы // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2010. № 5. С. 13–17.
5. Лопатина Н. В. Управление информатизацией: теоретико-социологический подход : монография. Москва : Изд-во МГУКИ, 2006. 236 с.
6. Охрана и поддержка родной культуры. Практическое руководство по вопросам ИС для коренных народов и местных общин / Бегонья Венеро Агирре, Хай-Юань Туалима [и др.] ; под ред. Тоби Бойд. Женева : ВОИС, 2017. 36 с.
7. Пономарева Н. Г. Особенности правовой охраны традиционных знаний и генетических ресурсов : автореферат дис. на соиск. учён. степ. кандидата юридических наук : 12.00.03 / Пономарева Наталья Геннадьевна. Москва, 2004. 23 с.
8. Селезнева А. С. Основные направления современной политики Австралии в области защиты традиционной культуры и интеллектуальной собственности аборигенов // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 25. С. 107–114.
9. Сляднева Н. А. Информационные ресурсы в информационном обществе: онтологический статус и методология // Информационные ресурсы России. 2009. № 1. С. 8–13.
10. Hansen S., Vanfleet J. *Traditional Knowledge and Intellectual Property: A Handbook on Issues and Options for Traditional Knowledge Holders in Protecting their Intellectual Property and Maintaining Biological Diversity*. American Association for the Advancement of Science (AAAS) Science and Human Rights Program. New York, 2003. 85 p.
11. Kalaskar, Balavanth S. Traditional knowledge and sui-generis laws. *International Journal of Scientific & Engineering Research*, July-2012, Volume 3, Issue 7. Available at: <http://www.ijser.org/researchpaper/TRADITIONAL-KNOWLEDGE-AND-SUI-GENERIS-LAW.pdf>
12. Traditional knowledge. Glossary. Intergovernmental Committee on Intellectual Property and Genetic Resources, Traditional Knowledge and Folklore. WIPO. *World Intellectual Property Organization – 2017*. Available at: <http://www.wipo.int/tk/en/resources/glossary.html#49>
13. WIPO-UNEP Study on the Role of Intellectual Property Rights in the Sharing of Benefits Arising from the Use of Biological Resources and Associated traditional Knowledge. Study № 4. Prep. Prof. Anil K. Gupta. *WIPO Publication № 769 E*. 325 p.

References

1. Korchagin A. D., Simonova L. N., Smirnova Yu. G., Ponomareva N. G. *Ispol'zovanie sistemy intellektual'noy sobstvennosti dlya pravovoy okhrany geneticheskikh resursov, traditsionnykh znaniy i narodnogo tvorchestva [The use of the intellectual property system for the legal protection of genetic resources, traditional knowledge and folk art]*. Moscow, Published by Russian Agency for Patents and Trademarks, Federal Institute of Industrial Property, 2002. 101 p.
2. Kargin A. S., Kostina A. V. Preservation of the intangible cultural heritage of the peoples of the Russian Federation as a priority of the cultural policy of Russia in the 21st century. *Kul'turnaya politika [Cultural policy]*. 2008, no. 3, pp. 59–71. (In Russian)
3. Litvina D. A. Osnovnye podkhody mezhdunarodnoy pravovoy zashchity nematerial'nogo kul'turnogo naslediya [The main approaches of the international legal protection of intangible cultural heritage]. In: Abashidze A. Kh., Kiseleva E. V., eds. *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava. Materialy X ezhegodnoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora I. P. Blishchenko, Moskva, 13–14 aprelya 2012 goda. V 2 chastyakh, chast' 1 [Actual problems of modern international law: materials of the X Annual All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Professor I. P. Blishchenko, Moscow, April 13–14, 2012. In 2 parts, part 1]*. Moscow, Publishing house of the People's Friendship University of Russia (PFUR), 2012. Pp. 487–495.
4. Lopatina N. V. Informatizatsiya kul'tury: sovremennye problemy i perspektivy [Informatization of culture: current problems and prospects]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty [Scientific and technical information. Series 1. Organization and technique of information work]*. 2010, no. 5, pp. 13–17.
5. Lopatina N. V. *Upravlenie informatizatsiyey: teoretiko-sotsiologicheskii podkhod [Management of informatization: theoretical-sociological approach]*. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2006. 236 p.
6. Boyd Tobi, ed. *Okhrana i podderzhka rodnoy kul'tury. Prakticheskoe rukovodstvo po voprosam IS dlya korennykh narodov i mestnykh obshchin [Protection and support of native culture. A Practical Guide on IP Issues for Indigenous Peoples and Local Communities]*. Zheneva, Published by Russian Organization for Intellectual Property (VOIS), 2017. 36 p.
7. Ponomareva N. G. *Osobennosti pravovoy okhrany traditsionnykh znaniy i geneticheskikh resursov. Avtoreferat diss. kand. yurid. [Features of the legal protection of traditional knowledge and genetic resources. Synopsis Cand. law diss.]*. Moscow, 2004.
8. Selezneva A. S. Osnovnye napravleniya sovremennoy politiki Avstralii v oblasti zashchity traditsionnoy kul'tury i intellektual'noy sobstvennosti aborigenov [The main directions of Australia's current policy in the field of protection of traditional culture and intellectual property of Aboriginal people]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya [Southeast Asia: actual problems of development]*. 2014, no. 25, pp. 107–114.
9. Slyadneva N. A. Informatsionnye resursy v informatsionnom obshchestve: ontologicheskii status i metodologiya [Information resources in the information society: the ontological status and methodology]. *Information Resources of Russia*. 2009, no. 1, pp. 8–13.
10. Hansen S., Vanfleet J. *Traditional Knowledge and Intellectual Property: A Handbook on Issues and Options for Traditional Knowledge Holders in Protecting their Intellectual Property and Maintaining Biological Diversity*. American Association for the Advancement of Science (AAAS) Science and Human Rights Program. New York, 2003. 85 p.
11. Kalaskar, Balavanth S. Traditional knowledge and sui-generis laws. *International Journal of Scientific & Engineering Research*, July-2012, Volume 3, Issue 7. Available at: <http://www.ijser.org/researchpaper/TRADITIONAL-KNOWLEDGE-AND-SUI-GENERIS-LAW.pdf>
12. Traditional knowledge. Glossary. Intergovernmental Committee on Intellectual Property and Genetic Resources, Traditional Knowledge and Folklore. *WIPO. World Intellectual Property Organization – 2017*. Available at: <http://www.wipo.int/tk/en/resources/glossary.html#49>
13. WIPO-UNEP Study on the Role of Intellectual Property Rights in the Sharing of Benefits Arising from the Use of Biological Resources and Associated traditional Knowledge. Study № 4. Prep. Prof. Anil K. Gupta. *WIPO Publication № 769 E*. 325 p.

ЧТЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

УДК 028.5

Т. Я. Кузнецова

Московский государственный институт культуры

Анализируется механизм влияния чтения на процесс социализации личности через повышение её культурной компетентности – базового индикатора Национальной программы поддержки и развития чтения. Рассматриваются позитивные и негативные аспекты массовой дигитализации и её влияние на процессы чтения в цифровую эпоху. Характеризуется роль культурной компетентности личности в умении воспринимать и оценивать получаемую текстовую информацию. Обосновывается положение о неоднородности процесса чтения текста и определяются его основные этапы: от информационно-ознакомительного до когнитивно-синтетического. Рассматриваются разновидности чтения: инструментальное, образовательное, развивающее, рекреационное, и их влияние на процесс социализации личности. Делается вывод, что работа по продвижению чтения и формированию читательской культуры – важный фактор социализации личности и необходимое условие формирования гармоничного человека, способного к продуктивной и творческой деятельности в информационном обществе и обществе знаний.

Ключевые слова: информационное общество, социализация личности, культурная компетентность, поддержка и развитие чтения, инструментальное чтение, образовательное чтение, развивающее чтение.

T. Ya. Kuznetsova

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

READING AS A TOOL OF SOCIALIZATION PERSONALITY OF THE DIGITAL AGE

The author analyzes the mechanism of reading influence on the process of socialization of an individual through the enhancement of their cultural competence – the basic indicator of the National Program of reading support and development. The positive and negative aspects of mass digitalization and its influence on reading processes in the digital age are considered. Characterized by the role of cultural competence of the individual in the ability to perceive and evaluate the resulting textual information. The provision on the nonuniformity of the process of reading the text is substantiated

---

КУЗНЕЦОВА ТАТЬЯНА ЯКОВЛЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «АПРИКТ» Московского государственного института культуры

Kuznetsova Tatyana Yakovlevna – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Senior Research Fellow of the Scientific and Educational Center “Academy of Retraining of Workers of Art, Culture and Tourism”, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: aprikt.biblio02@inbox.ru
© Кузнецова Т. Я., 2018

and its main stages are determined: from information-orientation to cognitive-synthetic. The types of reading are considered: instrumental, educational, equitable, recreational and their influence on the process of socialization of the individual. It is concluded that the work to promote reading and the formation of reading culture is an important factor in the socialization of the individual and a necessary condition for the formation of a harmonious person capable of productive and creative activities in the information and knowledge society.

Keywords: information society, socialization of personality, cultural competence, support and development of reading, instrumental reading, educational reading, developing reading.

Для цитирования: Кузнецова Т. Я. Чтение как инструмент социализации личности в цифровую эпоху // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 164–170.

Вот уже более 10 лет библиотечное сообщество России совместно с книгоиздательской и книготорговой сферами и учреждениями образования реализует Национальную программу поддержки и развития чтения [4].

Базовым социальным индикатором Национальной программы выступает понятие «культурная компетентность», и вся деятельность по продвижению чтения предусматривает её формирование и развитие. Уровень культурной компетентности личности во многом определяет степень её социализации.

Проблеме социализации посвящено значительное количество исследований в области педагогики, общей и возрастной психологии, социологии, социальной философии (Т. Парсонс, А. Лоренцер, Дж. Мид, Л. С. Выгодский, А. Н. Леонтьев и другие). В самом общем плане социализация понимается как «... процесс становления личности, усвоение социального опыта, в ходе которого формируются наиболее общие, устойчивые черты личности» (Е. П. Поликанова).

Опираясь на труды исследователей феноменологии социализации как многоэтапного и многофакторного процесса развития и адаптации личности к окружающему миру [5], можно заключить, что данный процесс предусматривает, прежде всего, усвоение индивидом мировоззренческих и культурных ценностей и традиций окру-

жающего социума, знание законов и норм социального поведения и следование им.

Процесс вхождения индивида в социальную среду, приспособление к ней, освоение определённых ролей и функций происходит на различных уровнях: физиологическом, психологическом, когнитивном, профессиональном, социально-коммуникативном. При этом адаптационный механизм социализации работает на протяжении всей жизни человека, позволяя ему приспосабливаться к изменениям окружающей социальной среды. Особенности этой среды, действующие в ней законы, нормы и правила межличностного общения, традиции и новые тренды социального развития оказывают определяющее влияние на векторы процесса социализации индивида. Не меньшее значение имеет и система социальных коммуникаций, межкультурных и межнациональных отношений в социуме, окружающем личность.

Следует отметить, что при изучении влияния различных факторов на социализацию личности [5], роль чтения как особой системы межличностных отношений между читателем и автором читаемого текста в этом процессе исследована не достаточно глубоко. Между тем происходящие в цифровую эпоху трансформации носителей текстов, меняющие не только восприятие текста, но и традиционные взаимосвязи между

автором и читателем, делают задачу изучения влияния чтения на процесс социализации ещё более актуальной.

Современный социум и его коммуникативная среда характеризуются рядом принципиально новых социальных практик и технологий социального взаимодействия, определяемых теоретиками как информационное общество. Под влиянием глобальной цифровизации создаётся мир новых форм, стилей и смыслов социального бытия, с новыми ценностными приоритетами, новой архитектурой межличностных и общественных отношений. Формируется новый стиль общественного поведения, который можно определить как «информационно-коммуникативный», а также появляются новые формы социальных связей – сетевые сообщества. Благодаря этому у человека появилась возможность тесных контактов и самореализации не только в окружающем социуме, но и в мировом масштабе. Социальное бытие наполняется новым дискурсом и мотивациями. При этом знание и информация для многих членов современного социума становятся наивысшей ценностью, а степень владения ими – определяющим фактором социальной дифференциации [8].

Однако сетевое пространство, по мнению ряда социальных философов (Г. Мартин, З. Сардар, Х. Шуман, У. Эко, В. Иноземцев, Н. Н. Моисеев и другие), таит в себе определённые опасности. Многие учёные, в том числе антропологи, нейрофизиологи, психологи, серьёзно озабочены происходящими изменениями в умственной и социальной деятельности человека в современном виртуальном мире. Доказано, что, ускоряя процессы производства и передачи информации, электронные технологии «вымывают» из когнитивного пространства человека медленное, вдумчивое размышление и выработку личностного зна-

ния. Тем самым снижается способность к аналитико-логическому мышлению и рефлексии, формируется так называемое мерцающее сознание.

Кроме того, в условиях повсеместной дигитализации человек, попадая в мир, наполненный разнообразной информацией, и не имея навыков её переработки и усвоения, отдаёт предпочтение коротким текстам с несложным содержанием, снабженным изображениями, помогающими понять его смысл.

Существенно и то, что феномен «реальной виртуальности» зачастую меняет объективное отражение и видение мира [1]. В связи с этим хочется напомнить знаменитое изречение английского философа XVII века Джорджа Беркли: «*Быть – значит быть воспринимаемым*». Оно понималось как метафизическое умозаключение, но сегодня стало фактически реальной практикой киберсреды: то есть *если вас в ней нет, то вы не существуете*. При этом возможность модификации воспринимаемого мира по своему усмотрению, предлагаемая электронной средой, размывает границы между реальным бытием и виртуальной моделью. Технологии позволяют легко дополнять реальность, ретушировать её, выбрасывать из неё фрагменты, которые кому-либо не нравятся, добавлять новые, более желаемые. И невольно возникают вопросы: во-первых, какими должны быть этические нормы и ориентиры в обществе, которое наблюдает мир через виртуальное окно, где присутствует отретушированная, неадекватная реальному миру картина; и во-вторых, сможет ли человек противостоять манипулированию его сознанием в условиях медиасреды?

Снизить негативное влияние вышеуказанных факторов на процесс социализации личности в современном цифровом мире можно, используя различные инструмен-

ты, каналы и способы развития критического мышления, познавательно-когнитивных и социально-коммуникативных способностей человека.

Культурная компетентность как базовое условие социализации личности и одновременно её результат выступает именно таким инструментом.

Составляющими культурной компетентности личности являются следующие её характеристики:

- знание мировоззренческих и культурных оснований, ценностей и традиций соответствующего социума в их историческом развитии;
- знание законов, норм, правил, обычаев, символов, принятых в данном обществе;
- владение определённым объёмом обыденных и специальных (профессиональных) знаний, умений и навыков, способность их использовать и вариативно интерпретировать;
- владение вербальными и невербальными каналами социальных коммуникаций [7].

В цифровом обществе важной составляющей культурной компетентности личности является также её владение современными сетевыми технологиями, включая медиасреду, и умение их эффективно использовать в обыденной жизни и профессиональной деятельности [2].

Уровень культурной компетентности индивида оказывает определяющее влияние на его способность оценивать получаемую информацию и в случае необходимости противостоять манипулирующему воздействию на его сознание и поведение негативных факторов массмедиа, которые зачастую используют недопустимые приёмы дезинформации и фальсификации в освещении отдельных событий и фактов. Только человек, обладающий достаточно высоким уров-

нем культурной компетентности, способен отличить подлинное знание от «контрзнания», то есть ложного, недостоверного знания и фейковых сообщений, и не стать объектом социально манипулирования.

Вышеназванные составляющие культурной компетентности у каждого индивида имеют свои особенности и формируются под влиянием ряда факторов. Можно выделить их следующие уровни: макрофакторы – политическая, социально-экономическая и культурная жизнь страны, нравственные ценности и идеалы общества в целом; мезофакторы – место проживания, его региональные особенности, правила и традиции окружающего социума, этническая и конфессиональная принадлежность; микрофакторы – воспитание в семье, обучение в школе и вузе, характер и условия трудовой деятельности, субкультурная среда.

На каждом из уровней эффективным инструментом развития культурной компетентности личности является *чтение*, поскольку базовые цивилизационные ценности и их смысловые модели кодифицируются и транслируются в обществе в значительной степени с помощью таких феноменов, как *текст* и *книга*.

Мы определяем чтение как *форму коммуникативной, познавательной, когнитивной и эмоционально развивающей деятельности личности*, а *текст* – как *пространство общения* автора и читателя. При этом не существенно, какой материальный носитель текста – печатный, рукописный, электронный или сетевой.

На отношение к текстовой информации в процессе чтения влияют мировоззренческие, социальные, когнитивные, психологические, физиологические факторы [3; 6]. Очевиден и личностный, глубинный, творческий характер процесса чтения, который имеет свою логику и особенности.

Неоднороден и процесс чтения в аспекте логики восприятия и понимания текста. На наш взгляд, в нём можно выделить следующие этапы: начальный этап – преимущественно *ознакомительно-информационный, рекреационный и эстетический* (художественный текст), затем – *познавательно-аналитический* и, наконец, *когнитивно-синтетический*.

В целом процесс чтения – мощный стимулятор и катализатор активной, рефлексивной деятельности человека. Это специфическая познавательно-коммуникативная составляющая умственного труда. При этом чтение является не только важным средством и условием творческого мышления и познания в целом, но и способом постижения и освоения законов жизни.

Этими качествами обладают все виды чтения. Как правило, выделяются следующие его разновидности: *инструментальное* – получение информации и нового знания для решения научных, управленческих, творческих, производственных, бытовых и других задач; *образовательное* – получение информации и нового знания в целях общего и профессионального образования, повышения квалификации; *развивающее* – расширение культурного и научного кругозора, самообразование; *рекреационное* (досуговое) – чтение для развлечения, досуга, эмоционального переживания [3].

Все обозначенные разновидности чтения имеют различную степень значимости и функциональной нагрузки в процессах формирования составляющих культурной компетентности. Но каждая из них необходима, и только в совокупности они создают надёжную информационно-знаниевую платформу для социализации и профессионализации индивида. В частности, предпочтительные формы социального поведения осваиваются человеком уже на ранних

этапах его развития через чтение сказок, детской художественной и познавательной литературы, учебников по истории, обществоведению и другим гуманитарным дисциплинам. Компетентность относительно институциональных норм социальной организации обеспечивается во многом через чтение экономической, политологической, правовой, исторической и другой социально значимой литературы; относительно конвенциональных норм социальной и культурной регуляции – посредством чтения научной и популярной литературы по философии, социологии, этнологии, искусствоведению, этике, эстетике и другим наукам.

Формирование культурной компетентности во многом зависит от степени понимания читаемого текста в лингвистическом, предметном и профессиональном аспектах. Важным условием понимания текста служит умение дифференцировать содержание и смысл [6]. Чтение – это процесс декодирования смысла: умение находить в тексте скрытую или противоречивую информацию, связывать отдельные части текста, уметь за деталями видеть целое, воспринимать тонкости языка и смыслов, домысливать неявное, соотносить прочитанное с собственным опытом. В связи с этим методологический инструментарий герменевтики – науки о понимании смыслов текстов, исходя из их объективных и субъективных оснований, должен стать одним из базовых в формировании культуры чтения и её развития.

Следует учитывать и влияние различных видов чтения на формирование личности. Если технический, естественно-научный или социально-гуманитарный текст «работает» на развитие интеллектуальной сферы человека личности, то художественная литература оказывает большее

влияние на её нравственное и эстетическое развитие. Она является неисчерпаемым источником новых переживаний и чувств, в ней наиболее ярко отражаются нравственные установки автора, его личный опыт и взгляд на мир.

В связи с этим характерное для современного общества широкое обращение к «лёгкому чтению», фактически к суррогатной литературе, далеко не безвредно, как порой кажется. Она тоже оказывает влияние на социализацию личности, но ущербное, дефектное, которое рано или поздно негативно скажется на восприятии человеком окружающего мира, отношении к людям и на многом другом, что может оказать влияние на его жизнь и судьбу и опосредованно – на морально-нравственную атмосферу социума, в котором он живёт.

Таким образом, чтение – это фактор, формирующий человека и пробуждающий его личностный потенциал. Более того, процесс социализации, происходящий вне рамок процесса чтения, даже если в нём задействованы другие институции и каналы социальных коммуникаций, будет неполно-

ценным и не позволит человеку адекватно воспринимать и реагировать на окружающий мир.

Исходя из этого, деятельность по продвижению чтения и в его поддержку – буквально *парадигмальная установка на формирование гармоничного человека цифровой эпохи* в единстве его когнитивных, коммуникативных и эмоционально-психологических способностей к продуктивной и творческой деятельности в информационном обществе и обществе знаний.

Это – сверхзадача всех социальных институтов, которые целенаправленно занимаются продвижением чтения и формированием читательской культуры как субъекты реализации Национальной программы поддержки и развития чтения: библиотек, книгоиздательских и книготорговых организаций, музеев, школ, вузов, СМИ. При этом освоение различных коммуникативных стратегий и практик продвижения чтения на основе сотрудничества и социального партнёрства – залог достижения социальной результативности продвижения книги и чтения в стране.

Примечания

1. Лисенкова А. А. Социальные медиа: аттрактор новостей и пространство манипуляций // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2017. № 3 (26). С. 21–27.
2. Кузнецова Т. Я. Роль библиотек в формировании социокультурной компетентности личности // Национальная программа поддержки и развития чтения: год седьмой : материалы VII Научно-практической конференции «Национальная программа поддержки и развития чтения: проблемы и перспективы» и III Всероссийской научно-практической конференции «Библиотеки, издательства, книжная торговля и СМИ: влияние на круг чтения» (Москва, 19–20 ноября 2013 года) / [сост.: Е. И. Кузьмин, Д. Д. Игнатова ; ред. А. В. Паршакова]. Москва : Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2014. С. 68–74.
3. Мелентьева Ю. П. Чтение: модели и модификации // Чтение. XXI век : коллективная монография / [Ананьева М. Н. и др. ; науч. ред.-сост. В. Я. Аскарлова]. Москва : Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2015. С. 55–73.
4. Национальная программа поддержки и развития чтения [Электронный ресурс] / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Российский Книжный Союз // Library.ru : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: http://www.library.ru/1/act/doc.php?o_doc=1122&o_s
5. Поликанова Е. П. Социализация личности // Философия и общество. 2003. № 2 (31). С. 84–106.

6. Тузовский И. Д. Антиномии чтения, грамотности и образования в информационном обществе // Чтение. XXI век : коллективная монография / [Ананьева М. Н. и др. ; науч. ред.-сост. В. Я. Аскарлова]. Москва : Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2015. С. 95–121.
7. Флиер А. Я. Культурная компетентность личности [Электронный ресурс]. URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21kulturologiya/5911-1-kultura-flier-kulturnaya-kompetentnost-lichnosti-mezhdu-problemami-obrazovaniya-nacio.php>
8. Формирование информационного общества в XXI веке / Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»; Российская национальная библиотека; сост. Е. И. Кузьмин, В. Р. Фирсов. Санкт-Петербург, 2006. 640 с.

References

1. Lisenkova A. A. Social media: the attractor of news and space manipulation. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2017, no. 3 (26), pp. 21–27.
2. Kuznetsova T. Ya. Rol' bibliotek v formirovanii sotsiokul'turnoy kompetentnosti lichnosti [The role of libraries in shaping the sociocultural competence of the individual]. In: Kuzmin E. I., Ifnatova D. D., comp., Parshakova A. V., ed. *Natsional'naya programma podderzhki i razvitiya chteniya: god sed'moy. Materialy VII Nauchno-prakticheskoy konferentsii "Natsional'naya programma podderzhki i razvitiya chteniya: problemy i perspektivy" i III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Biblioteki, izdatel'stva, knizhnaya trgovlya i SMI: vliyaniye na krug chteniya" (Moskva, 19–20 noyabrya 2013 goda) [National Program for Support and Development of Reading: Year Seven: Proceedings of the VII Scientific and Practical Conference "National Program for Support and Development of Reading: Problems and Prospects" and the Third All-Russian Scientific and Practical Conference "Libraries, Publishers, Book Trade and Media: The Impact on the Reading Circle" (Moscow, November 19–20, 2013)]*. Moscow, Published by MCBS, 2014. Pp. 68–74.
3. Melentyeva Yu. P. Chtenie: modeli i modifikatsii [Reading: Models and Modifications]. In: Ananyeva V. N. and etc., Askarova V. Ya., ed. *Chtenie. XXI vek [Reading. 21th century]*. Moscow, Published by MCBS, 2015. Pp. 55–73.
4. *Natsional'naya programma podderzhki i razvitiya chteniya [National Reading Support and Development Program]*. Available at: http://www.library.ru/1/act/doc.php?o_doc=1122&o_s
5. Polikanova E. P. Sotsializatsiya lichnosti [Socialization of personality]. *Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and Society]*. 2003, no. 2 (31), pp. 84–106.
6. Tuzovsky I. D. Antinomii chteniya, gramotnosti i obrazovaniya v informatsionnom obshchestve [Antinomies of reading, literacy and education in the information society]. In: Ananyeva V. N. and etc., Askarova V. Ya., ed. *Chtenie. XXI vek [Reading. 21th century]*. Moscow, Published by MCBS, 2015. Pp. 95–121.
7. Flier A. Ya. *Kul'turnaya kompetentnost' lichnosti [Cultural competence of the individual]*. Available at: <http://pdf.knigi-x.ru/21kulturologiya/5911-1-kultura-flier-kulturnaya-kompetentnost-lichnosti-mezhdu-problemami-obrazovaniya-nacio.php>
8. Kuzmin E. I., Firsov V. R., comp. *Formirovanie informatsionnogo obshchestva v XXI veke [Formation of the information society in the 21th century]*. St. Petersburg, 2006. 640 p.

*

ЧТЕНИЕ ТРУДНЫХ ПОДРОСТКОВ КАК МЕТОД ИНКУЛЬТУРАЦИИ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

УДК 028.02

О. В. Дроздова

Челябинский государственный институт культуры

Специалисты, занимающиеся проблемами чтения, утверждают, что трудные подростки – категория общественности, для которой книга перестаёт быть материальным аспектом культуры. Между тем пребывание подростков в рамках какой-либо асоциальной системы длится всего несколько лет, что обуславливает её нестабильность, и поддержка чтения в трудном возрасте может стать фактором личного самоопределения. Для решения актуальной, масштабной и междисциплинарной задачи инкультурации трудных подростков необходимы прикладные исследования методов организации чтения, которые в настоящее время практически отсутствуют. В статье представлены результаты эксперимента, направленного на изучение возможности стимулирования и организации чтения трудных подростков методом чтения интерактивных документов. Использование интерактивных документов связано с тем, что в основе читательской несостоятельности трудных подростков лежит слабость эмоционально-волевой сферы, затрудняющая процесс чтения, произвольность внимания, способность воспринимать и сохранять в сознании большое количество печатных знаков. Данные исследования указывают на то, что интерактивные составляющие документа компенсируют недостаточность ассоциативных детерминант трудного подростка в восприятии печатных текстов, содействуют визуализации литературных образов, что способствует формированию мотивационных установок к чтению. Внешняя валидность проведённого эксперимента характеризует возможность обобщения, переноса результатов в библиотечную практику для решения проблем интеграции трудных подростков в современное культурное общество.

Ключевые слова: интерактивный документ, читательская деятельность, трудные подростки, внешний стимул, психолого-педагогический эксперимент.

O. V. Drozdova

Chelyabinsk State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation,
Ordzhonikidze str., 35-a, 454025, Chelyabinsk, Chelyabinsk Region, Russian Federation

READING DIFFICULT ADOLESCENTS AS A METHOD OF ENCULTURATION: PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL EXPERIMENT

Professionals involved in reading problems argue that difficult adolescents are a category of the public for which the book ceases to be the material aspect of culture. Meanwhile, the stay of adolescents

---

ДРОЗДОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры библиотечно-информационной деятельности факультета документальных коммуникаций и туризма Челябинского государственного института культуры

DROZDOVA OLGA VLADIMIROVNA – graduate student of the Department of Library and Information Activities, the Faculty of Documentary Communications and Tourism, the Chelyabinsk State Institute of Culture

e-mail: drozdova_7474@mail.ru
© Дроздова О. В., 2018

within an asocial system lasts only a few years, which causes its instability, and support for reading at a difficult age can become a factor in personal self-determination. To solve the actual, large-scale and interdisciplinary problem of the enculturation of difficult adolescents, applied research on the methods of organizing reading is needed, which are now virtually absent. The article presents the results of an experiment aimed at exploring the possibilities of stimulating and organizing the reading of difficult teenagers by reading interactive documents. The use of interactive documents is related to the fact that the basis of the reading insolvency of difficult adolescents lies in the weakness of the emotional-volitional sphere, which complicates the process of reading, involuntary attention, inability to perceive and retain a large number of printed characters in consciousness. The data obtained in the study indicate that the interactive components of the document compensate for the lack of associative determinants of a difficult teenager in the perception of printed texts. They contribute to the visualization of literary images, which in turn contributes to the formation of motivational attitudes towards reading. The external validity of the experiment describes the possibility of generalizing, transferring the results to library practice to solve the problems of integrating difficult teenagers into a modern cultural society.

Keywords: interactive document, reading activity, difficult teenagers, external stimulus, psychological and pedagogical experiment.

Для цитирования: Дроздова О. В. Чтение трудных подростков как метод инкультурации: психолого-педагогический эксперимент // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 171–182.

Развитие культурного общества невозможно без воспитания читательских качеств личности. Современное состояние читательской культуры государства во многом связано с общемировыми проблемами чтения современных подростков. В Концепции программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации (2017) опубликованы результаты международных исследований, согласно которым подростки, ранее занимавшие лидирующие позиции по чтению, к 15 годам перемещаются в середину рейтинга. Причины данной тенденции в полной мере не исследованы, но известно, что проблема сохранения и укрепления современного читающего общества настоятельно требует изучения чтения разнообразных категорий подростков, отличающихся разным уровнем способностей и читательских компетенций.

Обобщая опыт библиотек, работающих с различными социальными категориями общественности (полученный в 2018 году методом сбора информации с сайтов библиотек и библиотечных объединений, из

профессиональной печати, докладов конференций и форумов), следует отметить, что в 46 библиотечно-информационных системах Российской Федерации и республик, входящих в её состав, организовывается чтение для трудных подростков. Но библиотечные практики выступают как эмпирический метод познания читательских сторон их личности. Отсутствие теоретических основ мотивации чтения трудных подростков затрудняет достижение результатов практической деятельности в коррекции читательской индифферентности трудных подростков и интеграции их в читающее общество.

Изучение читательских особенностей трудного подростка является сложным вопросом и требует системного подхода, фундаментальной основой выступают знания о его личности. Из теорий гуманитарных наук известно, что понятие «трудные подростки» выделяется на основе отклоняющегося поведения [12] и в настоящее время употребляется как синоним термина «девиантное поведение», введённое Я. И. Гилинским. Среди множества определений в рам-

ках данной работы следует воспользоваться понятием «девиантное поведение читателей», предложенное А. Е. Шапошниковым, под которым подразумевается всё то, что противоречит принятым в обществе правовым и нравственным нормам [14, с. 59].

На современном этапе развития гуманитарных наук накоплен обширный теоретический и экспериментальный материал о социализации и развитии нравственных сторон трудного подростка. В рамках зарубежной и отечественной педагогики значимый вклад внесли Д. Г. Барис, А. В. Мудрик, Т. И. Шульга, В. Г. Бочарова, Ю. В. Василькова, М. А. Галагузова, Р. В. Овчарова, Н. В. Гуров, А. Н. Верцинская, А. И. Кочетов, А. И. Невский, И. Ю. Юрченко и другие. В психологической литературе проблемы трудных подростков отражены такими учёными, как П. П. Блонский, Л. С. Выготский, В. И. Куфачев, А. Н. Граборов, Г. И. Фортунатов, С. Л. Рубинштейн и другие. В исследованиях психологических особенностей личности трудных подростков выявлен недостаток активности познавательной деятельности (Л. М. Зюбин, В. Г. Степанов и другие). Д. И. Фельдштейн отмечает, что интерес к познавательной деятельности у данных подростков утрачен [13]. Из педагогических трудов известно, что у трудных подростков наблюдается низкая читательская культура и слабая мотивация к учебной деятельности. В этих трудах приведены разнообразные формы и способы воспитания трудного подростка, которые ориентируют на социально приемлемые способы поведения в культурном обществе. При этом деятельность всегда стимулируется и мотивируется таким образом, чтобы направить сознание на развитие нравственных качеств (Л. И. Рувинский, В. Н. Сорока-Росинский). Развитие культурной личности невозможно без воспитания читательских качеств. Результаты анали-

за научных исследований свидетельствуют о том, что читательская деятельность трудных подростков не была предметом специального исследования и остаётся в разряде актуальных и недостаточно изученных.

Современное библиотековедение основано на разработке новых методов чтения для различных категорий читателей, эмпирических исследованиях для решения прикладных задач. Выявленная нехватка научного знания в практической деятельности обусловила актуальную необходимость углубить знания психологии чтения трудных подростков и методов организации их чтения.

В рамках поставленных проблем исследование психологии чтения 14–15-летних трудных подростков, проведённое в государственных учреждениях города Нижневартовска (казённое учреждение «Следственный изолятор № 1», Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей «Аистенок», Центр реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями «Таукси»), позволило определить специфику восприятия текстов данной категории общественности. В результате тестирования, где измерялся уровень познавательных процессов, навыков чтения, были получены данные о том, что низкая результативность в процессе чтения связана с неспособностью воспринимать и сохранять в сознании большое количество печатных знаков. В основе читательской неспособности трудных подростков лежит произвольность внимания и слабость эмоционально-волевой сферы. Следовательно, *значимый диссонанс состоит между высоким уровнем требований, предъявляемых современным информационным обществом к данной категории подростков, и отстающей от этого уровня читательской возможностью восприятия традиционных*

текстов. Из этого обстоятельства возникла необходимость применения новых методов организации чтения.

Трудные подростки являются категорией, у которой эффективность читательской деятельности во многом определяется внешними стимулами, так как для них характерна повышенная внушаемость. В научном сообществе имеется немало сторонников внешних стимулов, которые считают, что стимулы целиком определяют поведение людей, относящихся к социальным категориям общественности, как пишет А. Маслоу, деятельность человека не столько «толкается» изнутри, сколько привлекается извне [6, с. 68]. Понимание психологических особенностей восприятия текстов трудных подростков позволило определить гипотезу исследования. Для подростков, обладающих непроизвольностью внимания, в качестве внешнего стимула чтения наиболее полно соответствуют характеристики интерактивного документа.

За последнее десятилетие областью научного изучения интерактивного документа стала информатика, педагогика, в научной психологии и психотерапии внедрено понятие интеракции, разработан интеракционистский подход. Анализ литературы свидетельствует об отсутствии конкретного толкования понятия, в узком значении интерактивный документ связан с интерактивным режимом [1]. В широком – рассматривается как порождение культурной парадигмы постмодерна и его возможности к разнообразным формам самовыражения [10]. В рамках данной научной работы на основе существующих терминов следует понимать интерактивный документ как документ, объединяющий текст, аудио- или видеофрагменты, анимационные, звуковые компоненты, усиливающие визуальный эффект. В библиотекведении интерактивные

составляющие документа уместно рассмотреть в качестве внешнего стимула, так как процесс чтения интерактивного документа предполагает поведенческие реакции, которые позволяют активно взаимодействовать с текстом и усиливают внимание читателя. Феномен, когда наибольшее влияние на формирование впечатлений об издании производит визуальный эффект, в психологии называют эффектом первичности. Он не сводится к временному мнемическому процессу запечатления. Напротив, создаёт установку (когнитивную схему), которая в дальнейшем усиливает процесс чтения и запоминания [3, с. 632].

Проверка гипотезы невозможна без получения эмпирических фактов, для решения проблемы выдвигалась задача определения влияния интерактивного документа на мотивацию к чтению трудных подростков экспериментальным методом. Эксперимент, в отличие от других методов исследования, даёт возможность внутреннему психическому процессу восприятия адекватно и однозначно проявиться во внешней читательской деятельности, доступной объективному наблюдению [9, с. 115]. Генеральную совокупность составили 540 подростков пенитенциарных учреждений города Нижневартовска ХМАО – Югры: ФКУ исправительная колония № 15, казённое учреждение «Следственный изолятор № 1».

Для сравнения результатов и проверки истинности выдвинутой гипотезы испытуемые методом случайного отбора были распределены в экспериментальную и контрольную группы по 48 человек. Группы были эквиваленты, но ставились в разные условия: в экспериментальной группе организовывалось чтение интерактивных документов, в контрольной группе – чтение традиционных документов. Экспериментальное исследование проводилось с июня 2016

года по июнь 2017 года с периодичностью два раза в месяц. Эксперимент был проведён в библиотечных условиях пенитенциарных учреждений, регистрируемыми параметрами были: а) готовность к читательской деятельности (ЧД); б) эмоциональное состояние в процессе ЧД; в) факт образования и динамика изменений мотивационных установок к ЧД. Использовались научные подходы: организационный подход был связан с выбором способов организации исследования, порядком применения методов, комплексный подход использовался для изучения объекта методами комплекса наук, диагностический подход был основан на использовании субъективных тестов, применяемых по принципу оценки испытуемыми своего поведения в процессе ЧД, что способствует формированию читательской самооценки. Системный подход позволил вскрыть общность психических составляющих ЧД, это даёт возможность обогащения библиотековедения фактами, методами других наук и проникновения библиотековедческих фактов в другие области знания. Структурный подход был использован для углубленного внимания к описанию актуального эмоционального состояния объектов исследования в процессе чтения. Использовались следующие методы научного исследования:

а) эмпирические методы:

- наблюдение (выборочное наблюдение, при котором фиксировались особенности читательского поведения);

- эксперимент (психолого-педагогический);

- тестирование (субъективное тестирование эмоциональных психических состояний, субъективное тестирование готовности к читательской деятельности, проективное тестирование отношения и мотивационных установок к чтению);

б) количественные методы:

- метод первичной обработки данных (табулирование, построение диаграмм и графика);

- метод вторичной обработки данных (вычисление статистических данных);

в) качественные методы:

- шкалирование (систематизация мотивационных установок);

- обобщение (постижение сущности стимулирования ЧД трудных подростков);

- сравнительный анализ (сопоставление экспериментальных результатов контрольной и экспериментальной группы);

г) интерпретационный метод (преобразование проективных данных в эмпирические знания о чтении трудных подростков).

Трудные подростки отличаются девиантным поведением, которое напрямую связано с негативным эмоциональным состоянием. Чтение как вид деятельности может вызывать различные эмоции, поэтому перед началом эксперимента измерялся уровень психического состояния. Тестированию в наибольшей степени присущ феномен «объективизации», для оценки психического состояния использовалась методика Г. Айзенка [7, с. 211–214]. Опросник входит в «Компендиум психодиагностических методик России» – официальный перечень печатных методик, допущенных к использованию в практической диагностике. Испытуемым предлагался перечень вопросов для самооценки состояния, который представляет собой 40 утверждений. Испытуемые оценивали себя относительно трихотомической шкалы: тревожность, фрустрация, агрессивность, ригидность. Если предложенное состояние подходило, то за ответ ставилось 2 балла; если подходило, но не очень, то 1 балл; если совсем не подходило – то 0 баллов. Обработка результатов производилась путём подсчитывания суммы

баллов за каждую из четырех групп вопросов. В результате подсчёта математическим методом у 60% испытуемых контрольной группы было набрано 15–17 баллов, у 59% испытуемых экспериментальной группы – 15–18 баллов. Полученные в экспериментальной и контрольной группах данные показали качественные характеристики испытуемых. Это высокий уровень выраженной агрессивности подавляющего большинства участников по отношению к читательской деятельности. В беседе испытуемые настаивали на просмотре популярных развлекательных журналов, демонстрировали читательскую отчуждённость и т.п.

В изучении влияния внешнего стимула на читательскую деятельность существенное место принадлежит исследованию мотивационных установок. Как отмечает К. И. Воробьева, трудность исследования мотивов читательской деятельности связана с отсутствием адекватных методик их выявления, с неразработанностью общетеоретических представлений о читательских мотивах в целом [4]. Недостаточность методов, позволяющих выделить специфические мотивы, определить эффективность стимулирующей ситуации и т.п., является основанием для заимствования тестов из смежных наук и для разработки новых инструментов оценок. Изучение мотивационных установок, которые определяют линейные свойства, то есть готовность к читательской деятельности, проводилось по адаптированной методике изучения читательских мотивов на основе опросника А. А. Реана и В. Я. Якунина [8].

Готовность к чтению понимается нами как общее психическое состояние, выражающееся в мотивационных установках к читательской деятельности. Каждая из семи шкал опросника включала утверждения, касающиеся мотивов и установок к чтению,

выделенных Л. И. Беляевой. Это: а) мотивы, связанные с функциональными потребностями; б) мотивы саморазвития и самообразования; в) познавательные мотивы; г) мотивы осмысления жизни; д) мотивы познания людей, самопознания и самовоспитания, поиска нравственного идеала; е) мотивы отвлечения от жизненных ситуаций; ж) мотивы, связанные с потребностями активизации определённых сторон психической деятельности [2, с. 165–166].

Испытуемым предлагалось оценить себя по 5-балльной системе мотивов к чтению по значимости, где 1 балл соответствует минимальной значимости мотива, 5 баллов – максимальной. Для обработки результатов тестирования математическим методом подсчитывался средний показатель по 7 шкалам. Средний результат был получен по шкале «Мотивы функциональных потребностей» и шкале «Мотивы отвлечения от жизненных ситуаций». Эти данные указывают на то, что в подсознании подростка содержится большой объём личностных конфликтов, решение которых испытуемые ищут в отвлекающем чтении. Книги, действительно, могут играть отвлекающую роль, но в то же время чтение для решения серьёзных проблем ставит под сомнение возможность формирования и развития стабильной читательской деятельности; после объяснения причин собственных проблем интерес к чтению может закончиться.

Средний результат 7–9 баллов подтверждает необходимость идентификации с литературным образом, но трудный подросток чаще всего идентифицирует себя с героем, который произвёл на него большое впечатление независимо от нравственных позиций героя, соответственно, важна профессиональная организация чтения. Низкий результат был получен по шкале «Мотивы саморазвития и самообразования»

и «Познавательные мотивы». Если среди обычных подростков одним из ведущих мотивов к чтению является специализированная отраслевая литература для получения вузовского образования, то трудные подростки не имеют чётких представлений о будущей профессии. К числу читательской индифферентности относится феномен «генерализации собственного опыта», который возведён в ранг «ритуала» собственной негативной практики.

Вторичная обработка данных показала общую готовность к чтению (по всем шкалам), она составила 8 баллов – эти данные указывают на низкую мотивационную установку к чтению испытуемых. Многие испытуемые высказывали полное отсутствие интереса и нежелание читать, некоторые отказались от предстоящего процесса чтения, но остались в качестве пассивных зрителей. В результате тестирования были получены констатирующие факты читательской индифферентности трудных подростков.

Среди мотивов чтения выделяются осознанные и неосознанные, поэтому для полноценного исследования мотивационной сферы испытуемых использовался проективный метод, на его основе возможно выявление скрытых детерминант читательских установок. Как вспомогательное средство была адаптирована проективная методика «Человек читающий». Испытуемым было предложено нарисовать какого-нибудь читающего человека в формате библиотеки. Предложение выполнить рисунки они приняли с некоторыми размышлениями, это свидетельствует о том, что трудные подростки начали оценивать себя как читателей впервые. В некоторых рисунках обстановка библиотеки и библиотекарь выглядят крайне конфликтно. Один из испытуемых нарисовал фигуру, на которую падает книга с полки, мужская фигура имеет агрес-

сивные черты лица. В целом в 60% случаев были стёрты и подчёркнуты части лица фигур, находящихся в контакте с библиотекарем (конфликтные области). Выполнение человека в формате библиотеки во многих рисунках очень неравномерно, изображение человека как мелкой фигуры в библиотеке подчёркивает, что данная проекция выражает несоответствие обстановки внутренней потребности подростка, непонимание им своего места в библиотечной среде.

Анализ тестовых данных производился на основе интерпретационного метода. Для описания отношения между трудным подростком, чтением и библиотекой, актуальным состоянием в структуре читательской деятельности использовался структурный подход. На его основе были обнаружены актуальные установки трудного подростка на зрительные образы в текстах, в рисунках часто употреблялись книжные зарисовки, моторные проявления изображенных фигур.

Психолого-педагогический эксперимент был проведён по плану: тест – организация чтения – ретест. Данный эксперимент как один из основных методов научного исследования был выделен С. Л. Рубинштейном в 1946 году [11] и по настоящее время широко применяется в педагогике, возрастной и педагогической психологии как метод прослеживания изменений познавательного развития в процессе активного воздействия исследователя на испытуемого [5, с. 35–36]. В библиотековедении психолого-педагогический эксперимент представляет собой, в частности, метод изучения развития читательской мотивации, которая достигается через воздействие стимула.

Суть эксперимента заключалась в организации чтения в специальных библиотечных условиях, в ходе которого изучалось образование читательской мотивации под воздействием интерактивных составляю-

щих документа, выступающих в качестве стимула. Эксперимент является формирующим так как ставил своей целью – посредством активного стимулирования – развитие чтения трудных подростков. Теоретической основой эксперимента был выдвинут педагогический подход и концепция о ведущей роли стимулирования в читательском развитии трудного подростка.

Испытуемым экспериментальной группы предлагалось чтение печатных документов по спискам обязательного и дополнительного литературного чтения, а также рекомендованных для старшего школьного возраста Министерством образования и науки России, тексты которых имеют интерактивное оформление. К явлениям интерактивности отнесены аудио, анимационные и механические составляющие, элементы раскладных документов рор-уп (в переводе с английского «неожиданно возникнуть»), встроенные светодиоды, миниатюрные динамики, панорамы, голограммы. Также различного рода вырезки, склеивания, добавления вкладышей, скрытые вращающиеся и другие подвижные элементы, способные превратить книгу в пространство для активного взаимодействия документа с читателем. Подросткам были представлены книги из серии «Интерактивная классика»: «Капитанская дочка» (А. С. Пушкин), где первая часть документа свёрстана как модный журнал, «Хаджи Мурат» и «Кавказский пленник» (Л. Толстой), а также интерактивные документы с подвижными окошками, панорамами и объёмными фигурами из серии «Хронограф»: «Петр I» (А. Толстой), «Ледовое побоище 1242», «В грозную пору» (М. Г. Брагин), «Сердца трёх» (Д. Лондон), «Бегущая по волнам» (А. В. Грин), «Приключения Алисы» (К. Булычев), «Остров сокровищ» (Р. Л. Стивенсон), повесть, отмеченная наградами в области литературы для детей

и юношества, «Правдивая история деда Мороза» (А. Жвалевский). Позволило погрузиться в историю и проникнуться духом боюродинского сражения интерактивное литературное пространство книги «Бородинская битва» (Э. Бунтман) и другие.

Испытуемые не знали, что их поведение фиксируется, это было связано с тем, что трудные подростки в искусственно созданной ситуации намеренно нарушают инструкции эксперимента. Стимулирующее воздействие интерактивного документа планомерно и целенаправленно влияло на объект исследования – чтение трудных подростков. Интерактивные издания выступали средством передачи атмосферы литературных произведений. В ходе наблюдения отмечено, что испытуемые экспериментальной группы проявляли большое внимание к интерактивным документам и превращали их в соавторов. При изучении изданий, имеющих интерактивное оформление, подростки становились активными участниками событий, в данном формате чтение идентично деловым играм и тренингам, направленным на развитие навыков взаимодействия и документальных коммуникаций. В процессе читательской деятельности некоторые испытуемые отмечали, что они впервые прочли книгу до конца.

Параллельно в контрольной группе предлагались для чтения аналогичные документы, оформленные в стандартном печатном формате. После организованных чтений, с помощью вышеописанных методик было проведено второе тестирование уровня психических состояний и готовности к читательской деятельности. При математической обработке данных 58% испытуемых контрольной группы набрали 15–17 баллов, 52% испытуемых экспериментальной группы – 7–9 баллов. Повторная диагностика уровня выраженности эмоцио-

нальных состояний указывала на то, что агрессивность в процессе читательской деятельности экспериментальной группы значительно снизилась и составила психологическую норму.

Метод сравнительного анализа позволил сопоставить изменения и образования мотивационных установок. Если в начале эксперимента мотивационными факторами к чтению испытуемых обеих групп выступали психофизиологические потребности отвлечения от сложных жизненных ситуаций и развлечения, то в завершении в экспериментальной группе появились социальные мотивы – коммуникативные, ценностно ориентированные, эмоциональные и другие.

Средний результат (от 12 до 16 баллов) в экспериментальной группе по шкале «Функциональные потребности» теперь был основан не только физиологическим удовлетворением, но и потребностью в эмоциональном насыщении и документальных коммуникациях. Появилась динамика в увеличении познавательных мотивов по шкале 3 и самооценки через идентификацию с героями произведений по шкале 4. Ответы испытуемых по шкале 7 показали, что у них появилась осознанность развития внимания посредством чтения. Эти данные указывают на то, что у трудных подростков экспериментальной группы образовались *высшие мотивы читательской деятельности*.

Доказательная база эксперимента основывается на репрезентативности методов и выборки. В обеих группах использовались одни и те же методы исследования. Метод обработки данных опросника «Готовность к чтению» показал общую готовность к чтению (по всем шкалам). Сопоставление величин двух выборок определялось t-критерием Стьюдента. В контрольной группе

среднее составило 8,2, а в экспериментальной – 12,3 (среднее значение 10,25, квадратичное отклонение 2,62, эксцесс – 0,07, асимметрия 0,13) – эти данные указывали на то, что распределение является нормальным. Рассчитав дисперсии для обеих групп, получили F критерий (Фишера) 1,146. Гипотеза о равенстве дисперсий оказалась на критическом 5% уровне, эмпирическое значение критерия составило 3,9, а табличное 2,10 (при уровне значимости 0,05, или 5%). В результате эмпирическое значение превысило табличное. Среднее значение мотивационной установки к чтению экспериментальной группы оказалось существенно выше, чем в контрольной. Из этого следует вывод о преимуществе чтения интерактивных документов.

Выборка была сформирована среди трудных подростков, временно находящихся в формате пенитенциарных учреждений Нижневартовска, в её состав вошли не только жители Ханты-Мансийского округа, но и всей России. Таким образом, выборочная совокупность выступила частью подросткового общества, и выводы могут распространяться на трудных подростков пенитенциарных учреждений разных городов страны. Вероятность того, что выявленные различия случайны, составила 0,05 ($\alpha = 0,05$). Эквивалентность групп и валидность подтверждена следующими критериями:

а) одинаковая возрастная категория (14–15 лет);

б) отсутствие психофизиологических нарушений развития;

в) средний (типичный для генеральной совокупности) уровень аффективности, импульсивности и неуправляемой эмоциональной возбудимости (по результатам экспресс-диагностик неуправляемой эмоциональной возбудимости и склонности к аффективному поведению В. В. Бойко);

г) низкий уровень познавательных процессов, навыков чтения (характерный для генеральной совокупности), подтверждённый результатами тестирования.

Из «деятельностных» деформаций следует отметить 1,2% подростков, продемонстрировавших некоторую конфликтность, но этот факт не меняет целостности результатов. Большинство участников эксперимента положительно оценили время, проведённое за чтением интерактивных документов: 68% испытуемых отметили, что через интерактивные составляющие они получили необходимое для них эмоциональное ослабление.

В завершении эксперимента было проведено повторное проективное тестирование. В основе рисуночной проекции лежал принцип раскрытия отношения к чтению, результаты позволили выявить психологические особенности трудных подростков, эмоциональную выраженность к чтению, читательскую направленность личности. Интерпретация данных подтвердила, что наличие достаточного количества альтернатив эмоционального реагирования в процессе чтения интерактивных документов обеспечивает насыщение эмоциональной сферы. В 45% случаев отмечалось выделение симметрии между человеком читающим, текстом и интерактивными составляющими документа, где интерактивные средства имеют преобладающие размеры. В сравнении с первичным тестированием, 54% испытуемых экспериментальной группы стали выражать комфортные психологические состояния в процессе взаимодействия с интерактивным документом. Изображение действий человека читающего и общий эмоциональный фон – все эти элементы свидетельствовали о значимости психологической регуляции в структуре чтения испытуемых экспериментальной группы. Ре-

зультаты испытуемых контрольной группы изменились несущественно, в основе их проекции по-прежнему черты агрессии и дискомфорта в процессе чтения. Таким образом, можно утверждать, что *чтение в интерактивном формате выступает как средство регуляции психических состояний трудного подростка.*

Обобщая проведённые исследования, следует отметить, что экспериментальные данные опровергают обыденное представление о неисправимой форме читательской индифферентности трудных подростков, так как в результате эксперимента была отмечена динамика развития от тривиальных установок к чтению (физиологического удовлетворения) до высших мотивов читательской деятельности (саморазвития). Но чтение трудного подростка затруднительно без наличия стимулирующего компонента в печатном документе. Сущность восприятия текста связана с созданием у читателя образа его содержания (А. А. Леонтьев, 1979), соответственно, неразвитость перцептивных образований трудного подростка требует компенсаторных механизмов. *Интерактивные составляющие документа компенсируют недостаточность ассоциативных детерминант трудного подростка в восприятии печатных текстов. Содействуют визуализации литературных образов, что, в свою очередь, способствует формированию мотивационных установок к чтению.* Чтение интерактивных документов позволяет представить материал в более доступном восприятии; нормальное читательское развитие трудного подростка связано с удовлетворением актуальных психофизиологических потребностей. Библиотекарь не в состоянии управлять читательской деятельностью трудного подростка, но учитывая вышеописанные знания, может организовать стимулирующие читательские

условия. Экспериментальные выводы могут распространяться и на других трудных подростков, внешняя валидность характеризует возможность обобщения, переноса результатов на реальные ситуации в библиотечной практике.

В системе культурных ценностей чтение является коммуникативной подсисте-

мой культуры, и в его развитии важная роль принадлежит библиотековедческим изысканиям.

В науке накоплен обширный материал, дающий возможность поставить новые исследовательские задачи для решения проблем читательской индифферентности различных подростковых субкультур.

Примечания

1. Алексеев Е. С., Мячев А. А. Англо-русский толковый словарь / под ред. А. А. Мячева. Москва : Финансы и статистика, 1993. 256 с.
2. Беляева Л. И. Мотивы чтения и критерии оценки произведений художественной литературы у различных категорий читателей // Художественное восприятие. Сборник 1 : сборник статей / АН СССР, Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры» ; под ред. Борис Соломонович Мейлах. Ленинград : Наука, ЛО, 1971. С. 162–176.
3. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 3-е изд., доп. и перераб. Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2006. 672 с.
4. Воробьева К. И. Отечественная библиологическая психология: история, состояние, перспективы книги : автореферат дис. на соиск. учён. степ. доктора психологических наук : 19.00.01 / Воробьева Клариса Ивановна ; Хабаровский государственный институт искусства и культуры. Санкт-Петербург, 1996.
5. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 320 с.
6. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 512 с.
7. Методики диагностики эмоциональной сферы : психологический практикум / сост. О. В. Барканова. Вып. 2. Красноярск : Литера-Принт, 2009. 237 с.
8. Методика для диагностики учебной мотивации студентов (А. А. Реан и В. А. Якунин, модификация Н. Ц. Бадмаевой) // Бадмаева Н. Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: монография. Улан-Удэ, 2004. С. 151–154.
9. Никандров В. В. Экспериментальная психология : учебное пособие. Санкт-Петербург : Речь, 2003. 480 с.
10. Полякова М. «Вехи»: Интерактивная книга: истории и персоналии. Особенности направления в контексте искусства книги [Электронный ресурс] : просветительский сайт. URL: http://concepture.club/post/rubrika_2021/interaktivnaja-kniga-istorija-i-personalii-osobennosti-napravlenija-v-kontekste-iskusstva-knigi
11. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии / отв. ред. [и авт. вступ. статьи] Е. В. Шорохова ; [сост. и авт. коммент. К. А. Абульханова-Славская и А. В. Брушлинский] ; Академия педагогических наук СССР ; Институт философии АН СССР ; Институт психологии АН СССР. Москва : Педагогика, 1973. 423 с.
12. Степанов В. Г. Психология трудных школьников : учебное пособие для учителей и родителей. 2-е изд., стереотип. Москва : Академия, 1998. 320 с.
13. Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности : избранные труды. Москва : Флинта : Московский психолого-социальный институт, 1999. 672 с.
14. Шапошников А. Е. Библиотекарь и читатель: аспекты общения // Библиотековедение. 2001. № 1. С. 59–62.

References

1. Alekseev E. S., Myachev A. A. *Anglo-russkiy tolkovyy slovar' [English-Russian dictionary]*. Moscow : Publishing house "Finance and statistics", 1993. 256 p.
2. Belyaeva L. I. Motivy chteniya i kriterii otsenki proizvedeniy khudozhestvennoy literatury u razlichnykh kategoriy chitateley [Motives of reading and criteria of estimation of works of fiction at various categories of readers]. In: Meylakh B. S., ed. *Khudozhestvennoe vospriyatie. Sbornik 1 [Artistic perception. Collection 1]*. Leningrad, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1971. Pp. 162–176.
3. Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. *Bol'shoy psikhologicheskiy slovar' [Great psychological dictionary]*. 3rd edition. St. Petersburg, Prime-Evroznak Publishing House, 2006. 672 p.
4. Vorobyeva K. I. *Otechestvennaya bibliologicheskaya psikhologiya: istoriya, sostoyaniye, perspektivy knigi. Diss. dok. psikhol. nauk [National bibliological psychology: history, state, prospects of the book. Doc. psychol. sci. diss.]*. St. Petersburg, 1996.
5. Druzhinin V. N. *Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental psychology]*. 2nd edition. St. Petersburg, PITER Publishing House, 2001. 320 p.
6. Ilyin E. P. *Motivatsiya i motivy [Motivation and motives]*. St. Petersburg, PITER Publishing House, 2002. 512 p.
7. Barkanova O. V., comp. *Metodiki diagnostiki emotsional'noy sfery: psikhologicheskiy praktikum. Vyp. 2 [Methods of diagnosis of the emotional sphere: psychological workshop. Issue 2]*. Krasnoyarsk, Publishing house "Litera-Print", 2009. 237 p.
8. Metodika dlya diagnostiki uchebnoy motivatsii studentov (A. A. Rean i V. A. Yakunin, modifikatsiya N. Ts. Badmaevoy) [The method for diagnostics of educational motivation of students (A. A. Rean and V. A. Yakunin, modification of N. Ts. Badmaeva)]. In: Badmaeva N. Ts. *Vliyanie motivatsionnogo faktora na razvitiye umstvennykh sposobnostey [The influence of motivational factors on the development of mental abilities]*. Ulan-Ude, 2004. Pp. 151–154.
9. Nikandrov V. V. *Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental psychology]*. St. Petersburg, Publishing House "Russian Language", 2003. 480 p.
10. Polyakova M. "Vekhi": *Interaktivnaya kniga: istorii i personalii. Osobennosti napravleniya v kontekste iskusstva knigi ["Milestones": Interactive book: stories and personalities. Features of the direction in the context of art books]*. Available at: http://concepture.ahhh!club/post/rubrika_2021/interaktivnaya-kniga-istoriya-i-personalii-osobennosti-napravleniya-v-kontekste-iskusstva-knigi
11. Rubinstein S. L. *Problemy obshchey psikhologii [Problems of General psychology]*. Moscow, Publishing House «Pedagogy», 1973. 423 p.
12. Stepanov V. G. *Psikhologiya trudnykh shkol'nikov [Psychology of difficult adolescents]*. 2nd edition. Moscow, Publishing house "Academia", 1998. 320 p.
13. Feldstein D. I. *Psikhologiya vzrosleniya: strukturno-soderzhatel'nye kharakteristiki protsessa razvitiya lichnosti: izbrannyye trudy [Psychology of growing up: structural and content characteristics of the process of personality development: selected works]*. Moscow, FLINTA Publishing House, Publishing house of the Moscow Psychological and Social Institute, 1999. 672 p.
14. Shaposhnikov A. E. Bibliotekar' i chitalel': aspekty obshcheniya [The Librarian and the Reader: aspects of communication]. *Bibliotekovedeniye' [Library and Information Science]*. 2001, no. 1, pp. 59–62.

*